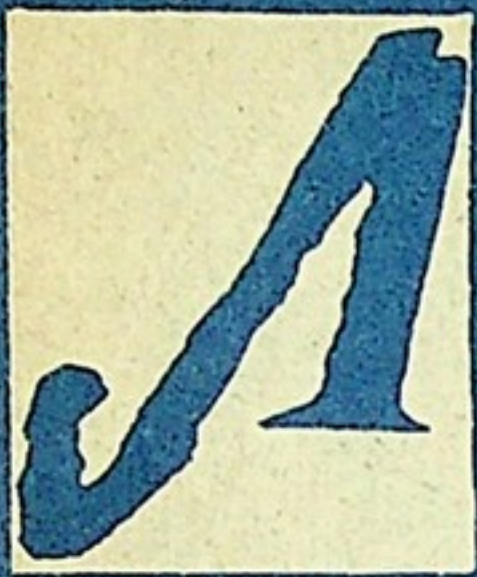

ISSN 0130-3600

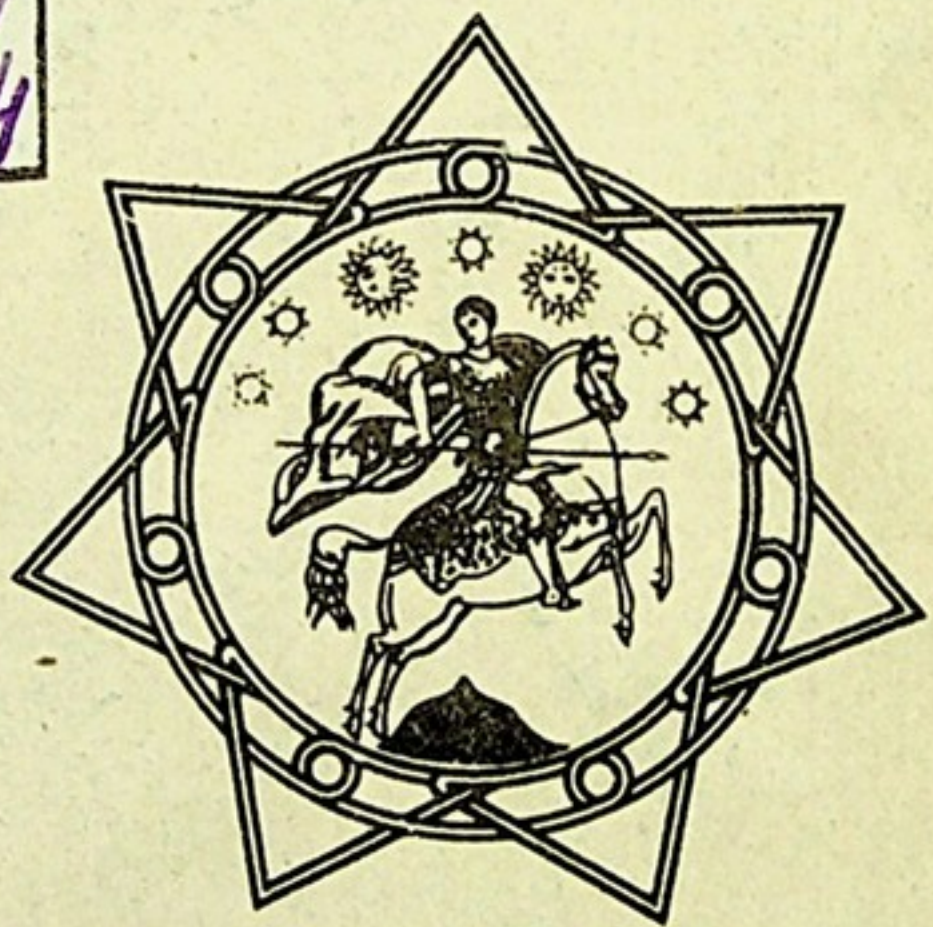
საქართველოს
ლიტერატურის

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1991

10.335
1991/4

7

საქართველოს
წიგნების კავშირი

1991

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ.** Фалестра. Роман. Перевод Виктории Зининой . . . 3
- ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ.** Стихи. Перевод Владимира Саришвили . . . 66
- ВАНО ЧХИКВАДЗЕ.** Птицы зимой. Роман. Окончание. Перевод Вахтанга Федорова-Циклаури . . . 68
- ГЕОРГИЙ ГИГАУРИ.** Стихи. Перевод Ларисы Фоменко . . . 138

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- ВИКТОР НОЗАДЗЕ.** Борьба за восстановление территориальной целостности Грузии (Месхети). Перевод Лианы Татишвили. Вводное слово Гурама Мамулиа 142

7

ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ

НАИРА ГЕЛАШВИЛИ. Мессия персонажей 184

КОНТАКТЫ

НАТАЛЬЯ ОРЛОВСКАЯ. «На что искусство,
коли оно бесполезно». 195

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ТАМАЗ НАТРОШВИЛИ. Летописец 202

ИСКУССТВО

ЛЕЗ КОПЕЛЕВ. Милосердная мощь 212

РОДНИКИ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

СПАРТАК РЕХВИАШВИЛИ. Символ мудро-
сти и доброты 215

РЕЦЕНЗИЯ

ТАМАР ЦИЦИШВИЛИ. Литературные вза-
мосвязи: формирование теоретических при-
нципов 221

Фалестра

(СТОРОННИЙ ВЗГЛЯД В ЕВРОПЕ)

РОМАН

КАК ПИСЬМО ПИСАТЕЛЯМ ЕВРОПЫ

Стефану Цвейгу, писателю и человеку.

143.073

«Я то, что есть, что было и что будет, и ни одному смертному, ни одному бессмертному не дано приподнять мой покров».

Надпись на пьедестале скульптуры саисской женщины, которую египтяне называли Нейт.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хорошо, когда весна продолжает животворное буйство в теле мужчины. Так думает Адольф Унгар. Еще лучше, когда пора эта сродни первозданной природе. У Адольфа Унгара желудок страуса и сердце арабского скакуна. Ему неведомы усталость и меланхолия. Тело у него гибкое и крепкое. Он может проплыть без усталости три мили. Ноги выносливые, а нервы крепкие. Вот и сейчас, когда он мчит свой автомобиль, этот металлический зеленый мул, предложенный ему известной фирмой, и сейчас не откажешь ему в ловкости. Недаром сказала как-то о нем одна из красавиц: английский лорд с рельефом шофера. Но Адольф Унгар не шофер, он — кинорежиссер.

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

Ему по душе живые ритмы большого города. Улицы — смоляные зеркала, в которых отражаются серые облака. Параллели и перпендикуляры. Кубы и квадраты. Мосты и виадуки — точно железобетонные радуги. Жерла метро, где металлические двери шипят, казалось бы, в предчувствии эпилепсии. Омнибусы — как обезумевшие полипы. Такси — их бесчисленное множество: резвые точки металлических муравьев. Все это любимо Адольфом Унгаром. Какой-то поэт в ритмах города увидел «малярию механики». Но если удастся в бактериологическом институте с помощью соответствующих приборов узреть микробы малярии, ничего более живописного и фантастического представить невозможно. Адольф Унгар знает это. Видит он многоэтажные дома и устремившиеся ввысь купола церквей, и кажется ему: это огромные корабли отдыхают в океане. Опустился туман — и город, развалясь в потоках электричества, и в самом деле на океан похож.

Адольф Унгар мчит по городу на автомобиле. Ему по душе нескончаемый поток масс. Для многих эти массы — разоренные муравейники. Но Адольф Унгар знает, что иногда неплохо ощущать себя муравьем, ему даже доставляет удовольствие плыть в этой общей массе. Он будто бы оторвался от собственного «я», нет, не оторвался, а лишь только «отошел» и с присущим муравью инстинктом прокладывает дорогу. Инстинкт же этот безошибочен. Адольф Унгар, как сомнамбула, способен бесстрашно пройти по краю пропасти. Пробуждение может погубить его. Эта ловкость, позволяющая не перешагнуть рамки соизмеримого, еще более увеличивается, когда ты срастаешься с неким материальным телом, которое подвластно тебе. Такое тело — автомобиль. Но важно самому управлять им. Эту тайну динамизма хорошо знает Адольф Унгар. Вот и сейчас, когда он за рулем, он весь — во власти наслаждения этой физической силой. Он сросся с машиной, а его «я» остается где-то далеко и с этого далека наблюдает течение мыслей.

Адольф Унгар смотрит в сторону. На афишной тумбе видит плакат: на коне мчится женщина с распущенными волосами. И надпись крупными буквами — «Фалестра» (и ничего более). Адольф Унгар работает над фильмом из жизни амазонок. Фалестра, царица амазо-

нок, собирается на войну с Александром Македонским в Малой Азии. Стройные амазонки готовы к бою. Но мрачна царица. В солнечном ореоле плывет ей навстречу образ македонца. Наследник Филиппа, восседающий на Буцефале, бесстрашный воин, предстает перед Фалестрой сыном солнца. Сердце царицы пылает непривычной для нее страстью и непонятной ей доверительностью. В бедрах амазонки просыпается женщина. Она оповещает Александра Великого: хочу быть беременной от тебя. Амазонки восстают, но непреклонна воля царицы... Мысли Адольфа Унгара витают вокруг их встречи, в фильме это главное. Семьсот женщин на семистах конях уже готовы. Семьсот женщин всех рас и стилей, все красивы и стройны. Но царицу амазонок режиссер найти не может. Женщина, яркое олицетворение женского начала, ярый борец с кланом мужчин, женщина, которую не может покорить любовью ни один мужчина, — вот такая Фалестра! И только однажды нарушит она закон амазонок — без боя обнажит грудь перед сыном Филиппа. Таковую женщину Адольф Унгар не нашел.

Стемнело. Унгар мчится по широкому бульвару. Вдалеке, точно желто-рыжий глаз Изиды, светится кафе. Унгар останавливает машину. Входит в кафе, залитое мягким электрическим светом. Здесь доминирует апельсиновый цвет. В кафе собираются артисты и режиссеры кино и театра, поэты, художники, музыканты, скульпторы, студенты, любители богемы, эмигранты, журналисты. Адольф Унгар проходит между столиками. Слышится шепот: «Адольф Унгар». А он словно бы не слышит его, хотя внимательный глаз подметит следы удовлетворения на его лице. Унгар смотрит по сторонам, ищет кого-то. «Ага», — вот он направляется к столику в дальнем углу.

— Знакомьтесь: мсье Пелетье! Герр Унгар!

Говорит один из сидящих за столиком. Ему не более тридцати, тип — балканский. Длинные черные всклокоченные волосы, лицо сплошь в морщинах (удивительно, как он бреется), в желтых глазах то и дело загораются искорки.

— Герр Петерец, прошу извинить, я немного опоздал...

Отвечает Унгар и садится.

— Ничего... Мы с моим другом беседовали о «Фалестре».

Пелетье — музыкант и хореограф. Это ^{плотный}, чуть поноватый мужчина с усталыми карими глазами. Чувствуется, что он скуп на слова.

Возле стола, точно опытный дипломат, замер гарсон, ждет заказа. Фрак на нем не первой свежести.

— Крепкий кофе и «Мартель».

Заказывает Унгар. Гарсон уходит.

Петерец собрался было что-то сказать, но в это время оркестр заиграл чарльстон. За столиками оживились. Словно нечто нерукотворное и в то же время материальное, жгучее и сладостное, неожиданно завладело всеми: мужчины и женщины, прижимаясь, самозабвенно танцуют, дирижер, маленький человек семитского типа, играет на скрипке и, не удержавшись под тяжестью хлынувших на него ритмов, извивается в танце. В середине зала мужчины и женщины в животной неге льнут друг к другу, а ноги продолжают сумасшедшую круговерть. Видны ноги, только ноги. Платья короткие, не доходят до колен. Ноги в серовато-белых чулках кажутся обнаженными.

— Голые лодыжки... Голые колени... Это примета времени...

Говорит Петерец.

— Как?

Спрашивает Унгар.

— Нагота женщин выражает стиль эпохи, не так ли, мсье Пелетье?.. Вам это должно быть известно лучше, чем мне.

Пелетье молчит. Петерец продолжает:

— Стиль эпохи в сенсуальности, а сенсуальность — в наготе... Но, разумеется, не в полной наготе... Что скажете, герр Унгар?.. Ха-ха-ха!..

Смеется Петерец, обнажая желтые кривые зубы. Желтые глаза его искрятся. Петерец говорит с пафосом, то и дело приглаживая непокорные взъерошенные волосы растопыренными длинными пальцами, заканчивающимися длинными, как когти собаки, ногтями.

— Нет... Женщины лучше нашего знают это и оголяются в меру... Толстой объясняет волшебство искусства «мерой»... Вот и женщины создают свое чародейство относительной наготой... Разница только в том, что

меру эту женщины знают лучше, чем художники, не так ли, мсье Пелетье?

Пелетье краснеет и улыбается, Унгар пытается вставить слово, но Петерец не умолкает.

— Прежде обнаженность женщин начиналась с шеи, а нынче — с ног... В этом различие стилей... Обнаженность, начинающаяся с шеи, признак романтизма... Сегодня нагота начинается с ног и Бог знает до чего доходит... Сегодня модель эпохи — голые лодыжки и голые колени. На афишах — обнаженные голени, в журналах — тоже. Всюду — женские ноги: на папиросных коробках, на обложках книг, на рекламах белья... Разве это не примета времени, достойная социологического исследования?

Мужчины и женщины льнут друг к другу в чарльстоне. Петерец смотрит на них и с прежним пафосом продолжает:

— Сама по себе нагота не столь соблазнительна... Но нагота в сочетании с танцем — другое дело. Что скажете, мсье Пелетье?.. Посмотрите на эти ноги, — в них тайна нашего времени... Сколько страсти в этих ногах, и я бы сказал даже — ожесточенности... Помните, электрическая лампочка, перед тем как погаснуть, ярко вспыхивает... В этом танце, несомненно, — предчувствие того, что страсти угаснут... Вот почему ноги двигаются с таким отчаянием... Это верный признак конца... Под конец — страсть это и боль и сладость одновременно. К чему было Шпенглеру писать толстую книгу... Достаточно было описать этот танец и эти ноги... А, мсье Пелетье?

Пелетье молчит, только улыбается. Петерецу вопрос необходим для паузы, чтоб продолжать упиваться своим монологом.

— Это ложь, будто бы человек произошел от обезьяны...

Унгар и Пелетье взглянули на него с некоторым удивлением.

— Гораздо вернее гипотеза, что сам человек превратился в обезьяну... — продолжает как ни в чем не бывало Петерец. — Да, обезьяна-декадент... Ха-ха-ха...

Адольф Унгар, воспользовавшись его смехом, спрашивает недоуменно:

— А это причем?

— Причем?.. Это лишь только аналогия... Ложь, будто бы негр, принесший эти ритмы в Европу, был дикарем... Он — окультуренный декадент... Существовал некогда культурный народ, который превратился в негров... Негр-декадент... Услышь это Бодлер, он перевернулся бы в гробу... Но нет... подождите...

Петерец, кажется, ищет нужное слово.

— Негр-декадент... Пожалуй, Бодлеру даже понравится на том свете эта мысль... Он ведь осатанело воспевал чернокожую мадонну... Если не ошибаюсь, он даже любил одну из них... Нет, Бодлер был наделен апокалипсической интуицией. Он предчувствовал аромат нашего времени... В «Цветах зла»...

Петерец достает папиросу. Унгар пользуется паузой:

— Любопытная гипотеза, но не вижу нити...

— А вот и нить... (Петерец успевает закуригь)... Негр — декадент... Негр покоряет Европу своими ритмами... В последнее время он завладел живописью и литературой... Европа принимает негра... Европа пьянеет от всего негритянского. Мальчишки даже на трамвайных остановках насвистывают негритянские мелодии, девчонки на окраинах танцуют под них... Европа приобщается к негритянскому... И если негр — декаданс древней культуры, стало быть...

— Стало быть?..

Повторяет Пелетье.

Но в это время к Петерецу подходит метрдотель и говорит, что его зовут к телефону. Петерец вскакивает, фраза повисает в воздухе.

— Стало быть?.. Об этом после... Романисты любят продолжение...

Молчание, которое более невыносимо для Пелетье. Унгар чувствует это и нарушает тишину.

— Упрямый человек этот наш Петерец...

— Да, большой парадоксалист...

— Надо же так мыслить!..

— Для него характерны странные ассоциации... Вот, к примеру, до вашего прихода мы беседовали на тему, которая так интересует вас...

— Об амазонках?..

— Да... Это и в самом деле удивительная тайна...

Ведь это факт: амазонки жили отдельным кланом, периодически нападали на мужские кланы, брали их в плен, готовились к «празднику роз», предавались в этот день наслаждению с пленными, затем убивали их... Мы знаем это...

— Да, это факт...

— Но не знаем одного: если они так жаждали любви, почему убивали мужчин?..

— Именно в этом и заключена тайна...

— Знаете, как объясняет это Петерец?

— Как?..

Но в это время подошел, нет, вернее, подбежал Петерец, и диалог прервался.

— Мистер Лейк и Жаннет приглашают нас с вами, мсье Пелетье... Узнав, что здесь и герр Унгар, они страшно обрадовались... Просят и вас, герр Унгар.

— Охотно присоединюсь к вам, но попозже... Мне надо увидеться кое с кем...

— Когда вас ждать?

— Через час.

— Тогда мы не прощаемся.

Петерец и Пелетье уходят.

Адольф Унгар сидит за столом один. Дышит свободно, глаз его отдыхает. Вдруг за одним из столиков он замечает женщину. Почему он не заметил ее раньше? Унгар видит: длинные ноги, стройные и крепкие, черные шелковые туфли с бриллиантами величиной с горох. «Вот она, амазонка, подлинная амазонка». Унгар качнулся, словно кто-то толкнул его. Что с ним происходит? Женщина подняла голову. Смотрит в сторону. Коротко острижена, волосы цвета солнца, заходящего за море. Профиль четкий, несколько суровый. Глаза будто бы находятся не здесь — так они смотрят — на двух листочках цвета черной волны отражается изумрудное мерцание.

«Вот она, амазонка, подлинная амазонка». Мозг Унгара горит. Между ними то самое расстояние, когда судьбу двоих решает кто-то третий. Он видит амазонку, а в амазонке — женщину: все в ней от женщины — ноги и руки, глаза и уши, нос и лоб, шея и грудь, бедра и волосы, каждая частичка сама по себе женщина. Он не отрывает глаз от незнакомки. Тело ее в

зеленом шелковом платье — искусно выточенный камень, увитый сетью.

Унгар чувствует: восхищение этой женщиной раскаленным металлом заливает его тело. Он чувствует: горячая масса расплывается по телу, затем, съезжившись, застывает. Унгар задыхается. Никогда не испытывал он подобных ощущений. Видел тысячу женщин, даже более красивых, чем эта. Любил многих, более стройных, чем эта. Но ничего подобного не испытывал до этой минуты. Унгар при виде красивой женщины волнуется, но чувствует в себе силу покорить ее. Но перед этой женщиной... Куда девалась его уверенность? Перед незнакомкой Адольф Унгар «сник», какая-то частичка его существа ощутила, что женщина подавила его: победила, унизила, уничтожила. Вновь — интервал, когда судьбу двоих решает некто третий.

Адольф Унгар не отрывает глаз от незнакомки. Кто она? Англичанка или француженка, итальянка или русская, голландка или американка? Нет: она другой расы, не виданной им прежде. Женщина курит. На безымянном пальце левой руки — кольцо с огромным изумрудом. Ясный профиль — в ореоле легкого дыма. Кто сидит рядом с ней? Говорит по-английски. Должно быть, американец, лет пятидесяти. Кто умеет разгадывать характер по рукам человека, отметит, что сухая и в то же время довольно пухлая рука привыкла иметь дело с червонным золотом. Американец что-то говорит. Женщина не отвечает, смотрит в сторону. Унгар жаждет услышать ее голос: для полного опьянения ему необходимо испить до дна и эту чашу. Но женщина молчит. Кем она доводится американцу? Жена? Но с женой не говорят с таким почтением. Дочь? Но с дочерью не ведут себя так. Любовница? Что-то словно ужалило его. Утешает только то, что женщина — это очевидно — равнодушна к американцу, словно не замечает его. Но она не замечает также и других. И Унгара тоже. Он мрачнеет.

На столе перед женщиной лежат журналы. Она берет один из них, перелистывает. Это киножурнал. Какой номер? Именно тот, в котором напечатано фото Унгара... Унгару это нравится. Он взволнованно следит за рукой женщины. Мысленным взором возвращается к себе. Видит элегантного мужчину, роста выше сред-

него, плотного телом, ловкого. Нос — слегка горбатый, подчеркивающий характер. Подбородок — широкий и крепкий. Лоб высокий. Глаза — серо-стальные, характерные для моряков. Голова бритая. На левой руке металлический браслет — знак силы: найденный при раскопках старинный римский браслет, побитый временем и заржавленный, но все еще крепкий и многоговорящий. Унгар следит за пальцами женщины, перелистывающими журнал. На какой странице его фото? На пятнадцатой. Унгар считает страницы. Что она медлит? Женщина что-то читает. Растет нетерпение Унгара. А это какая страница? Должно быть, тринадцатая. Женщина, не глядя на четырнадцатую, переводит взор на пятнадцатую. Унгар задыхается. Он считает секунды (сколько еще она задержит свой взгляд на фотографии?) и наблюдает за выражением лица женщины. Почему она так поспешно перевернула страницу? Она не заинтересовала ее? Интересно, она взглянет на Унгара? Он сжался. Женщина и в самом деле подняла глаза, взглянула на него, но взгляд был беглый, мимолетный. Заметила ли она, что в журнале — его фотография? Понравился он ей? (Мужчина должен это почувствовать, считает Унгар). Он смотрит на незнакомку, но ничего не может прочесть на ее лице: ни «да», ни «нет». Его вдруг охватил гнев. Плотные сомкнутые губы его сомкнулись еще плотнее.

А что если ему встать и подойти к ее столику? Он извинится, скажет, что ищет исполнительницу роли царицы амазонок, умолит ее сыграть в «Фалестре». Что тут предосудительного? Унгар собрался было встать, но женщина оглянулась, и Унгар вновь опустился на стул, как подкошенный. Что с ним? Неужели он в самом деле так «слаб»? Он вновь смотрит на женщину, видит: американец встает и идет в туалет. Унгар что-то пишет на меню. Пишет нервно. Хорошо бы успеть передать ей эту записку. Но он не исполняет своего намерения. Что с ним? Возвращается американец. «Кава, нам пора». Ага, он теперь знает хотя бы, как ее зовут. «Кава». Ему тоже пора покинуть ресторан. Он расплачивается с официантом. Американец и незнакомка встают. Какая она высокая! Намного выше Унгара. Унгар сник еще более. (Если мужчина не выше женщины, ему трудно покорить ее — это тоже максима Унгара).

Американец с женщиной идут впереди. Унгар следует за ними. Выходя, в вертящейся двери, он передаст ей записку, думает Унгар. Женщина роняет перчатку. Вот и подходящий момент. Сколько раз, бывало, передавал Унгар незнакомке записку в такой ситуации! И ей всегда удавалось ловко спрятать записку в сумочку. Но что с ним происходит? Женщина смотрит в зеркало. Унгар мешкает, но не спускает с нее глаз. Неожиданно он уловил в зеркале улыбку незнакомки. Что она означала? Насмешку или вызов? Унгар не понимает. Американец уже вышел. Женщина следует за ним. Черт побери, у него дрожат руки. Он так и не передал ей записку. Американец и женщина садятся в авто. Унгар следует за ними. Проехали одну улицу, вторую. Переулок, затем мост, и снова улица, снова переулок. Унгар не спускает глаз с передней машины. Увеличивается поток такси. Предстоит проехать бульвар. Автомобиль американца уже вошел в круг. Унгар спешит за ним. Но именно в это время шуцман дирижерским жестом возвел руку — и застыла масса несущихся машин. Вдруг женщина оглянулась, и Унгар поймал ее взгляд. Но что он заметит ночью, хотя бульвар и залит электрическим светом. И все-таки Унгар ухватил устремленный на него взгляд. Он почувствовал: мимо него прошла его судьба. И плечи его обожгло жаром.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мистер Лейк сидит за столом в небольшом кабинете, устроенном так, что городской шум не достигает его. Это скорее каюта лайнера, куда едва доходит рокот океана — города. Стол черного дерева, низкий и длинный. На нем телефоны, рядом — радиоустановка. Возле стопки деловых бумаг — две огромные коробки: в одной — папиросы, в другой — сигары. Мистер Лейк снимает телефонную трубку (извиняясь перед гостем). Тихим, но твердым голосом вызывает станцию. Гость почтительно смотрит на хозяина. Тот разговаривает по телефону:

— Мистера Мак Колаха... Нет его?.. Когда вернется?.. Хорошо... Спасибо.

Мистер Лейк кладет трубку, протягивает гостю коробку с папиросами. Гость закуривает. Это Пелетье. Он сидит около стола в низком и мягком кресле. Кресло же, в котором сидит мистер Лейк, — высокое и крепкое. Может, это сделано намеренно? Пелетье знает, что низкое и мягкое кресло пробуждает мечты, но ослабляет волю. Говорит мистер Лейк. Фразы короткие и четкие. Тон неторопливый и убедительный. Пелетье смотрит на профиль мистера Лейка и думает: «Типичный янки».

Но Лейк не янки. Он родился в Одессе, на Арнаутской. Отец его переселился туда из Вильно. В шестом классе гимназии кто-то сказал Лейку: ты похож скорее на англичанина. С того дня молодой Лейк заделался англоманом. По натуре он был романтиком. И в мечтах нередко чувствовал себя истым англичанином. Но для этого надо было знать язык. И Лейк стал учить английский. Он терпеливо добивался правильного произношения и за три года достиг цели. Когда он поступил в университет, его уже называли «англичанином». Но чтоб быть настоящим англичанином, нужно иметь соответствующий характер и главное — волю. Лейк ежедневно тренировал свой характер, ковал волю. Нередко прибегал к такому способу: получив записку от возлюбленной, сдерживал волнение и распечатывал письмо только на другой день. Доставляли ему беспокойства лишь две буквы в конце собственной фамилии. Лейк мысленно даже убрал их. Но в Одессе он скрывал это. В войну Лейк попал на персидский фронт, где ведал хозяйственной частью в «Союзе городов». Здесь изучил он персидский, не растерялся — собирал персидские «десятирублевки» и персидские ковры. Ездил от Казвина до Тбилиси (в Энзели его не обыскивали: он имел соответствующие бумаги), откуда привозил в Персию хну, из Персии вывозил гашиш. Богатство его росло. Но Октябрьская революция положила конец и персидскому фронту. Лейк растерялся. Разум диктовал ему ехать в Хамадан, присоединиться к армии Баратова и направиться в Индию или в Багдад. Таким путем он мог спасти персидские «десятирублевки» и персидские ковры. Но сердце его оказалось более чувствительным, нежели разум. Он полюбил сестру милосердия, русскую, блондинку, и вместе с ней отправил-

ся на север. Ковры оставил в Казвине. В пути, в вихре гражданской войны, он потерял и возлюбленную, и персидские «десятирублевки». Наконец оказался в Москве. Здесь познакомился с контрабандистами, промышляющими торговлей спиртом. К тому времени, когда открылась дорога между Москвой и Кавказом, Лейк стал одним из главарей «спиртовиков». Грузины называли его «наш Лейк». Но интуиция никогда не обманывала его. Он чувствовал, что от Чека ему не укрыться даже во сне. А просто работать в социалистической стране он не мог. Месяц болел. Отпустил бороду. Потом надел на себя лохмотья и стал попрошайничать на Тверской улице. Возле «Иверской богоматери» прохожий нередко ловил обрывки его молитвы: «Пречистый Спас...». Наконец он оставил и Москву. Отправился в Сибирь — ускользнул от «красных». Ускользнул и от «татар». Добрался до Монголии, оттуда — в Китай. В пути видел: древние племена, диких зверей, старых богов. Из Китая перешел в Японию. И в один прекрасный день оказался в Америке. Здесь он написал книгу воспоминаний. От журналистов у него не было отбоя. Появились деньги, и он снова заделался «англичанином». Но вскоре понял: чтоб быть англичанином, помимо «бритвы», «языка» и «воли», необходима еще и тысячелетняя традиция. Тогда он вспомнил о «янки», у которых нет традиций, да она им и не нужна. И однажды (конечно, в один прекрасный день) мистер Лейк превратился в янки. Но не смог привыкнуть и к Америке. Не смог избавиться от романтизма. Покинул Нью-Йорк и отправился в Европу. В эту пору Германия претерпевала «инфляцию». Лейк занялся спекуляцией и в течение месяца разбогател несказанно. Но сенсуальность его ничего хорошего ему не предрекала. В Берлине он познакомился с эмигранткой, Ириной, дочерью князя Оболенского. И влюбился. Ирина «принимала» его влюбленность, но в душе мечтала о настоящем англичанине. Вскоре она встретила такого — и мистер Лейк остался ни с чем, к тому времени он потратил на Ирину почти все свое состояние. Покинув Берлин, он направил стопы свои к городу мира, являющемуся воплощением европейского гения. Здесь он снова стал промышлять гашишем; из Персии возил в Ангору, из Ангоры во Францию. И вновь разбогател. Но однажды в газетной

хронике вычитал, что его напарник пойман. Страх обу-
ял мистера Лейка. Целое состояние истратил он на то,
чтоб уничтожить компрометирующие его бумаги. И те-
спасся, хотя обошлось ему это слишком дорого. И те-
перь он — в Европе. Судьба его висит на волоске. Но
Лейк не теряет надежды. У него — связи и знакомства.
У него — идея создать кафе-театр, где органично бу-
дут сочетаться: обнаженность женщин, ритмы негров и
поэтическая фантазия. Мистеру Лейку даже обещают
финансовую поддержку в этом деле. Может, мистер
Мак Колах обещает? Мистер Лейк в эту минуту бесе-
дует с Пелетье именно об этом.

— Вам герр Петерец, вероятно, все передал. Нам
нужна музыка. Прежняя музыка уже не волнует. Вы
знаете, будущее — за ритмами негров. Но этот ритм
прост. Открытие синкопы — целая эпоха. Нужна бóль-
шая сложность, для достижения которой нам необходи-
мо использовать технические методы старой музыки.
Саксофон великолепен. Но необходим другой шумовой
эффект, другой инструмент. Что скажете, мсье Пелетье,
об использовании шума реки, а, что скажете?

— Я думал об этом. Вероятнее всего, мы исполь-
зуем эти звуки.

— Вообще-то, кажется, что тихий речной гул —
фон для горячих ритмов. Кажется, что этот шум — ды-
хание хаоса, где рождаются первобытные волны и раст-
воряются в медленном ритмическом течении.

— Точная мысль, вы чувствуете музыку.

— Думаю, что получится неплохо.

— Несомненно. Далее: оркестровка первобытных
ритмов. Вы нашли превосходный образ: хаос, вот имен-
но, хаос. Оркестр — это пасть хаоса, откуда вырыва-
ются горячие ритмы. Но это, так сказать, поначалу.
Впоследствии все реже следует вторгаться в уже обуз-
данное течение ритмов.

— Верные слова. Хорошо, когда жгучей волной
вдруг обдаст оркестр. Жгучей, пронзительной волной.

— Да-да, вот именно. Эта пронзающая, режущая
волна и должна стать сенсуальной линией.

— Точно. Сенсуальная линия: до бесконечности
протяжная, почти что аматериальная. Но жгучая, сла-
стная. Прекрасные слова, мсье Пелетье, вы читаете мои
мысли, удивительно...

Пелетье улыбается. Мистер Лейк закуривает. Он доволен (что выражается в тяжелой паузе).

Пелетье собирался что-то сказать, но в это время открылась дверь, вошла, смеясь, Жаннет. Следом Петерец с легкой улыбкой на лице.

— Ха-ха-ха... Ну и чудной же наш Кико (так зовут Петереца)... Надо же такое рассказать... Ха-ха-ха!..

— Что, новый анекдот?

Интересуется мистер Лейк.

— И еще какой!..

Жаннет — характерный тип женщины больших городов. Ее встречаешь: в киноателье, в театральные студиях, в монмартрских кафе, среди кокоток высшего света и стройных манекенщиц. Жаннет — сердце богемы. Способна дружить с поэтами и художниками. Она на время оставила работу натурщицы и живет у мистера Лейка, который ей ни в чем не отказывает.

Жаннет перестает смеяться. Мистер Лейк поглядывает на часы.

— Почему опаздывает Унгар?

Спрашивает Жаннет, несколько удивленная.

— Скоро час...

Говорит тихо Лейк и поворачивается к Жаннет.

— Стол накрыт?

— Накрыт... Но Унгар?

— Держу пари, Унгар увязался за той женщиной, что сидела неподалеку от нас, с американцем... Ведь он ищет царицу амазонок...

— Не хочу кривить душой, она была обворожительна.

Шепчет Пелетье словно бы про себя.

— Еще бы!..

Соглашается Петерец.

Пауза, которую вызвала, вероятно, Жаннет. Интересно, чувствует она это? Паузу прерывает сама Жаннет.

— Пойдем... Сядем за стол.

Петерец возвращается к незнакомке, увиденной в кафе.

— А как она вошла: словно опытная тигрица, уверенной и мягкой поступью.

— Как ты порой странно выражаешься, Кико!

Говорит, вспыхнув, Жаннет.

— Неужели ты позавидовала, Жаннет... Нет, моя дорогая. Та женщина красива, но из вас двоих художник выбрал бы моделью тебя... Не так ли, мсье Пелетье?

Пелетье смущенно улыбается. Жаннет уходит, чуть склонив голову, всем телом чувствуя, что она настоящая женщина. На стене она видит зеркало. В зеркале — себя. Поправляет волосы цвета красной меди. Нравится она себе: красива, стройна, только вот эти проклятые веснушки. Словно кончиком иглы коснулась лба Жаннет легкая боль.

Все садятся за стол. Слышится звонок. Входит Унгар, несколько виноватый.

— Ну вот и герр Унгар.

— Извините, я опоздал... Со мною такое приключилось...

Говорит сконфуженный. Садится рядом с Жаннет.

— Наверное, вас потянуло за красавицей из кафе... Вы ведь ищете царицу амазонок?

Жаннет многозначительно улыбается.

— Красавицей?.. Из кафе?.. Кто вам сказал?

Унгар смутился еще более.

— Петерец бьется об заклад, что вы увязались за женщиной, которая сидела в кафе рядом с американцем.

— Правда, герр Петерец?

Спрашивает удивленный Унгар.

— Правда... И кажется, я не ошибся.

— Почему вы так думаете?

— Как, вы и в самом деле последовали за ней?

Это — взволнованный голос Жаннет.

— Да... Однако...

— Что — однако?

Интересуется Петерец.

— Коли вы все знаете, скажите: познакомился я с ней или нет.

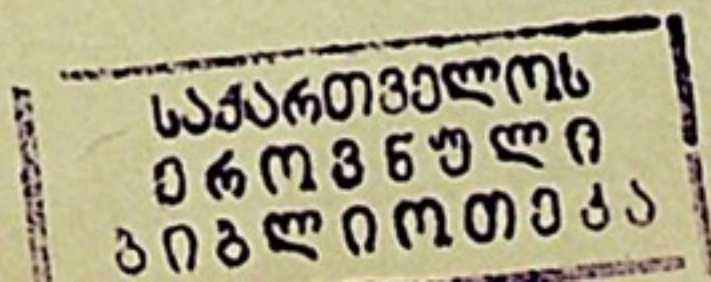
— Сначала скажите, понравилась она вам или нет?

— А вы угадайте.

— Я думаю, да... Она, несомненно, понравилась вам.

— Так чего же спрашиваете?

— Я смотрю на ваше лицо, чтоб удостовериться, что я прав.

— Теперь-то вам это известно... Так ответьте на мой вопрос...

— Чтоб ответить, я должен знать...

— Что?..

— Незнакомка понравилась вам как режиссеру или как мужчине...

— Не понимаю...

— Она понравилась вам... Но... Искал ли в ней царицу амазонок режиссер или же видел в ней женщину мужчину?

— Ага...

— Вы меня поняли?

— Постольку поскольку...

— Так отвечайте...

— Хорошо... И все-таки я не понимаю, для чего вам это?

— Для чего?.. В кафе мы с мсье Пелетье рассуждали о тайне амазонок... По сей день тайна остается тайной... И в самом деле, зачем они убивали пленных мужчин, если их так влекло к ним?

— И меня интересует это.

— Я бы мог объяснить это... Во всем я вижу «пол». Даже в слове... Пол — это рождение и смерть... Отец, породив сына, умирает... Сын превращается в отца: сам порождает дитя и умирает. И его сына ждет та же участь... И так до бесконечности... При этом остается фамилия, человек же как личность умирает... Личное побеждается безличным... И так повсюду... Но есть исключение: это человек, обуреваемый любовью... Любовь — это торжество личного... В любви человек не жаждет продолжения... Он стремится лишь к наслаждению...

— А дальше?

— Дальше? Но он не достигает этого... Мучается... Ему ненавистен безличный пол, который уничтожает в нем личное «я»... В непознаваемой глубине это «я» протестует против пола, то есть в сути своей против любимой, и часто, когда «я» сознает, что его борьба изначально обречена, презрение к полу переносится на возлюбленную... Здесь сокрыты корни любви и ненависти... Тому свидетельство и слова, нередко используемые любовниками: «я тебя съем», «я выпью те-

бя» и другие... Словарь романтиков берет начало отсюда, хотя сами они не знают этого...

— Неужели нет примеров этому?

— Почему же? Пентесилия Генриха Клейста спускает на Ахиллеса собак, потом кидается на его растерзанное тело, в исступлении целует его и убивает себя... Саломея Уайльда из племени Пентесилии: она целует отрубленную голову Иоанна, хотя сама велела отрубить ему голову... Женщины Достоевского «едят» любовников... Женщины Гамсуна ведут тайную дуэль с мужчинами... И так далее... Любовь — дуэль, в которой нередко погибают оба: и мужчина и женщина... Да, дуэль, ибо лучше «личная» смерть, нежели «безличная» бессмертность... Вот почему светлой любви сопутствует неизлечимая печаль... Вот почему в страстной любви к радости примешивается страх... Да, любовь — дуэль. И тайна амазонок — в этой дуэли, не более.

— Весьма любопытный взгляд, и в «Фалестре» мы непременно используем его, но...

— Но вы не понимаете моего условия, не так ли?

— Именно.

— Пожалуйста... Стало быть, вы согласны, что любовь — дуэль?.. Прекрасно... А теперь представьте себе, мужчина встретил женщину и почувствовал, что полюбит именно ее. Скажите, что лежит в основе этого предчувствия?

— Некоторый страх... Благоговение.

— Верно... Страх и благоговение... Теперь вам понятен мой вопрос?..

— Стало быть, если я, мужчина, увидел в ней женщину... Так?..

— Да.

— И что дальше?

— А вот что: если это так, то я не уверен, что вы познакомились с той женщиной...

Петерек замолчал. Молчит и Унгар, Жаннет сгорает от любопытства. Не выдержав, обращается к Унгару:

— Герр Унгар, он угадал?

— Да...

С улыбкой произносит Унгар. Улыбаются и остальные. Только по лицу Жаннет пробегают легкая тень. За-

столье с каждой минутой становится оживленнее: шампанское не иссякает.

Однако Адольф Унгар мрачен. Вероятно, чтоб скрыть свое невеселое настроение, он обращается к Петерецу.

— Теософы говорят, что у любого человека есть свое астральное тело, которое, случается, покидает его... Ваше астральное тело, должно быть, часто отделяется от вашего физического тела... Наверное, и сегодня вы оставили его в кафе, чтоб наблюдать за мной, верно?

Петерец хохочет. Потом говорит:

— Возможно, так и есть... Я и сам не знаю, кто я... Я не родился, я явился в этот мир... Вы удивлены? Меня нашли на улице — вот тайна... У меня даже нет обыкновенной метрики... Кто была мать, кто отец — не известно. Может, я и в самом деле появился на свет без родителей... Ведь говорят, что нет правил без исключения... Почему мы не можем смириться со столь незначительным исключением. Порой я чувствую, что не существую... Я фантом, случайно попавший в «быт»... Андрей Белый попытался нарисовать такой тип, но в кубистической конструкции он вылился в гуттаперчевую фигуру: «Голем» Густава Мейринка... более живой... Но я более страстный... Страстный, но все-таки аноним... Да, мне часто так кажется...

Мистер Лейк спрашивает, не переставая улыбаться:

— Мсье Петерец, может и фамилия ваша — аноним или псевдоним?

— А что?

— А то, что если это так, тогда лучше в вашей фамилии убрать слог «те»...

— Останется Перец...

— Ха-ха-ха!..

Все смеются... Но охотнее всех — сам Петерец.

— Перец... Перец... Именно, перец! Ха-ха-ха... Вот мое истинное имя. О некоторых говорят — «соль земли»... Обо мне можно сказать — «перец земли»... Ха-ха-ха!.. И в самом деле: я пафос этого бытия, а пафос невозможен без «перца»... Да здравствует перец!.. Ха-ха-ха!.. Погодите... В «Тумане» Мигеля де Унамуно есть герой, похожий на меня. Представьте, и его зовут Перец... Как не уверовать после этого в predetermined гармоничную гармонию... Да-да, да здравствует Перец! Так знай-

те, отныне мой аноним будет носить фамилию Перец...

Это говорю вам я, Кико Перец!..

— Да здравствует Перец, да здравствует!

Гости весело осушают бокалы.

Мистер Лейк хитро улыбается и тихо говорит:

— Герр Петерец... Вернее, герр Перец... Если бы вы знали, что означает ваше имя по-грузински...

— Как, вы знаете и грузинский?

Удивляется Унгар.

— Нет... Только одно это слово... Я услышал его в Тбилиси, во время игры в карты.

Мистер Лейк улыбается. Петерец вскакивает.

— Кико?... Неужели это слово тоже что-то обозначает?

— Конечно. И знаете что? «Кико» — на грузинском означает «туз».

Петерец не скрывает радости.

— Кико — туз... Вот подлинный знак... Тотемный знак... Старуха-история раскладывает пасьянс и вдруг выпадает туз... Этот туз — я... Пафосу, кроме «перца», необходим и «туз»... Иначе... Нет, сегодня я окончательно уверовал в predetermined гармонию... Кико Перец — Туз и Перец... Ха-ха-ха!..

Все снова смеются. Унгар замечает, что Жаннет возбуждена больше обычного. Неожиданно Пелетье спрашивает Унгара:

— Вы не слышали, как звали ту женщину?

— Мне послышалось — Кава...

Отвечает удивленный Унгар.

Кава... Кава... Мистер Лейк задумался всего на миг, словно вспоминая что-то. Жаннет вспыхнула, как вспыхивает обычно красивая женщина, когда в ее присутствии говорят о другой.

Гости стали расходиться. Унгар, пожимая руку Жаннет, почувствовал жар — впервые.

Пелетье, попрощавшись, ушел, Унгар и Петерец остались вдвоем.

Бывают минуты, когда твой спутник чувствует то, что волнует тебя. Чувствует и молчит. Ты ждешь, ты так жаждешь, чтоб он поделился с тобой, а он молчит. Точно так молчит Петерец. А Унгар не может пересилить себя и заговорить первым. Наконец он спрашивает:

— Завтра мы встретимся?
— Да, надо бы переделать одну сцену.
— Какую?
— Ту, в которой Фалестра встречается с Александром.

— Это необходимо?
— Необходимо... Но об этом после... Вы еще увидите ту женщину...

Добавляет Петерек.

— Вы думаете?

Унгар едва сдерживает улыбку радости.

— Непременно... Я вижу в вас ту женщину...

— Вы говорите аллегорией...

Ночью Адольф Унгар впервые почувствовал, что его половина (астральная?) витает где-то в другом месте. Унгар впервые прибег к вероналу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мистер Мак Колах проснулся.

Глянул на часы. Десять. Плохо. Деловой человек не должен просыпаться так поздно. Видимо, переборщил со снотворным. В последнее время он не засыпает без него. А крепкий сон — верное средство восстановления энергии. Вообще-то: тело мистера Мак Колах засыпает, но мозг не успокаивается, подсознательно работает и ночью. Как мозг студента, который должен сдать экзамен, — с той лишь разницей, что мозг студента повторяет тысячи формул, а в мозгу Мак Колах копошатся лишь биржевые цифры.

Он встал. Подошел к зеркалу. Лицо, увиденное в зеркале, ему не понравилось. Веки набухли, глаза запали, кожа вялая. На подбородке щетина. Мак Колах нахмурился: ему померещилось, что он увидел в зеркале покойника. Вспомнилось: у мертвеца в первые дни продолжают расти волосы. Передернуло. Снова взглянул в зеркало — лицо словно чужое — и поспешно отвернулся.

Потом приступил к туалету.

Почистил зубы. Восемнадцать зубов свои, остальные искусственные, золотые. Несмотря на постоянную

заботу о зубах, они у него напоминали зубы старого коня: желтые, стершиеся, щербатые.

Закончив с зубами, побрился, теплым влажным полотенцем сделал массаж. Постепенно к нему приходила бодрость: в зеркале наблюдал он за тем, как лицо оживает (он знал толк в массаже). Принял горячую ванну. Сухое тело его взбодрилось. Слегка выграла кровь. Скелет стал постепенно обрастать плотью. Настроение улучшилось.

Он оделся в серое. Завязал галстук — зеленоватый в красных подпалинах шелк. Надел монокль. Элементы тела расположились по своим местам. Далее — припудрил щеки. Оглядел себя. Понравился сам себе. Из зеркала, казалось, смотрел на него Рамзес Второй, всемогущий. По сомкнутым губам скользнула улыбка самоуверенности.

Ему уже принесли кофе и завтрак. Он сел за стол. Отпил кофе. Частилки тела пришли в движение: словно механизм смазали маслом. С каждой минутой приобретал он твердость машины: никакой мысли, никаких сомнений, никакой раздвоенности, никаких забот, ни острых чувств и эмоций. Только одно: воля, железная воля, без единой зазубринки. Воля — отлитая из одного элемента: точно геологическое явление. Воля непреклонная, твердая, упрямая.

Принесли газеты. Он прочитал объявления. Вначале бокс: Демпсей вызывает на бой Тонпея. Затем шахматы: Алехин готовится к встрече с Капабланкой. Далее кино: Дил Даговер снимается в новом фильме. Спорт: норвежская пловчиха преодолела столько-то миль. Политика: Муссолини, Бриан, Чемберлен, Германия, Советский Союз. Множество других сведений. В газетах самое интересное — заголовки. Мак Колах пробежал их глазами. Кажется, ничего не пропустил. И наконец взялся за газету с биржевыми новостями. Он намеренно просматривал ее под конец. Акции, ценные бумаги, доллары, стерлинги, их курс: в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Берлине. Мак Колах чувствовал себя как рыба в воде. Следил за биржевыми новостями как строптивый шахматист — за партией Капабланки. С одной лишь разницей: если в других делах он был — лишь сгусток воли, то тут к воле прибавлялась интуиция. Маленькие, бесцветные, казалось бы вылинявшие глаз-

ки сужались, затаенно мерцали зрачки. В этом мерцании рождалась фосфорическая интуиция бирж, курсов, цен.

Мак Колах глубоко вздохнул: видимо, вычитал нечто приятное для себя. Отложил газету.

Потом прилег на диван. Стал просматривать другие газеты. Обратил внимание на заголовок: «Мистер Джим». Ему нравилось это имя. «Здесь что-то должно быть», — подумал он. Стал читать. С первых же строк почувствовал, что история весьма интересная, пространная хроника напомнила ему композиционно выверенную и динамичную новеллу Стефана Цвейга или Мигеля де Унамуно, или же Луиджи Пиранделло.

Джим — сокращенное имя Джеймса Уайта. Он родился в провинции Ланкашир, в очень бедной семье. Но с детства отличался непреклонным характером. В десять лет жил уже самостоятельно. Сначала: разносил телеграммы за несколько грошей. Затем: устроился посыльным в бродячем цирке. Прошло время. Жизненный путь привел Джима на кирпичный завод. У него появились деньги. Девятнадцатилетний Джим за сто фунтов стерлингов купил тот самый балаган, где работал посыльным. Желание приобрести росло, росли также его способности и умение разбираться в ситуации. Вскоре Джим купил кирпичный завод и почту, приобрел и бумажную мануфактуру Брайта, где, работая некогда, получал в неделю всего лишь пять шиллингов.

Мак Колах замер: он словно бы читал собственную биографию. Закурив сигару, вновь взялся за газету.

Трижды обанкротился Джим. Но ничто не сломило его. Он брался за любое дело, если считал, что оно принесет выгоду. Даже организовал соревнование по боксу: все помнят поединок между Джеком Джонсоном и шотландским священником Мейером. Помнят, как победил священник известного негра, чемпиона мира. Джим не успокаивался, вернее, не мог успокоиться. Покупал все и все продавал: заводы, банки, театры, конюшни, выставочные залы. В азарте выражался его темперамент — и Джим играл: на бирже, бегах, в клубах. Однажды за полчаса он проиграл 35 000 фунтов стерлингов. Проигрыш переносил так же легко, как и выигрыш. Он всегда только улыбался. И любил повторять: «У меня вообще нет нервов».

«Браво, Джим!» — прошептал про себя Мак Колах. И подумал: судьба и в самом деле улыбается тому, у кого нет нервов. Затянулся и стал читать дальше.

Джим самолюбив. Любил позу, театральность. Гордился тем обстоятельством, что дал чек (восемь миллионов фунтов стерлингов) герцогу Бельфорду за клочок земли в центре Лондона. Он не убежал от судьбы и судьба была милостива к нему. Был в его жизни день, когда он мановением руки приобрел 750 000 фунтов стерлингов. Более миллиона вложил в различные дела. Однажды приехал в Монако. Хотел зайти в казино. Не пустили: он был в дорожном костюме. Тогда Джим встал в позу римского сенатора и произнес так, чтоб слышали все: я не утруждаю себя переодеванием, но готов тотчас купить все Монте Карло.

«Браво, Джим!» — восхитился в душе Мак Колах.

В конце хроники намекалось, что Джим вот уже несколько лет тайно приобретает акции британской нефтяной компании. В этом деле, поговаривали, ему помогает некто: лицо, приближенное к упомянутой компании.

Мак Колах задумался.

Газета словно бы знала что-то и намеренно умалчивала об этом. Или же пустила «утку», чтоб посеять сомнения.

У газет есть своя интуиция, чутье. Нередко выпущенная ими «утка» в полете ловит витающие в атмосфере истории. «Ложь», распространенная газетой, выполняет роль сейсмографа (спустя несколько месяцев Мак Колах со страниц той же газеты узнал, что игра Джима завершилась катастрофой: ему изменил его же единомышленник).

Вдруг Мак Колах схватил рукой монокль: точно он падал. Дрогнула и другая рука с уже потухшей сигарой. Мак Колах очнулся. Отложил газету в сторону, встал и стал ходить по комнате. Ведь Джим! — это он?! Одно лицо — в этом деловом мире. Вспомнилось финансовое дело, начатое в Гамбурге. Сухое тело Мак Колаха вспыхнуло жаром: взыграл темперамент. Если несколько минут назад он был только «воля», воля, так сказать, «сама по себе», теперь он созрел для намеченного дела: дал направление воле. Вспыхнул

Мак Колах, загорелся. Но и в огне этом он оставался холоден. Знает: будет бороться, не пощадит собственных сил, не станет выбирать средства. Будет суров, беспощаден, немилосерден, только бы... Только бы достичь цели. Ведь Мак Колах — Джим! Одно лицо — в этом деловом мире! Напряг мозг. В нем сосредоточилась логика. И в напряжении этом был только расчет. Вперед! Пусть будут: слезы, боль, голод, кровь — он не дрогнет! Ни на миг сердце его не должно смягчиться, Джим прав: прочь нервы!

Мак Колах остановился перед столом.

В эту минуту он и в самом деле был существом без нервов: начиненный математически точной и динамичной логикой. Стоял, как холодная гильотина. В эту минуту он и в самом деле мог перерезать бритвой горло спящему. Не страдая, не мечась, нет: холодно, расчетливо, точно так, как скорняк разрезает кожу для обуви. Этот сухопарый отцветший мужчина, который в час пробуждения ото сна мог вызвать к себе только жалость, сейчас мог повергнуть ниц самого бесстрашного соперника.

Решил: ехать в Гамбург.

Взглянул на часы. Двенадцать. И тут вспомнил: в одиннадцать он должен был позвонить Каве. Подошел к телефону. На звонок ответила служанка: «Мадмуазель нет дома». Мак Колах нахмурился. Велел: «Передайте, в пять часов вечера в кафе «Wien»... Мак Колах»...

Положил трубку.

Рука повисла в воздухе, словно сломалась. На мгновение в теле его зашевелилось какое-то чувство (амур?): затем чувство это то ли выскользнуло, то ли исчезло (или умерло?). Мак Колах выпрямился: вновь телу придалась твердость металла. Стоял как чугунный монумент — мистер Мак Колах. Чиркнул спичкой и закурил. Затянулся глубоко — и в том, как он курит, можно было увидеть: он готов выкурить весь мир. Потом он словно бы сник — направился к дивану. В эту минуту на вас и в самом деле смотрел Рамзес Второй... или Первый.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ИСТОРИИ ИЛИ

Женщина лежала в шезлонге. Одета в кимоно цвета желтого мрамора (Brocatelle d'Espagne). Рядом стоял низкий столик со всевозможными журналами: кино, спорт, театр, моды. Там же — раскрытая французская книга, роман.

Она помнила, что в одиннадцать часов ей должен позвонить Мак Колах. Но он не позвонил в назначенное время. Она даже обрадовалась. Ей не нравился вялый голос Мак Колаха, в особенности, когда она слушала его по телефону. И она передала прислуге: «Кто бы ни позвонил — меня нет дома». Но сегодня причиной такого ее настроения был не только голос мистера Мак Колаха.

Женщина эта недавно прибыла в Европу. Ей был по душе шум больших городов: многоэтажные дома, улицы без конца и без края, опутанные мифологической сетью, мюзик-холлы, кино, театры, кафе, магазины, железные дороги (наземные и подземные), трамваи, омнибусы, множество такси, бесконечное течение людского потока. Нередко она сама заплывала в поток этих ритмов: превращалась в одну из его молекул. Казалось, забывалась: ее «я» погружалось все глубже и глубже, тело двигалось напряженно, словно она превращалась в лунатика, который пройдет по краю пропасти, не поскользнувшись. Сознание уплывало вдаль: переходило в подсознание, точно она спала наяву. Но часто сон исчезал, что-то будило сомнамбулу — и ощущала она внезапно, выплыв из тумана: будто звериная злоба охватывала ее, страшная, как наточенная бритва в руке безумного. Тогда она возвращалась домой. Но здесь ждало ее одиночество: напряженное, невыносимое. Она чувствовала себя в комнате, как в каюте корабля: когда в море шторм и настроение — хуже не бывает: тебя всю выворачивает от «морской болезни»: непривычной и тошнотворной.

И в эти минуты у нее было именно такое настроение. Она расшвыряла журналы, бросила книгу и напряженными, широкими глазами разбушевавшейся менады вглядывалась вдаль: что-то вспоминалось ей — далекое.

Она родилась на Северном Кавказе. Отец казак Ковалев — из той самой станицы, которую обесмертил в «Казаках» Лев Толстой. Он служил в Грозном. Сероглазый, высокий, дюжий, плечистый, плотный, суровый, кутила с горячей кровью. Встретилась ему девушка, дочь чиновника из Мегрелии. Они поженились. Через год родилась дочь. Назвали ее Еленой. Девочка росла, чувствовала себя больше грузинкой, нежели дочерью казака (так, обычно, бывает всегда, когда мать грузинка, а отец — другой национальности). Училась она в Грозном. Выросла: превратилась в женщину. Никто не мог держаться на неоседланном коне так, как она, и танец «Горский» никто не танцевал с таким необузданным темпераментом, как она. Только один человек мог состязаться с ней. Звали его Кази-Бей.

По всему Северному Кавказу шла молва о Кази-Бее. Внешне он напоминал наиба Шамиля: был строен и крепок телом. И не только внешне был похож на наиба, но и характером: всегда начеку — точно кнут дрессировщика тигров, начеку — как взведенный курок. Дыханием Шамиля овеяно его лицо. Поговаривали: он отпрыск Шамиля. Был не только вспыльчив и горяч, но и тверд и рассудителен. Любил коня и оружие. Когда мчался на коне — по аулам проносилась тень наиба. Сабля в его руках творила чудеса: он с такой быстротой и ловкостью рассекал струю водопада, что на сабле даже придирчивый глаз не смог бы обнаружить капли воды. Но весь жар юности вкладывал он в танец: в танце с горянкой — вот где был настоящий Кази-Бей: необузданный и в то же время сын рафинированной расы. После такого танца девушка принадлежала ему — если не телом, то душой.

Случилось так, что однажды он вызвал на танец Елену. На Северном Кавказе не видели такой пары. Еще реже — такой танец, а еще точнее — такой поединок. Трудно было угадать, в ком горел огонь жарче и безумнее. После этого танца в сердце девушки навсегда вошел Кази-Бей. С еще большей страстью запыхало сердце Кази-Бея.

Когда весть о необычном состязании в танце дошла до отца Елены, он помрачнел: что-то не понравилось

ему, тревожно стало на душе. Прошло несколько дней — и пятеро всадников похитили Елену. Один из них перекинул девушку через коня. Руки его почувствовали упругую девичью грудь, крепкую, как речной камень, (это вспомнилось всаднику позже). Девушка сквозь помутненное сознание услышала и узнала голос Кази-Бея; это он мчал ее на быстроногом коне. Первое, что она испытала — это злость. Но в злость вкрапывалось некое жгучее чувство (может быть, и сладостное).

Рот у нее был завязан, но не будь этой повязки, она все равно не вымолвила бы ни слова: так она была скована то ли гневом, то ли другим чувством, в котором не могла разобраться. Но чувствовала: мужские руки, топот коней, гиканье всадников, поля, остающиеся позади, реки, преодоленные конями. Была глубокая ночь, когда они ворвались в дремучий лес. Спешились. Расстелили бурку, на которую опустили пленницу, подложив под голову седло. Но она не прилегла: села, низко опустив голову. Разожгли костер. От жара щеки девушки запылали еще сильнее. Рядом кони кусали удила. Чуть поодаль стоял Кази-Бей: он не подходил ни к девушке, ни к своим друзьям (неужели стыдился?). Потом все легли спать. Елена не сомкнула глаз. Не спал и Кази-Бей. Далеко за полночь он на цыпочках подошел к Елене. Упал на колени и зашептал: «Прости... Покорила меня твоя красота... Я потерял разум». Девушка не подняла головы. Ответила также шепотом: «Можно было иначе... Теперь между нами пропасть...» Понял Кази-Бей, что велик гнев любимой. Извинился и на рассвете вернул ее отцу. Не проронил ни слова. Лишь прощаясь, губами припал к косе девушки. Она тоже промолчала. Вскочил Кази-Бей на коня — и только его и видели.

По аулам поползли слухи. Чего только ни говорили. Помрачнел казак. Кази-Бей скрывался в непроходимых горах, избегал встречи с ним, но отец Елены, подбодрив себя вином, то и дело сам наведывался в горы. И случилось то, что должно было случиться: они встретились. Кази-Бей попытался объяснить. Но помутненное сознание казака ничего не воспринимало; он не слышал Кази-Бея. И скрестились сабли. Более получаса продолжался бой. Не хотел Кази-Бей, чтоб между ним и Еленой встала смерть. Потому в этой

стычке был скорее «игроком»: намеренно не попадал в цель, но сам отбивался с ловкостью зверя. В ярости отец Елены ранил его в руку. Озверел Кази-Бей и в тот же миг голова противника слетела с плеч. Кази-Бей слизал кровь с раненого плеча (левого), перевязал рану. С этого дня в ауле его не видели: он подался в абреки.

Закатилось солнце для Елены. Мать умерла давно, отца убили. И кто убил? Кази-Бей! Осталась она одна: ни сестры, ни брата, ни близких родственников. А время было беспокойное: большевики захватили Северный Кавказ. Многие бежали в Грузию. Елена вспомнила, что в Тбилиси живут родственники матери (недаром она чувствовала себя грузинкой) — и решила поехать к ним. Однажды ночью она услышала шум. Выглянула: перед ней выросла тень мужчины. Это был Кази-Бей. Мужчина чуть слышно проговорил: «Не мог не увидеть тебя... Отец?.. Я не виноват в его смерти». Елена не проронила ни слова. Только рукой коснулась кинжала. Кази-Бей жаркими губами припал к ее косе. Она молчала: слова застыли у нее на устах (нет, не в силах она говорить с убийцей отца). Еще миг — и Кази-Бей обнимет желанную, но тут заржал конь, привязанный к изгороди. Кази-Бей замер, крылья ноздрей затрепетали, как у чуткого зверя. Издали донесся шум. Кази-Бей вскочил на коня, успев крикнуть: «Прощай, мое солнце!». Слова, предназначенные любимому, так и не вырвались из уст женщины. Она вернулась в дом и со слезами на глазах бросилась на кровать. На другой день отправилась в Тбилиси.

Тбилиси удивительный город, а в 1919—1920 годы стал еще более удивительным. Бежавшие из России русские нашли здесь убежище. Со сцены слышался голос Качалова (в Тбилиси находился «Художественный театр») — то он разыгрывал сцену между чертом и Иваном из «Братьев Карамазовых», то с эпическим спокойствием повествовал о «рыбаке и золотой рыбке». Жил в Тбилиси Н. Н. Ходотов. Он играл Мышкина или же читал стихи о России (любил Максимилиана Волошина, в особенности «Стеньку Разина»). Завсегдатаем кафе был композитор Н. Н. Черепнин. Он приходил обыкновенно уже пьяный (хотя это трудно было заметить) и безумно тосковал по России. Художник Юрий

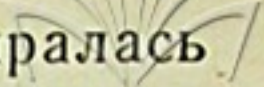
Сергеевич Судейкин расписывал стены кафе, которое грузинские поэты называли «Химериони» (Судейкин и в самом деле населил кафе химерами). А Савелий Абрамович Сорин рисовал прекрасных грузинок. Драматург и театрал Н. Н. Евреинов по обыкновению играл «театр для себя». Поэт Городецкий, после прорыва Кавказского фронта, остался в Тбилиси, увеличив число посетителей «цеха поэтов», где женщин было больше, чем мужчин, и где больше знакомились, нежели занимались поэзией. Из Баку прибыл поэт Сергей Рафалович. Кого только не было тогда в Тбилиси?! Футуристы делали здесь первые шаги к дадаизму. Они создали свой орган «41 градус» (наверное, тот самый градус, с которого начинается бред). Алексей Крученых, как голодная курица, которая ищет в куче мусора что поклевать, метался в поисках «сдвигов» в литературе. Ничего удивительного: мир пошатнулся и «заумь» стала его смыслом. Видели бы вы, как преображался Крученых, когда поиски его венчались успехом! Нашлись у него и последователи: Игорь Терентьев, не лишенный своеобразной интуиции; Илья Зданевич, тщедушный внешне, но с лицом, одухотворенным бурлящим в нем пламенем. «Зауми» его способен был услышать разве что астральный слух. Как он был величественен, читая в кафе свою «Смерть Гарро», как покорял изумленную аудиторию (в конце стиха и в самом деле ощущалось приближение смерти)! Жил в Тбилиси и Василий Каменский. Читал с эстрады «Стеньку Разина», и клич разбойников «Сарынь на кичку!» то и дело разносился по тбилисским улицам.

Тбилиси стал городом поэтов — в кафе «Интернациональ» провозгласили: поэзия — только в Тбилиси. Именно в это время Паоло Яшвили покорила Тбилиси, как Артур Рембо — Париж. Тогда еще не знал он, что покорить Тбилиси стихами труднее, нежели Париж. Тициан Табидзе видел в Орпирских топях и малярию, и желтизну луны Лафорга. В стихах своих он также взывал к ночному светилу, вкладывал в уста грифа Орпири, подобно «Мальдорору» Лотреамона, дифирамбные монологи. Григола Робакидзе в это время интересовали: апокалипсис и Дионис. Мир и в самом деле крушился — и Тбилиси был единственным городом, который встречал это разрушение поэтическим пением

(не объясняется ли это беспечностью восточной или грузинской?).

Тбилиси стал фантастическим городом. А фантастическому городу необходим был свой фантастический уголок — и однажды там же самые поэты, во дворе здания по проспекту Руставели, 12 открыли «Фантастический кабачок», со стен которого взирали на вас фантастические существа. В небольшой комнатке могло уместиться десять—пятнадцать человек, но совершенно невообразимо, как собиралось там более пятидесяти гостей. И здесь: среди поклонников поэтов и художников женщин было больше, чем мужчин. Частым посетителем «Фантастического кабачка» бывал Георгий Артемьевич Харазов, по специальности математик, а по «профилю» — фрейдист. Нередко он «делал» и механические стихи. Но что бы он ни делал, он исходил из методов Фрейда. С ссылкой на Фрейда он пытался объяснить даже сон пушкинской Татьяны. И вот, когда он вдохновенно рассуждал об этом, открылась дверь и в кабачок вошел типичный тбилисец. «Слушайте, — обратился он к собравшимся. — Если вы хотите разгадать сон, идите к вдове авлабарского Вануа». Оказывается, проходя мимо, он краем уха услышал Харазова и, заинтригованный, застыл в дверях. Поднялся невообразимый хохот, шум, гвалт. Харазов попытался и это «явление» горожанина объяснить фрейдовским методом, но никто уже не слушал его.

Но не только фантастика витала над Тбилиси — реальность вторгалась в жизнь весьма ощутимо. Там же, на проспекте Руставели, в подвале находился американский бар «Руно аргонавтов», и здесь — стихи, футуристические эскизы, песни. Но было здесь и другое: коктейль «Кахури», и еще, более привлекательное: двенадцать обольстительных девушек разносили заказы (напиток или еду, или же и то и другое вместе), вероятно, чтоб тот или иной гость (и не один) вообразил себя Язоном (это непременно!) и увидел в этих девушках Медею (чтоб познакомиться с ними, а может и...). И еще одно нетрудно было заметить: почти все гости то и дело подносили к кончику носа указательный и большой пальцы (в Тбилиси в то время был весьма распространен кокаин). Любители «реальности» могли найти и другие пристанища: «Павлиний хвост»

на углу улиц Чавчавадзе и Грибоедова, где собиралась избранная публика. Для входа нужна была рекомендательная записка. Часто можно было встретить здесь мужчин в смокингах. Еще чаще — женщин в бальных нарядах. Шампанского было — море разлитое. С рассветом гости расходились. Многие направлялись к гостинице «Ориант», тайну которой так никому и не удалось разгадать: никто не знал, чем живут постояльцы «Орианта» (неужели и это из области фантастики Тбилиси, или что другое...).

И вот восемнадцатилетняя Елена оказалась в этом городе. В Тбилиси красивая женщина — осколок легенды. А все то, что овеяно легендой, обрастает большой таинственностью. И вот дочь казака, увиденная на проспекте Руставели, тотчас стала предметом легенды. В Тбилиси ее впервые коснулось дыхание богемы. В это время в Тбилиси царил эпидемия студий: драмы, оперы, танца, кино. И всюду женщин было больше, чем мужчин; больше было увлечения, чем настоящей учебы. Елена попала в студию балетмейстера Мордкина. Все помнили «карнавал», устроенный этим маэстро в оперном театре, карнавал — вернисаж прекрасных тел. Красавица «горянка» заставила тогда вскочить на ноги весь партер (слышалось учащенное дыхание и животный выдох «ууу»). Весть об этом долетела и до «Фантастического кабачка». В честь ее некий поэт прочитал даже пространную речь «Аштарот». Елена присутствовала при этом. Но по выражению ее лица никто не понял (к несчастью, и докладчик), понравилось ей это или нет. Молодые люди потеряли покой, но ни один не смог добиться ее благосклонности. Она не была горячкой, конечно же, не была холодна по натуре, но любой, сделав первый шаг к ней, мог поскользнуться. Познакомился с ней только один мужчина: журналист, тихий, низкий, черноволосый, со спокойными глазами. И хотя в моде в то время была бритва, он носил бороду, может быть, потому, что челюсть у него была кривая. Другие жаждали ее любви, журналист же, поняв тщетность таких попыток, предпочел быть рядом с ней хотя бы в роли друга. И не ошибся. Елена любила его как послушного слугу, которому никогда не показывают, что он всего лишь слуга.

Из Тбилиси Елена отправилась в Батуми: на не-

сколько дней. С ней поехал и журналист. В Батуми Елена впервые увидела море. И потеряла покой. Море лежало перед ней, беспредельное и безмятежное. Тихий, но упрямый шум пьянил обостренный слух. Здесь было нечто первобытное, первозданное: желание и трепет. Никакого эпигонства, тем более плагиата. Море чуть заметно покачивалось: точно успокаивалось после гнева. В плавных волнах таилось вечное течение. В вспененных же — вечное движение. Течение: где жизнь рождается перевоплощением, где рукой прикасаешься к исчезновению. Первое — сладостно, второе — страшно. А вместе: глубь притягающая, чрево далекое, где ощущаешь корни, свою принадлежность к каждому элементу природы. Не ощущаешь ни начала, ни конца — никаких границ, лишь нечто бесконечное, нескончаемое, где исчезает берег и вместе с ним — «лицо». Море — безликий элемент природы: дикий, сильный, рожденный первобытным хаосом... Женщина наклонилась, подняла ракушку, приложила к уху. В ракушке сохранился шум моря (или же первозданного хаоса?). С чувством страха приближалась она к морю, обезумевшими глазами «впитывала» его вздыбленные изумрудные волны. Было боязно, но она все шла: море звало ее, точно она была его частицей. И когда с заходом солнца она вошла в море, тела ее впервые коснулась его синеватая вода. И прозрели на теле женщины тысячи глаз: в каждом глазу отражалось чрево бездонное... Тело чувствовало, что оно — элемент моря, волею провидения отторгнутое от его плоти. Женщина вдруг потеряла власть над собой: любое желание, зародившееся в ней, казалось ей отзвуком желания «чужого». Но как сладок был ей этот отзвук: и пусть исполнится воля «чужого» — она последует за ним, если даже утонет, растворится в море. Вконец обезумевшие глаза затянулись пьяной дремой, словно на глаза упал отяжелевший дубовый лист. Тело ощутило свое женское начало. Женщина очнулась от сладкого дурмана. Вышла на берег. Ступни коснулись теплого песка, почувствовали землю, волны горячими губами облизали ей ступни — и поняла женщина: отныне она принадлежит «морю», как его частица.

Неспокойно стало у нее на душе.

Жозеф (так на французский манер называли жур-

налиста — кто с иронией, кто ласково) замечал в ней перемену. Ощущение этой перемены сподвигнуло его на любовную лирику. Но если даже тбилисские поэты не смогли растопить сердце гордячки, чего мог достичь несчастный журналист (даже с помощью моря)? Елена мрачнела, потеряла покой. Тогда Жозеф решил увезти ее в Стамбул. «А деньги?» — спросила она, задумавшись. «У меня почти тысяча долларов, — ответил Жозеф. — В Стамбуле добудем еще». И неожиданно Елена согласилась. Батуми к этому времени покидали англичане. Елена и Жозеф последовали за ними.

Стамбул заполнили эмигранты. Росли, как грибы, кафе-шантаны. Жены и дочери эмигрантов, как пчелы в улей, налетали в эти заведения. В одно из них танцовщицей устроилась и Елена. Стали думать о ее артистическом имени. Помог Жозеф. «Елена прекрасное имя, — объяснял он ей, — но встречается часто. И фамилия Ковалева ничего сама по себе. Но европейцу трудно выговорить ее. Надо найти что-то другое, производное от твоей фамилии. «Ковало» не годится, мешает буква «о», «Ковала» — прошедшее время от глагола «ковать», — тоже не годится, лучше «Кавала», причем звук «л» надо бы усилить вторым. Получим «Кавалла». И стала горянка Елена Ковалева — мадмуазель Кавалла. Жозеф оказался прав: имя нравилось всем, нравилось и как танцует Елена. Такого огня, такого темперамента не видели ни русские эмигранты, ни турки, ни европейцы. Кавалла получала большие гонорары. Но с каждым днем в ней росла тоска. Мужчина, с которым она танцевала, был не Кази-Бей — и она испытывала при воспоминании о нем почти физическую боль.

К этому прибавилось и другое. В шантанах нравится смотреть, как танцует женщина. Но в шантанах нравится и другое: возможно, это другое — более первого. Кавалла не разделяла этого. Поначалу терпеливо ждали, потом окрестили ее гордячкой, а потом и вовсе выдворили из кафе-шантана. Наступили тяжелые времена. У Жозефа иссякли деньги, а работы он так и не нашел. И у Каваллы совсем немного сбережений. Мозг Жозефа лихорадочно заработал, и однажды вечером он сказал женщине:

— Послушай, Кавалла (они уже перешли на «ты»),

я многое видел на свете, но — ничего, похожего на тебя. Ты счастлива: природа щедро одарила тебя, но при этом — и несчастна: кого ты полюбишь или кто ослепит тебя любовью? Я не знаю такого. Вспоминаются слова одного поэта: если рассуждать о женщине и мужчине в космическом плане, то становится очевидным, что мужчина лишь «периферически» постигает женщину. Он приводит множество примеров из мифологии. Я уже и не помню... И если это так, то что же мне думать о тебе? Мужчина никогда не дотянется до тебя: не хватит у него сил покорить тебя.

Жозеф смолк, задумалась Кавалла: словно спрашивала что-то у себя самой.

— И что же?.. — прошептала тихо женщина.

— Вывод один, — ответил Жозеф. — Ты можешь одарить любовью, и только.

Он замолчал. Женщина задумалась еще глубже.

— И что же? — вновь прошептала она.

— Что?.. — задумался на сей раз Жозеф. — Еще одна история, имеющая связь с предыдущей. Вот она. В Саисе на подножье скульптуры богини такая надпись: «Я то, что было, что есть и что будет, и ни одному смертному, ни одному бессмертному не дано приподнять мой покров». Богиню звали Нейт. Удивительно, но по преданию, она была развратна и распутна.

— Не понимаю, — проговорила женщина.

— И я не совсем понимаю, — ответил Жозеф. — Хотя кое-что понять здесь можно: я думаю, эти слова — подтверждают вышесказанное: мужчина никогда не постигнет женщину до конца.

Елена словно бы поняла что-то, задумалась, взор ее затуманился: лишь изредка в глазах загоралась искорка, как в глазах зверя в ночи. Тело запылало. Но только в огне том не было радости.

Жозеф покинул ее.

Время шло, все упрямее надвигалась беда.

Именно в эту пору появился в Стамбуле мистер Мак Колах. Расчетливый американец вспыхнул пламенем, увидев Каваллу. Она поняла, чего ждет от нее Мак Колах. И задумалась: «Возможно, Нейт права...». Рассудочно холодно, механически соединила она свою судь-

бу с рассудочным, холодным, механическим американцем. Последовала за ним в Европу. Стала наложницей Мак Колаха.

314135340
3134110133

* * *

Стала?! Она вскочила, уязвленная. Глаза затянуло густой пеленой, сердце трепыхалось, словно пойманная в силки перепелка. Она металась. «Лжет Нейт!.. Глупость спорол Жозеф»... Она оделась и вышла. Манто на ней было из кожи утробного теленка. И шапка тоже. Женщина шла по улице. Прохожие останавливали на ней взор: облик женщины был необычен — в ней было что-то от дикого зверя. Она шла. Не чувствовала под собой земли: вместо земли здесь — асфальт и камень. Она задыхалась. Словно: дома, улицы, театры, кино, мюзик-холлы, железные дороги, трамваи, омнибусы, такси, массы — словно все это — сам Мак Колах. Ее передернуло: точно по плечу проползла многоножка. Она остановила автомобиль. С ловкостью леопарда скользнула в машину и отправилась за город. И в машине чувствовала себя неудобно. О, хорошо бы оказаться сейчас на Северном Кавказе!.. Вскочила бы на своего коня — и рванула бы в поле!.. Желание было так велико, что даже померещилось: она несется на крепконогом коне, мчится, дикая и свободная. А вслед доносится топот. Кто бы это мог быть? Она не может заставить себя оглянуться. Вовсю гонит коня. Впереди течет в ущелье река. Ей надо перескочить. Топот, преследующий ее, приближается... У самого ущелья конь взвился и оказался на другом берегу, посеребренном волнами. Она услышала, как за ней на берег опустился другой всадник, еще мгновение — и он сорвал ее с коня, бросил перед собой и понесся дальше. Бешеный топот оглушил все окрест. Женщину обожгло жаркое дыхание — тело ее почувствовало могучие руки Кази-Бея... Машину подбросило. И женщина вздрогнула, очнулась. Взглянула на часы: 4 часа 35 минут... «Кафе «Wien» — бросила она шоферу. Тот повернул машину. Женщина ехала в кафе... Словно на мечь... Лицо у нее было каменное... Лишь изредка она вздрагивала... И в этой дрожи отражалась бушующая в ней ярость...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Экспонат № 1

Экспонат № 2

В трамвае, на железной дороге, в метро, в омнибусе видишь — вокруг тебя сплошь изнуренные, усталые люди. Медики считают, что человек, испытывающий постоянную усталость, не может отдыхать даже тогда, когда у него есть время на отдых. Чтоб человек мог отдохнуть, в газетах печатают ребусы и шарады. И вот ты видишь: в трамвае, на железной дороге, в метро, в омнибусе сидят пассажиры, уставившись в ребус или шараду, причем с таким серьезным видом, точно каждый из них Альберт Эйнштейн. Решив ребус, они безмятежно дремлют. В больших городах никто не спит крепким сном. В трамвае, на железной дороге, в метро, в омнибусе — люди только дремлют. Тело горожанина так намеханизировано, что спящий, как правило, сам просыпается на нужной ему остановке и встает с места, точно сомнамбула.

Не находит покоя и Адольф Унгар, мечется, замороженный незнакомкой. Вот уже несколько дней он повсюду ищет ее. Обошел все лучшие гостиницы, театры, кино, мюзик-холлы, побывал на всех ревю, во всех кафе. Как отыскать ее в столь огромном городе?! Из ста случаев — одна вероятность. Но сердце не подчиняется статистике... А вдруг... Женщина завладела его памятью, которая, растворившись, заполнила все поры его тела, она проникла в него как элемент планеты. Необходимо астрономическое движение вспять, чтоб она покинула его тело. И работать он не может, не может сосредоточиться. Приостановил съемку «Фалестры». Объявил, что болен (да разве он не болен?!). Он мечется, борется с тенью женщины. Но тень оказывается сильнее — он побежден. А может не было вовсе женщины, это было лишь привидение? Но что нужно привидению в мире железобетона!? Может, она была здесь проездом — возникает мысль. Но сердце не подчиняется этой мысли (и когда оно подчинялось: оно всегда ждет чуда).

Бродит Унгар по улицам. Вдруг случайно набредет на ту, которую ищет в бесчисленной людской массе?! Кто знает: возможно. Остановился на углу. Посреди улицы рабочие кирками сбивали старый асфальт. А рядом стелили свежий, горячий. Стоял специфический

запах. Унгар остановил внимание на рабочих. В их мозолистых руках ощущалась сила, мышцы голых плеч напряжены, вены — точно змеи, ползущие под кожей. То и дело кто-то из них подносил руку ко лбу и отирал градом струящийся пот. Лица, опаленные солнцем, глаза — полны ярости. Оглянулся один, потом другой. Унгар отвел взор. Опустил голову: точно устыдился чего-то. Мелькнула мысль: почему до сих пор он не обращал внимание на таких вот людей? Он пошел вниз по спуску.

Впереди вдруг замаячило привидение ростом почти в полторы сажени. Одет: пестрые клоунские брюки, большой красный фрак. На голове — шлем из грубой бумаги. Лицо — омерзительная маска. Он так странно двигался, вертел головой и размахивал руками, что казался посланцем другой планеты. Что-то нашептывая, он вручал прохожим рекламные листы. Унгар столкнулся с привидением, и тот, опять-таки пробурчав что-то, вручил ему бумажку. Унгар отпрянул, раздраженный. Подумал: эта живая реклама страшнее апокалипсиса. Кто мог скрываться под жуткой маской? Какой «икс» или «игрек»? И сколько же он зарабатывает в столь странном одеянии?! Скорее всего гроши... На сердце стало тяжело и еще почему-то... стыдно...

На перекрестках много слепых, в большинстве — интеллигенты, покалеченные войной. Они стоят и ни у кого ничего не просят. Даже не предлагают спички, которые держат в руках. Прохожие сами покупают у них спички и платят чуть больше их стоимости. На Востоке поводырями слепых бывают дети, а здесь — собаки. Нет на свете более печальных глаз, нежели у этих собак, только каменное сердце способно выдержать их взгляд... Беспомощен слепой; стоя на углу, он слышит шум большого города, некогда привычный, а теперь все это для него недосыгаемо... Сколько пройдут мимо — каждую минуту, каждую секунду — сколько их со своими раздумьями и судьбами — и слепой задыхается в темной пропасти. Ему бы выбраться из нее, но нет сил. Ему бы находиться в другом месте, где жизнь тиха и спокойна, но он продолжает стоять, как мумия, выпучив незрячие глаза.

Унгар подошел к одному слепому. Купил спички. Дал марку. Слепой поблагодарил. Унгар взглянул на

собаку: и в глазах ее он прочел благодарность. Унгар не ошибся в этом ощущении. Собака радостно закулила и потянулась к нему. «Джек!» — чуть было не вырвалось у Унгара, он пригляделся к слепому. Боже мой, это же Герман Хаусман! Тот самый Герман, который воевал вместе с ним. На войне Герман и ослеп, Унгар ведь знал это! Но не мог думать, что когда-нибудь встретит его, нищего. Собака узнала Унгара, радостно запрыгала. А слепой все стоял, не шелохнувшись. Унгар не мог заставить себя вымолвить слово, понимал: в эту минуту любое его слово будет фальшивым. Он засунул руку в карман и достал двадцать марок. Молча протянул слепому. Почувствовав в руке бумажные деньги, слепой недоуменно забормотал что-то. Унгар резко повернулся. Собака рванулась, слепой с трудом удерживал ее. Унгар почти что бежал, спиной ощущая слепые глаза, осуждающие его. И рука, давшая деньги, горела со стыда. Почему он смолчал? Почему не назвал себя? Шел Унгар, стыдясь чего-то (может, самого себя?). перейдя на противоположную сторону, подошел к автомату: вызвал машину.

Через десять минут шофер подкатил автомобиль, оставил его, а сам ушел. Унгар сел за руль. Он ехал за город. Нервы натянулись, мускулы напряглись, тело, сжавшись в комок, стало неотъемлемой частью железной машины. Впереди, как окаменевшая река, тянулось шоссе. Тихо. Тишину разбивал только разъяренный металл. Машина разрывала пространство, и оно бежало бок о бок с машиной. Тело ощущало: оно сливается с машиной, превращаясь в ее частичку. И в то же время Унгар чувствовал: молекула металла проникает в его тело, укрепляется в нем. Машина неслась со скоростью сто километров в час. Три часа спустя Унгар повернул машину обратно и помчался с еще большей скоростью. Отступала какая бы то ни была мысль, исчезали все желания, улетучивались сомнения—никакой раздвоенности. В природе существовало только металлическое тело, в котором прозрела каждая молекула, дабы «бесстрашие» соизмерялось с «умеренностью». Унгар собрался в один кулак, острым зрением зверя выхватывал он перекрестки — и «металлотело» преодолело пространство — оно стремительно бежало сбо-

ку. Неожиданно он заметил вдали точку, которая увеличивалась со страшной быстротой. «Металлотело» с самоупоеанием продолжало стремительный бег. Точка оказалась огромной груженой телегой, которую волокли два здоровенных быка. Еще мгновение — и Унгар объедет их. Но тут: левый бык отпрянул, испуганный. Мгновение: автомобиль врежется в телегу — мгновение растянлось, вокруг потемнело, дохнуло близостью смерти — мгновение — он врежется в телегу. Вдруг и правый бык рванулся вслед за левым, да так, что телега едва не опрокинулась — автомобиль пронесся на волосок от смерти, «металлотело» и впрямь пронеслось над разверстой пастью пропасти.

Спасся... Унгар облегченно вздохнул. Во вздохе том был звериный страх. Унгар въехал в город. Был вечер. Дома он как подкошенный упал на постель и тотчас уснул. Спал сном камня. На следующий день проснулся в одиннадцать. Встав, ощутил непонятную легкость во всем теле. Ощутил и другое, более радостное: из тела словно выпал «осколок планеты» (незнакомка?). Унгар взялся за работу, успокоенный, вернулся к «Фалестре». Он просмотрел план постановки, сделал на полях замечания. Зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Алло!

— Это я, Петерец. Звоню из кафе «Wien». Она здесь.

— Прекрасно.

Была ли эта весть и в самом деле для него прекрасной? Если он настоящий мужчина, он не пойдет, — подумалось. Но где-то в бездонной глубине зашевелилось сладостное чувство. Оно росло, и вместе с ним рос и соблазн немедленно поехать в кафе.

Кафе «Wien» было залито электрическим светом цвета лимонной кожуры. Мрамор и никель растворялись в лимонном цвете. Играл оркестр: скрипки, виолончели, флейта, ксилофон. Дирижер тоже был инструментом в этом оркестре. Слышались негритянские ритмы. За столиками с ритуальным спокойствием пили: кто кофе, кто чай, а кто и аперитив (аперитив — метафизика европейских кафе).

На втором этаже сидели Жаннет и Петерец. Пили чай. За соседним столом сидел с газетой Мак Колах.

Петерец сразу узнал американца. Только удивился, почему с ним нет красивой спутницы. На второй этаж нетвердой походкой поднялись трое. Они, шатаясь, прошли мимо столика, за которым сидела Жаннет и Петерец, обдав женщину весьма недвусмысленной улыбкой.

— И что они находят в пьянстве? — проговорила она смущенно.

Петерец охотно подхватил:

— Что находят? Самозабвение. Опиум, гашиш, кокаин, алкоголь, эфир, никотин, кофеин, теин — не будь всего этого, человек сошел бы с ума. Ведь ему становится тяжело от самого себя — и так хочется забыться... Изобретение нового опьяняющего средства равно астрономическому открытию. Поверь, нет человека, который не пьет ради того, чтоб забыться. Провидец не пьет, но он пьян высочайшим видением. Так и все: поэты пьянеют от образов, актеры — от игры, женщины — от эроса. Представь себе, даже зверь пьянеет...

— Чтоб забыться...

Проговорила Жаннет, словно слово это она услышала впервые.

— Да, чтоб забыться... Есть что-то горькое, невыносимое в нашем существовании, человека что-то мучает, терзает.

— И это...

— Человеческое «я». Это прекрасно понимали на Востоке. «Я» — самое горькое...

— И сладостное...

— Вот именно, самое сладостное. В «я» — тайна бытия.

Петерец разошелся. Для этого неисправимого «мочологиста» и диалог был средством самовыражения. Тем более, что любой диалог у него со временем превращался в монолог. Он и сейчас собирался продолжить свои рассуждения, но слово застряло у него в горле — в зал вошла незнакомка, спутница Мак Колаха, приковав к себе взоры всех посетителей кафе. Лицо у нее было суровое. Как волчица в стае собак, похожих на волков, — так выделялась она среди женщин. Петерец молчал. Жаннет разглядывала незнакомку как кровного врага. Петерец промолчал, что незна-

комка — та самая женщина, в которой Унгар увидел Фалестру.

Тишину, возникшую с появлением незнакомки, нарушил американец.

— Завтра устраивается бал-маскарад, — сказал он тихо женщине, севшей рядом, и протянул ей газету. Она стала читать хронику.

При слове «маскарад» Петерец вновь вдохновился, заговорил громче обычного (несомненно, чтоб его услышала и незнакомка).

— Да, горчайшее и сладостное «я»... Здесь сокрыта тайна бытия. Горчайшее — ибо это смерть, сладостное — ибо это жизнь. Сама жизнь — вечное превращение, вечное движение, непрерывное течение. В этом течении, в этом движении, в этом превращении — проявляется и познается «я»... Обрати внимание: в культах, где «преображение» было объявлено тайной бытия, «обращение» происходило с помощью маски. Например, в культе Диониса «я» должно быть раскрыто, суть должна быть обобществлена, чтоб перейти в нечто вечное. Личностное должно приобщиться к надличностному, универсальному. Это феномен Диониса. И каким был ритуал этого феномена? Обращение к маске, маске, олицетворяющей Диониса. Найдены две маски Диониса, деревянные, выкрашенные в красный цвет (знак крови). Женщины в культовых мистериях изображали: собаку, волка, пантеру, газель. Зачем? Чтоб олицетворить переход в вечность, все равно, что имеется в виду под вечностью: собака, волк, пантера, газель или что-либо другое. У индейца тотемным животным считается волк. Тотем для индейца — «первый человек», и разве мог он уравнивать волка и человека, если бы не представлял себе возможность превращения волка в человека или же человека в волка?! У македонских менад на голове мы видим рога, в знак союза с обожествленным быком (Дионисом). Служители культа Сабазия (Диониса) красили лица... «Я» — личностное следует разрушить, дабы приобщиться к вечному. И это перевоплощение происходило с помощью масок... В культовые праздники жертвоприношения происходили в масках. Жрица Артемиды, олицетворяя богиню охоты, приезжала в колеснице с оленями. Известна маска Деметры. Во время же-

ртвоприношения ее надевал жрец. Из мистерий маска перешла в трагедию. Разве можно поверить в то, что эллины за отсутствием мимики обратились к маскам? Нет. Им необходима была маска, ибо трагедия была для них сакральным действием. В культовых обрядах жертву убивали, в трагедии — герой умирает — суть одна. Разве маска, нарисованная Бендорфом, — венок из виноградных листьев и гроздь винограда в волосах — не есть изображение Бахуса?! Итак: «я» следует «уничтожить», дабы приобщиться к вечному.

Петерец замолчал. Жаннет мало что понимала в его туманных рассуждениях, еще меньше понимала незнакомка, которая бросала на говорящего недоуменный взгляд. Петереца это не смущало: он рассуждал скорее всего сам с собой. Неожиданно он вскочил, словно вспомнил что-то: бросился к телефону, чтоб позвонить Унгару. Жаннет не спускала с незнакомки жалящих глаз. А незнакомка упивалась своей властью. Петерец вернулся и как ни в чем не бывало продолжил с прежним пафосом:

— Человек всегда пытался схватить в вещественном, предметном некий нерукотворный образ. Обрати внимание: отражение (в воде и в зеркале), изображение (в живописи или скульптуре) — что это, если не возможность схватить невидимое?! «Образ» — фетиш, живой флюид. Фетиш — попытка удержать душу умершего: фетиш та же маска. Шлиман в гробницах Микен обнаружил шесть масок юношей царского сословия. Масками были закрыты лица юношей. В 1837 году в Керчи раскопали могилу царицы, облаченной в парчу. Тело тотчас обратилось в прах, едва его коснулся воздух. На лице царицы — золотая маска. Она хранится в Эрмитаже. В Британском музее хранятся две серебряные маски из галло-римских могильников. А римские маски, бронзовые и из терракоты? В Ниневии, Финикии, Карфагене обнаружены микенские маски... В южной Италии в древних могилах найдены золотые пластинки с орфическими стихами: здесь готовые формулы, которые мертвый должен передать стражам преисподней, дабы испить «воду прохладную из озера памяти», то есть продолжить жизнь... Ха-ха-ха... (засмеялся «монологист», обнажив желтые щербатые зубы). Волшебными формулами владели счастливцы, не так

ли?! Вот бы нам такие, Жаннет!.. (Он похлопал ее по колену. Жаннет отодвинулась). А вот еще! В Мексике лицо мертвого закрывают маской, наряжают идолом, которому поклонялся покойный при жизни. Потом мертвого сжигают... Ха-ха-ха!.. Наверное, ради вечной жизни... (Он снова засмеялся). И это еще ничего. Нередко маску мертвого надевает живой — чтоб утвердить жизнь «образа» — ха-ха-ха!.. На Таити родственник или жрец изображает покойного... В Риме за покойником шел мим (актер) в маске покойного. Светоний повествует: на похоронах императора Веспасиана архи-мим вышел в маске Веспасиана. Вот было зрелище, наверное...

Петерец неожиданно замолк, почувствовав, что его душит непонятный смех... Что могло остановить неисправимого «монологиста», если не нечто необъяснимое?

Незнакомка уже не слушала Петереца. Она сидела, замерев, мысли ее витали далеко отсюда: хорошо бы сейчас лежать навзничь на траве, уставившись в звездное небо...

В кафе вошел мужчина. Тело его содрогалось в конвульсиях. В Европе таких людей не так уж мало. Смотреть на них без жалости невозможно: как не проклясть такую участь. Но жизнь сладка — и всякий цепляется за нее. Мужчина сел неподалеку от столика Мак Колаха. Попросил кофе и газету. Тело — толстый обрубок, голова — морской свиньи. Выпученные глаза в больших роговых очках казались еще более выпученными. Стоило ему взяться за газету, как тело его заходило ходуном.

Незнакомку передернуло. Она что-то шепнула своему спутнику. Смех слетел с лица Петереца. Он то и дело поглядывал на часы. Когда вошел Адольф Унгар, незнакомки в кафе уже не было. Унгар поздоровался с Жаннет и Петерецем, подсел к ним. Незаметно оглядел зал.

— Она ушла пять минут назад.

Сказал Петерец.

— Кто ушел?

Удивилась Жаннет.

— Фалестра.

— Как? Женщина, которая сидела здесь?..

— Да, это была королева амазонок.

— Почему ты не сказал мне?

— Хотел, чтоб ты сама догадалась.

Жаннет больше ни о чем не расспрашивала. Лишь нервно покусывала губу. Унгар пытался скрыть свое замешательство. Жаннет, чтоб помочь ему, заговорила на другую тему.

— Сегодня Кико раскрыл мне всю премудрость маски.

Обратилась она с улыбкой к Унгару.

— Мудрость маски?

— Да. Он утверждает, что тайна бытия заключена в «я». Надо разорвать это «я», чтоб приобщиться к вечности. В этом обращении велика роль маски, верно, Кико?

— Верно. Ты все отлично поняла.

Улыбнулся Петерец.

— Я не понимаю одного, — продолжала Жаннет, — должно ли в этом приобщении к вечности вовсе исчезнуть, раствориться «я» или же...

— Сохраниться, хоть маленькой частицей, но сохраниться.

Досказал Петерец и продолжил:

— Устами младенца глаголет истина, — прекрасно сказано. Устами твоими глаголет истина, Жаннет... Ха-ха-ха... Я постоянно твержу, что женщина острее чувствует действительность... И в самом деле: «я» должно разрушить, но должно ли оно раствориться, исчезнуть? Полностью, чтоб не осталось и воспоминания? Даже частички? Вот о чем следует подумать. От собственного «я» не так-то просто избавиться... Человек нередко хочет быть «другим», при этом стремится к тому, чтоб этот «другой» был воплощением его самого, не так ли, Жаннет? И еще... Один пример: возьмем вон того человека, который дергается (Петерец понизил голос)... Я уверен, он мечтает быть, например, Наполеоном, но чтоб в корсиканце было что-то и от его собственного «я», хотя бы частичка.

— Да, ты прав... Однако ты лишь подтверждаешь мой вопрос, но не отвечаешь на него.

Добавила Жаннет.

Петерец задумался. И с грустью произнес:

— Не знаю... не знаю...

Унгар по-прежнему молчал. Петерец нервно постукивал пальцами по мраморному столу. Тяжелую тишину нарушила Жаннет с присущей женщине легкостью:

— Герр Унгар... Вы можете увидеть ту женщину, царицу амазонок... Завтра она будет на маскараде.

И назвала гостиницу, где состоится бал.

— Как? Как ты узнала?

Воскликнул Петерец.

— Ты пошел звонить, а я услышала, как она говорила со своим спутником. Женщина уже и костюм выбрала — она нарядится баядеркой. Так что вы легко узнаете ее.

Для Унгара так и осталась загадкой улыбка Жаннет.

* * *

Огромный зал светился апельсиновым светом. Прежде в этой гостинице останавливались высокопоставленные особы из России. А сегодня можно встретить и османского пашу, и раджу из Индии. Здесь устраиваются также дипломатические обеды.

Унгар и Петерец входят в зал.

— Жаннет придет?

Спрашивает Унгар.

— Она пошла к подруге на день рождения.

Равнодушно отвечает Петерец.

Сегодня Жаннет не влечет его. Сегодня его вниманием завладела людская масса. «Здесь не праздник Диониса, а игра в прятки», — думал он. Фраки сменяют смокинги и смокинги — фраки. Мужчины в масках на одно лицо. Зато женщины, в самых разнообразных нарядах, выгодно отличались от мужчин. Здесь властвовали парча и шелк: кремовые и желтые, а также «бишара».

Петерец нашел для себя весьма любопытное занятие. По тому, как гости двигались, он пытался угадать кто есть кто. Этот, должно быть, дипломат — думал он: рука то и дело тянется к глазу. Этот — банкир: походка мягкая, но уверенная. А вот этот — артист кино: всегда позирует, словно на него нацелен аппарат. Тот — крупье казино: в теле бодрость, поскольку

ку (кто бы ни выиграл или проиграл) он всегда — при выигрыше. Вот поэт: что-то бубнит, гордо вскинув голову. Этот — авантюрист: вкрадчивая походка и убедительная жестикуляция.

— Вот что интересно, — обратился Петерец к Унгару, — казалось бы, мужчины одеты одинаково, но не составляет никакого труда разгадать их профессии. А теперь взгляните на женщин: одеты все по-разному, а профессия почти у всех — одна. Здесь только тела. Их встретишь: на конкурсах автомобилей (любят ролс-ройс), на выставке одежды и украшений, в магазинах мод («Рью де Лапе»), на соревнованиях по плаванию и даун-теннису, на скачках. Все женщины — на одно лицо: никакой индивидуальности. Только — тела. О каждой из них можно сказать: *une cocote chic*. Не более. Хотя они и набросятся на тебя при этих словах, в душе будут даже гордиться этим определением.

С эстрады доносятся негритянские ритмы. Танцуют чарльстон, блейк-бот, новое танго. Тела льнут друг к другу. Мелькают точеные ноги женщин: колени выдают необузданную игру страстей. Женщина не знала, с кем танцует, мужчина не был знаком с женщиной. И к чему было знать: пол «безличен». А в воздухе витал шепот. В нем слышался жаргон проституток и апащей (он более отражает скрытые желания). Здесь каждый предавался забвению, каждый стремился развлечься, убить скуку больших городов, заплесневелую, замшелую и «строптивую», как злая и обделенная судьбой хозяйка гнилой «меблирашки».

Адольф Унгар замер в углу зала в ожидании незнакомки. Петерец стоял рядом с ним, словно соболезнующий на панихиде, потом вдруг срывался с места и подбегал к кому-то, чтоб услышать очередной анекдот. Наконец он нашел «свою» женщину и, забыв обо всем, вместе с ней смешался с танцующими.

Унгар направился к выходу. И вдруг в дверях столкнулся с женщиной в наряде баядерки. Тело Унгара вдруг обрело уверенность, такую, которая неожиданно приходит к трусу. Он опрометью бросился к женщине. Она вздрогнула. Минута: и страх прошел. Они присоединились к танцующим. В танце к Унгару пришла другая уверенность: та, что приходит с вином. Он перешел на шепот, но в отличие от витающего в

воздухе жаргона, в его словах было больше рожденной фазами луны.

— Выйдем в малую комнату.

Женщина покорно последовала за ним.

В комнате никого не было. Унгар заказал коктейль — он пылал, жар подступил к самому горлу. Язык заплетался. Слова не подчинялись ему. Тогда он вдруг снял маску.

— Узнаете меня?

— Кинорежиссер Адольф Унгар.

Шепотом ответила женщина. Конечно же, под маской нельзя было уловить двусмысленную улыбку, сопровождающую слова женщины. Петерец, например, мог определить эту улыбку и по ее голосу, но Адольф Унгар не был Петерецем: в особенности в эту минуту.

— Вы, должно быть, та самая женщина, которую я недавно видел с американцем в кафе.

— Вы уверены?

Тихо засмеялась женщина.

— Абсолютно.

— Почему вы думаете, что угадали?

— Я не мог ошибиться...

— И что же?

— Как что же?.. Неужели не чувствуете?..

В словах Унгара — смелость зверя, в них дыхания больше, нежели мысли. Женщина молчала. Он понял: это молчание капризной женщины. И вновь выплеснулись слова, но сильнее было — дыхание, горячее и пылкое. И тут женщина произнесла:

— Хотите, я приду к вам...

В ответ Унгар застонал.

— Но с одним условием: я буду в вуали.

— Почему?!

Удивился Унгар.

— Я так хочу: пусть будет вуаль.

— Я согласен...

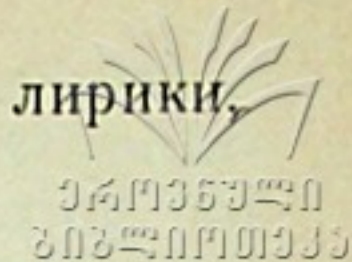
— Так когда?

— Может, завтра вечером?

— Хорошо... Завтра... От восьми до девяти... Ваш адрес?

Унгар протянул визитку.

Женщина встала и вышла. Унгар продолжал сидеть, скованный оковами радости. Потом он тоже встал

и прошел в зал. Женщины в наряде баядерки уже не было. Он напрасно искал ее. В углу заметил Петереца, хотел было подойти, но раздумал. Выйдя на улицу, вдохнул свежего воздуха и пошел своей дорогой.

Всю ночь и весь последующий день он думал только об одном: придет или нет? Унгар придавал значение предрассудкам. Задумает что-то и говорит сам себе: «Если это случится — придет, если нет — не придет». Весь день прошел в таких гаданиях. Наконец, увидев собаку на улице, он решил: «Если собака свернет влево — не придет, если вправо — придет». Собака свернула влево. Но в душе он все же не терял надежды, заказал цветы, фрукты, всевозможные пирожные, самые лучшие напитки и в восемь часов был уже дома. Каждый звонок приносил ему физическое страдание. «Куда подевалась крепость меди?» — думал он о себе, как о третьем лице. Часы пробили девять. Унгар всем телом прижался к столу, чтобы унять дрожь. Прошло пять минут: невыносимых. Еще пять минут: еще более невыносимых. Еще десять минут. Унгар вконец издергался. Лишь слух по-прежнему — острый. Вдруг он услышал шум проезжающей машины. Вскочил. Подбежал к окну. Машина остановилась перед подъездом его дома: сердце истошно забилося. Из машины вышла женщина: сердце готово было вырваться из груди. Женщина открыла дверь. Унгар замер. Он стоял в дверях: один сплошной слух. Женщина поднималась по лестнице. Унгар распахнул дверь и выбежал навстречу. Увидел ее — в вуали. Она вошла. Села на диван. Гостиная утопала в цветах. Женщина молчала. И он молчал. Вдруг он сорвался с места, упал перед незнакомкой на колени и дрожащими руками обнял ее колени. Она не отстранилась. Ошеломленному, пребывающему в угарном упоении Унгару чудилось, что в его комнате в этот миг пребывает малоазийская Ма, фригийская Кибела, аккадская Иштар, греческая Геката, индийская Кала... Встреча с незнакомкой превратилась для него в своеобразный ритуал поклонения. Он почувствовал время только тогда, когда пробило двенадцать.

Гостья встала, собралась уходить.

— Вы... навестите еще меня?

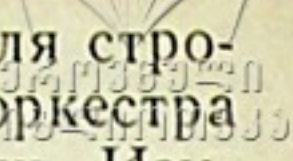
Испугался прощания Унгар.

- С одним условием.
- Приказывайте.
- Вы уверены, что я та самая незнакомка?
- Абсолютно...
- Так вот... Когда вы встретите меня, не вспоминайте, что я была у вас.
- Стало быть вы... Я не знаю даже вашего адреса...
- Я ведь «маска»... И потом, к чему вам мой адрес? Я буду звонить вам сама.
- «Она» ли это была?!
- Усомнился в эту минуту Унгар.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Предложение мистера Лейка не было для Пелетье коммерцией. Пелетье самому не давала покоя негритянская музыка. Память его еще хранила воспоминание о Casino de Paris, 1918 года, джаз-банде, появившемся недавно в Европе. Он услышал тогда абсолютный ритм. Впервые. Почувствовал африканскую жару и яркую кровь негров. Во всей мощи. Стал изучать удивительную музыку, которая шла: из Чикаго, Нью-Йорка, Индианополиса. Слушал множество раз в каннских и довьльских казино оркестр Билли Арнольда. Пелетье был пленен этой музыкой. И он отправился в Америку. В бостонском отеле «Брунсвик» слушал джаз-банд. В Нью-Йорке — Пола Уайтмена (White-man), оркестр которого играл в сверкающем огнями Пале-Рояле. Впервые слушал духовные песни негров (Spiritual), которые чернокожие поют на плантациях. В этом пении уже была «синкопа», волшебство ритмики джаза. Испил из многочисленных ручьев «регтаймов», в которых еще острее проявлялась синкопа. Опьянен Пелетье ритмической полифонией негритянской музыки. Отметил: многое пришло сюда из Азии через Сан-Франциско. Обратил внимание на одно явление: племена маиори и новозеландцы поют в унисон, но тональность у них разная, поскольку одни поют на четверть тона выше, а другие — ниже. Это та

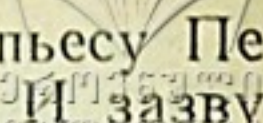
же вибрация вокруг тона, которая характерна для строения джаз-банды. Изучил Пелетье состав джаза родом из Тихого океана, а не Атлантики. Изучил инструменты джаза, в особенности «ударные» («traps»). Изучил саксофоны (изобретение Адольфа Сакса), саррюсофон (изобретение Саррюса), сюзифон (автор — Сюзи). В звуках саксофона отметил блеск металла и мягкость дерева. Изучил ксилофон: деревянные палочки или же пластины разной величины, с помощью которых извлекают звуки разной высоты; целую систему барабанов всевозможных размеров, на которых так ловко играет один музыкант. Полюбил «банджо», этот волшебный струнный инструмент, синкопный звук которого (непрерывное «м-та», «м-та», «м-та») суше, нервнее, острее звуков арфы. Отметил: в оркестре для одного инструмента — имеется множество «сурдин», с помощью которых изменяют тон. Отметил также: «ударные» звучат почти вполголоса. Подчеркнул для себя значимость этого. Он знал, что в русской музыке колокола словно пронизывают (не нарушают) вздыбленную массу голосов. В джаз-банде вместо колоколов — ударные, которые разрывают общую массу звуков, чтоб потом, расчлененные, звуки устремились друг к другу с большей страстью. Обратил внимание: среди этих обезумевших инструментов особенно выделялась изощренная вибрация (Vibrati) скрипок, их плавное скольжение (Alissando). В оркестре слышался то рык зверя, то клич первобытного человека, добывшего огонь. Отметил линии: политональные и атональные, созвучие минорных и мажорных аккордов с четвертьтонами; необычным показалось ему: в оркестре скрипка верна своей мелодии, рояль выискивал ритмические и гармонические корни, кларнет же решал свою мелодию с бесцеремонной шалостью. Каждый инструмент ведет свою мелодию, но в то же время верен общей линии — как в удивительной гурийской песне (Пелетье познакомился с грузинской песней посредством пластинок). Налицо поразительная способность импровизации. Каждый инструмент темой своей притягивает, завораживает, ни одно отклонение не является отрывом от общей темы: любой инструмент возвращается к общей теме как в свою плоть. Пелетье был пленен джазом. На Леннок-авеню слушал он как-

то певицу, негритянку. Она пела одну и ту же мелодию, оркестр подыгрывал ей. Импровизировали и певица, и оркестр. Более того: певица своим вдохновением заражала оркестр, и оркестр самозабвенно вторил ей. То же самое можно было наблюдать между оркестром и танцующими. И царила повсюду: жизнерадостность земли и греховность. В это бесшабашное веселье примешивалась порой грусть — «блюз» (Blues), меланхоличное дыхание больших городов. Мелодия словно оголялась...

Пелетье ждали большие испытания. Изменить европейской музыке и последовать за знойными ритмами чернокожих?! Среди европейских композиторов есть такие! Альфредо Казела, к примеру, в своих «Пяти пьесах для струнного оркестра» использовал венский вальс и фокстрот. В «Прощании с Нью-Йорком» Орика элементы регтайма раскрыты в рамках симфонической музыки. Игорь Стравинский построил свою концертную пьесу для рояля «Piano Rag-Music» на ритмических элементах «рага». В «Асинкопной сонатине» Жана Виньера, написанной в форме сонаты, есть джазовые элементы. Подобных примеров много. Пелетье уже не испытывал страха перед соблазном ритмов чернокожих.

К тому времени, когда к нему обратился мистер Лейк, Пелетье уже сочинил несколько музыкальных пьес, джазовых. «Rag-Revue»: так назвал Лейк мюзик-холл, который устроил с помощью Мак Колаха (Лейк был знаком с Мак Колахом по Бродвею). Пелетье поначалу собрал оркестр, следуя примеру Пола Уайтмена: три скрипки, два контрабаса, банджо, две трубы (одна, случилось, уступала место саксогори-сопрано), два тромбона, три валторны, три саксофона (от сопрано до басов и они будут уступать место кларнетам), один саррюсофон, один сюзофон, два рояля (один изредка будет заменять челесту), литавры и ударные. По совету Лейка он добавил к инструментам три-четыре тари — восточный смычковый инструмент, увиденный им в Персии. Пелетье не игнорировал и другие советы Лейка. Так, за сценой он использовал шумовой эффект — гул воды, который то усиливался, то затихал.

Мистер Лейк пригласил пятьдесят негров, женщин

и мужчин, певцов и танцоров. Музыкальную пьесу Пелетье написал наспех на либретто Петереца. И зазвучала в огромном городе мелодия «Rag-Revue». Девиз мистера Лейка: победу надо одерживать мановением руки. Все равно, что это будет: казино, ипподром, биржа, женщина, роман, театр, самолет или что другое. Мановением руки. Один день должен быть твоим — от начала до конца. Только тогда можешь праздновать победу. Это зовется «судьбой». Но чтоб судьба баловала тебя, ты должен быть бесстрашным. Мистер Лейк был бесстрашным. Но не слепо: в его смелости расчет занимал столько же места, сколько интуиция. Не больше, не меньше. Мистер Лейк был верен своему девизу и интуиция его не подвела: мюзик-холл одержал победу. Все рвались посмотреть на горячие тела цвета сигары или кофе, послушать зажигательные ритмы. На улицах насвистывали негритянские мелодии. Пели негритянские песни. Танцевали негритячские танцы... «Негр» был в центре внимания: в музыке, в живописи. Были сторонники и противники этого направления. Нападающих было больше. Но Лейка это не пугало. «Лишь бы говорили, а там все равно, что будут говорить», — думал он, одержав победу. На одном из представлений от разрыва сердца умер старик, и газеты подняли невообразимый шум, скорбели по поводу того, что умерший, мол, был поклонником классической музыки и сердце его не выдержало. Мистер Лейк улыбался про себя: о лучшей рекламе нельзя было и мечтать.

У мистера Лейка часто собирались гости. Вот и в этот день у него собрались на чай. Был здесь Мак Колах. Был Пелетье. Петерец. И еще несколько человек: литераторы, художники, актеры. Была Кавалла. Жаннет — сама любезность и предупредительность, особенно с Каваллой (чрезмерно любезна). Лейк и Мак Колах играли в шахматы. Лейк был более сильным игроком, нежели Мак Колах, и нужно было быть особенно искусным, чтоб партнер не заметил его тайного желания проиграть «высокому» гостю. Лейк был искусен и в другом: подобно Юлию Цезарю он был способен думать одновременно о двух вещах. Вот и сейчас, увлеченный шахматами, он в то же время не упускал ни одного слова из разговора окружающих.

А гости, о чем бы они ни говорили, возвращались к джазу. Вспоминали статьи, опубликованные в печати, обсуждали их, спорили.

Один из авторов писал: еще двадцать лет назад один из писателей предрекал, что грядет «будущий хам». Немного времени понадобилось, чтоб предсказание его сбылось: он уже пришел. Не метафизически, а в прямом смысле этого слова, хам со своим отпрыском — негром. Из хижины дяди Тома грядет новый человек и новый свет. Бывший рабовладелец из Калифорнии или Луизианы сегодня скачет под ритмы вчерашних рабов. Негр идет в Европу со своим джазом. Возможно, его могучие ритмы и в самом деле вдохнут новые силы в одряхлевшее тело Европы...

Второй писал: посмотрите внимательно на негров. Тело: словно вылитое из флорентийской бронзы, чуть подернутой патиной. Выточенное, казалось, мифологическим Роденом, отшлифованное, укрощенное. Каждая частичка тела — торжество природы и каждый мускул — солнечная жизнерадостность. Негритянки: таким изяществом формы не похвастать ни голландской, ни этрусской вазе. Тело негра — чудо природы. И в то же время: лицо — уродливое и страшное. Крепкий, мощный подбородок, жадно, до ушей распахнутый рот, толстые, мясистые губы, широкие глаза чернокожих идолов, нос бульдожий. Удивительное тело и страшная голова. К тому же негры отличаются специфическим запахом: как если бы потного коня или быка намазать мускусом. Раса — крепкая, ритм — горячий. Но культура? И спрашивать нечего!..

Третий автор придавал философскую подкладку мысли второго. Он писал: негры имеют «душу», но у них нет «духа» (Geist, Esprit). Сомневаюсь, чтоб в их лексиконе было слово, выражающее «дух». А культура — плод духа. У негра есть страсть. И в самом деле удивительная. Но это «сенсуальность». Ничего другого...

Четвертый писал: негры — раса горячая. Их расовый элемент — огонь: горение по законам физики (вероятно, потому они так загорелы!) Горение. Ничего больше. Их ритмы и музыка? Несомненно, это — мощь, несомненно, это — страсть. В ритмах джаза: «плоть», но не «тело», «желание», но не «стремление», «страсть», но не «любовь», «прелюбодеяние», но не

«эрос», «пьянство», но не «опьянение», «разнузданность», но не «самозабвение». К чему обманывать себя?

Были и защитники. В большинстве: поэты, художники, артисты. Но и сторонники, и противники были одинаково восхищены знойным дыханием джаза, его эмоциональной насыщенностью. Но, пожалуй, сильнее, чем джаз, сводил всех с ума танцор Бод. Его сравнивали с Жозефиной Беккер, которая несколько лет назад покорила Париж, выступая в мюзик-холле на Елисейских полях. В горячем танце парижане увидели яркое воплощение гения негритянской расы. Бод был гением своей расы. К тому же, как мужчина — более яркий, более неистовый, более хмельной. Это чувствовали все: и его сторонники, и противники.

«Шах», — послышался сухой голос Мак Колаха. Американец защитил короля конем. А спор тем временем продолжался. Петерек ждал момента начать монолог, нужен был толчок, чтоб маньяк-говорун взял слово, — и слово «шах», казалось, попало в цель — заговорил неисправимый «монологист»:

— Погодите... Чего плетут, чего мечутся эти паразиты ума... Не негры идут к нам, а мы идем к неграм... Если это не так, то чем объясняется наш обостренный интерес к дикарям?.. Поль Гоген отправляется на Таити, Поль Клодель созерцает китайские пагоды, Людвиг Клагес пишет апологию примитивного человека, Фробенюс изучает погибшую культуру Атлантиды в ее африканских остатках, футуристы и кубисты подражают идолам Конго... Подобных примеров множество. Я понимаю, почему негры покоряют Европу... Они обладают тем, что мы потеряли... Примитив — Адам и смотрит на мир глазами Адама... У примитива — первозданный взгляд на предметы и явления. У нас, европейцев, одряхлело даже слово, стало бесполом... Негры же сохранили способность воспламенения, сохранили первобытный ритм... Знаете, что могут эти чернокожие?.. Родить Александра Пушкина!.. Непревзойденного Пушкина... Вы удивлены?.. В Пушкине была негритянская кровь... Анатомически лицо его скорее негритянское... Скажу больше: его дочь где-то, кажется в Лондоне, приняли за метиску... Именно этот негритянский элемент и создал пушкинский феномен, отличающий его

от всех других поэтов. Характер у него негритянский: он не похож на славянина, русского... Горячий, беспокойный, быстрый, шаловливый, веселый, капризный, резкий, сенсуальный ребенок, видящий все впервой, младенческим зрением, — разве это в природе славянина или русского? Вдохновение для него не «разум», а «физика», элемент молнии. Русские более всех любят Пушкина... Как «своего»?.. Нет: как «чужого», как «другого», на которого ты не похож и кем бы ты стал... Жизнь Пушкина — горение, необузданность. Вспомните его дуэль. Его смерть... Многие считают, что его дуэль — это самоубийство: он, точно назло судьбе, упрямо шел навстречу смерти... А теперь о его поэзии... Мало в ней негритянского?.. Не нервничайте... Вспомните хотя бы его «Пиковую даму», странный азарт и желание узнать тайну карты — «три карты, три карты» (это так прекрасно почувствовал Чайковский) — что это, если не игра с судьбой, если не искушение судьбы? Это ведь чисто негритянское... Или же ужасающая меланхолия ожидания смерти — графиня, красавица в прошлом, а сейчас древняя старуха (тоску которой столь прекрасно передал Чайковский) — что это, если не ярость зверя, почувствовавшего приближение смерти, если не мрачная меланхолия в животной наготе?.. Меланхолия частая гостья в пронзительных стихах Пушкина. Что являют собой «Египетские ночи», если не «искушение судьбы», если не «отчаянность» дикаря, поставившего на карту всю свою жизнь: одну ночь, только одну — единственную ночь испытать упоение телом Клеопатры, а утром пусть отрубленную голову его выбросят в окно!.. Поверьте мне: это негритянский огонь... Не верите?

Петерек пьянел от своих слов, становился рабом их. Он говорил громко, жестикулируя руками, и руки его говорили больше, нежели слова. Никто не догадывался, в чем причина его красноречия. А причина была проста — это присутствие Каваллы. Она слушала Петереца, затаив дыхание. Кавалла любила Пушкина: стихи его ласкали — так ласкает тепло морских волн обнаженное тело. Но она не разделяла навязчивой идеи Петереца, что Пушкин негр. Петерек замечал: что-то беспокоит женщину. В россыпи слов внутренним зрением видел слово, которое следовало ска-

зять для этой женщины, он ждал рождения этого слова, как сластолюбец ждет наступления ночи. Нужен был только укол кончиком невидимой иглы: и он почувствовал этот укол.

— Не верите?.. вспомните ритм пушкинских стихов... Такого богатого ритма нет ни у одного русского поэта... Не думаю, чтоб был такой ритм у другого поэта, даже европейского... Пушкинский ритм богат первозданным дыханием... В нем — пульс свежести и сердцебиение дикой силы... Точно такой, который характерен для негритянских ритмов... Могу поспорить: наверняка найдется исследователь, который уловит в пушкинских стихах «Регтайм»... Я, к сожалению, не настолько хорошо знаю русский — давайте спросим... Каваллу... Что скажете, Кавалла?

Обратился он к женщине. Имя «Кавалла» приковало слух всех гостей. Мак Колах оторвался от шахматной доски и удивленно уставился на Петереца. Лейк еще ниже опустил голову, будто бы рассматривая внимательно положение фигур (на самом деле он пытался скрыть двусмысленную улыбку). Жаннет вспыхнула — искушенный взгляд заметил бы: по лицу ее скользнула тень зависти. Каваллу вопрос Петереца смутил так же, как бесцеремонный взгляд — обнаженную, вышедшую на берег. Она покраснела. Нависла тишина. Пауза, которая была неуместна. В это время вошла служанка и что-то шепнула Жаннет. Та вышла. И вскоре возвратилась с гостем. Это был Адольф Унгар. Пауза исчезла. На душе полегчало. Кавалла вздохнула с облегчением. Хотя приход нового гостя взволновал ее (она тотчас узнала мужчину, не спускавшего с нее взгляда в кафе, а потом последовавшего за ней). Унгар поздоровался. Сел. Пелетье, улучив минуту (может для того, чтоб помочь Кавалле справиться со смущением), улыбаясь, обратился к нему:

— До того, как вы вошли, герр Петерец убеждал нас в том, что Европа, если она хочет улучшить свою жизнь, должна вернуться к неграм.

— Ничего подобного, — парировал Петерец. — Если вы даже очень захотите, все равно не сможете стать негром. Я просто-напросто хочу отдать им должное, защитить их от натиска газет.

— Во всяком случае, если судить по вашим сло-

вам, негр намного выше любого европейца, даже, например, такого великого мыслителя, как Кант.

Произнес один из гостей — поэт.

— Этот кенигсбергский китаец? — захихикал Петерец. — Да, кенигсбергский китаец, как хлестко окрестил его Ницше... Разумеется, мозг у него удивительный, но что сделал этот мозг?.. Оградил жизнь китайской стеной и поместил туда человека, как некое привидение... Более того: он весь мир превратил в грезы... Для подобного «превращения» Канту понадобилось многое: прежде всего уничтожение собственного «я»... Какой гениальный полип... О вкусах, конечно, не спорят (а может, именно об этом и спорят), но я должен признаться, что мне Кант не по вкусу... Недавно здесь говорили о «душе» и «духе»... Так вот, если у дикаря есть душа и отсутствует «дух», а Кант — обладатель «духа», но не «души», то я предпочитаю дикаря... Чему улыбаетесь? Спросите у своего Людвига Клагеса: первейшим грехом мира, считает он, является именно этот «дух», свивальниками стягивающий жизнь: своей отстраненностью, своей логикой... Но это нас далеко заведет... Вернемся вновь к кенигсбергскому китаю... Мозг, повторяю, удивительный... Так вот — бродит этот «мозг» по улицам Кенигсберга и думает о «трансцендентальной апперцепции»... Ходит этот механический скелет так, что по нему кенигсбергцы сверяют часы... Да ну к черту такую жизнь с ее «трансцендентальной апперцепцией»... К кому или к чему пойдешь с этой «апперцепцией»? К другу, в гости, к женщине, к любовнице?.. О последней и не говорите: бедняга сам уже ничего не мог и превратился в сводника... Ха-ха-ха!.. Нет: предпочитаю Канту негра Бода... Трансцендентальная апперцепция и сводничество — вот прекрасная тема для получения степени доктора философских наук... Ха-ха-ха!..

Петерец пьянел от своих слов. Правда, не забывал он и о бокале с «Бенедиктином». Пламенел его артистический темперамент. Он говорил все громче, размахивал руками, особенно правой. Когда он переставал размахивать правой, то левая его рука застыла в воздухе, и начинали свой танец пальцы — средний и указательный. Слушали его: кто с удивлением, кто с иронией, мистер Лейк смотрел недовольно: Бог

с ним, пусть восхваляет негра, но обвинять во всех грехах Европу!.. Видеть в ней столько плохого!.. Это уж слишком (именно это, казалось, хотел сказать он, когда бросал на Петереца недовольный взгляд). Жаннет переводила взгляд с Унгара на Каваллу, вернее, ловила взгляды Унгара на Каваллу (пыталась что-то понять?). Унгар не смотрел на Петереца. Слова Петереца, казалось, доносились до него издалека, гонимые ветром. Он украдкой наблюдал за Каваллой, боясь встретиться с ней взглядом. «Это она, — думал Унгар. — Она знает все о нашей встрече, а я так мало». Унгар испытывал беспомощность человека, тайну которого знают, но не выдают, чтоб раздражить сильнее, принести новые страдания. Он терялся в догадках, его мучили сомнения: «та» была почти беззастенчива, а эта стыдлива, «та» — дерзка (даже нахальна), а «эта» — скована робостью. Закрадывались в душу сомнения — и надо же (глядите, какова человеческая природа!): где-то, в затаенном уголке сознания, он даже был рад, что «эта» — не «та» (в эту минуту он чувствовал, что становится решительнее). Но чей-то настойчивый голос внушал ему: женщина в маске наедине с мужчиной, конечно же, может позволить себе быть беззастенчивой. Унгар отводил взгляд от Каваллы. Унгар жалел, что он не дикарь: тогда чутьем зверя он наверняка почувствовал бы: это «та» или нет. Кавалла все еще с удивлением слушала необычную речь Петереца. Многого из того, что он рассказывал, она не знала, но какими-то частичками плоти понимала. Мешал ей только настойчивый взгляд Унгара: она терялась от него. И почему-то краснела. Сидела окаменев, боясь шелхнуться. Вдруг Мак Колах произнес «шах» и «мат» — и горделиво вскинул голову. Произнес так громко, что все оглянулись. Невольно оглянулся и Петерец. Оглянулся и... зашатался. Ритм, в котором он пребывал все это время, нарушился: словно выпал такт. Петерец не удержался на ногах и чуть было не грохнулся на пол, — но его поймала ловкая рука Унгара. Однако левой рукой Петерец задел скатерть — опрокинулась бутылка «Бенедиктина», покатились на пол фрукты, упали бокалы, забрызгав наряды женщин. Жаннет первая заметила, что забрызгала желтое платье — и, чтоб скрыть раздражение, громко захохотала.

Ее примеру последовали другие... Смеялся Пелетье, смеялась Кавалла, которую смех Жаннет вывел из оцепенения. Не устояли Унгар и Лейк с Мак Колахом. Громче всех смеялся сам Петерец, не прекращая при этом свой монолог:

— Во всем виноват этот кенигсбергский китаец... Лукавый человек... Сколькие из-за него сломали себе шею!.. И я чуть было не растянулся на полу... Жалко только, что наряды женщинам попортил... Но и данный случай — живой пример, подтверждающий мою мысль. Я ведь тоже из породы этого неверующего китайского пугала... Будь я дикарем, разве со мной такое случилось бы? Ха-ха-ха...

Смеялся Петерец. А незаметная молекула в сознании шептала ему афоризм: «Пока над тобой не посмеялся другой, смейся над собой сам, тогда играючи перенесешь позор». Афоризм созрел в его сознании, но, как ни странно, он промолчал, не произнес его вслух. Постепенно в смех стали вкрапливаться слова, и вскоре вновь потекла неспешная беседа — на самые разнообразные темы. Кто-то говорил о новой прическе кинозвезды, другой — о призе дерби, третий — о перелете Линдберга через Атлантический океан. Говорили также: о новых театральных постановках, киноэкспедициях, об интересе западной литературы к Достоевскому, о влиянии Марселя Пруста на современный роман, о революции в России, о новостях из Китая, о неокатолицизме, антропософии, чарльстоне, о голых коленях, о новой автомобильной фирме, о Штреземане, Муссолини, о новой электрической бритве — и Бог знает еще о чем! Но о чем бы ни говорили гости, все разговоры сводились к «Rag-Review» и негритянскому ансамблю. Хвалили музыку Пелетье. Пели дифирамбы мистеру Лейку как организатору этого ревью. Кто-то даже предложил назвать инструмент, имитирующий шум воды, «лейкофоном». Не забывали и автора либретто Петереца. А тот шутил: «Я либреттист из метафизики». Спорили о джазе, о его хлынувших лавиной ритмах, хвалили танцоров, и тут всплывало имя Бода — двадцатилетнего негра, сильного, стройного, утонченного, как датский дог. Поэт, не согласный с рассуждениями Петереца, не унимался:

— Как, дикарь лучше Канта?.. Невообразимо...

Если так думать, то мы должны предпочесть неграм диких зверей, поскольку последние еще сильнее и ритмичнее... Так?

Петерец говорил уже о другом, но поэт не отстаивал:

— Что удивительного в конце концов в джаз-банде и его хваленых ритмах?

Поэт замолк и вдруг, повернувшись к Кавалле, спросил:

— Я бы хотел услышать ваше мнение... Я знаю, что вы были танцовщицей в Константинополе... Скажите: что это такое — негритянские ритмы?

При слове «танцовщица» Мак Колах вспыхнул, Жаннет изумилась, Кавалла покраснела (не стыдливо). Поэт повторил вопрос. Кавалла гордо вскинула голову, тихим, но твердым голосом обратилась к гостям:

— Что такое негритянские ритмы? Спросите свое тело... Спросите свою плоть... Тогда узнаете...

Гости были ошеломлены. Такого ответа никто не ожидал. Более других был удивлен поэт: он весь превратился в большой вопросительный знак. Были среди гостей такие, кто ничего не понял. Адольф Унгар не слышал ответа Каваллы, он слышал лишь ее «голос», металл слегка пониженного тона, легко проникнувший в его сознание. Только Петерец вновь оживился — и, словно держа в руке бокал с шампанским или бургундским, воскликнул:

— Гениальные слова!.. Почему до сегодняшнего дня я сам не догадался об этом?! Тогда мне не надо было бы ссылаться на всякие там авторитеты!.. Ха-ха-ха!.. Спросите свое тело!.. К сожалению, мы чаще спрашиваем свои головы... И что же получаем? Теории с аппендицитным отростком и бесхребетными гамлетами, не больше... Мы измеряем, рассматриваем: всюду «глаз» и «мера»... Но вспомним: народ Ветхого завета не видел своего Бога воочию... Погодите... Я наполовину или на треть еврей (Петерец бросил взгляд на изумленного Лейка): я знаю, евреи отводили взор от Всевышнего... Они видели «закрытыми глазами». У них не было «икон»... Потому не было и искусства иконописи — добавил бы я... Они чувствовали плотью, внутренним слухом, космическими звуками... На Востоке

и сегодня нередко услышишь: «тело мне говорит», «плечо говорит»... Арийцы же смотрят на все «открытыми» глазами... Даже в любви... Ха-ха-ха!.. «Exhibition» — болезнь арийцев... И что же, они счастливы? Да их нытью нет предела!.. Это «нытье» они обратили в «лирику»... и нет от них спасу... Ха-ха-ха... Вот бы им научиться кое-чему у семитов... Закрывали бы глаза... Чувствовали бы плотью... Уважаемый всеми нами поэт не дал мне покоя своими вопросами о зверях... Странно, что подобные вопросы задает поэт... Поэты ведь не умеют говорить просто, каждую минуту прибегают к эпитетам и метафорам. К примеру: «человек был разъярен, как тигр» или же «взлетел орлом» и тому подобное — и в то же время удивляются, что тигр и орел в жизни своей сильнее, нежели любой, от природы всем наделенный человек... И в самом деле, что сравнится с такой картиной: залегший в голых расщелинах тигр... разрисованные, полосатые бока его жжет солнце... лапа его в напряженном покое — готова к нападению... Тигр — владыка своего одиночества... Или же: орел парит над бездной, под синим сводом неба. Какая ловкость, какая свобода!.. Неужели никто из вас никогда не жаждал быть тигром или орлом?! А я вот часто мечтал превратиться в птицу или зверя... Поэты в своих изощрениях потеряли смысл метафоры... Когда дикарь говорит женщине «ты мое солнце», — это для него не просто красивые слова, женщина и в самом деле — солнце для него... Не будь это так, не родилась бы и метафора... В «сравнении» изначально есть элемент «схожести»... И отсюда берет начало поэтическая речь... Но наши поэты, не будь это сказано им в обиду, прибегают к истрепанным словам... Для них недостижима первоначальная мощь слова...

Петерец уже не пьянел «по-своему» словом. Наверное, на него подействовала давешняя неудача. Кто-то стал зевать (этот страшный враг театра и слова), а кое-кто и покашливать (еще более страшный враг театра и тем более слова). Петерец уловил шепот, хотя слов не разобрал. Один из гостей шептал Пелетье: «Ну и мечта у него, ей-Богу: превратиться в тигра или орла. Не удивлюсь, если он захочет превратиться в шакала или цаплю...» Пелетье улыбнулся. В другое вре-

мя он воспользовался бы и этими словами для своих парадоксов, но на сей раз смолчал. Лицо его омрачилось. Но только Кавалла заметила это. И другие гости почему-то «приуныли». Мистер Лейк, как опытный режиссер, тотчас учуял опасность. Переглянулся с Жаннет. Та без слов поняла его и села за рояль. Но из этого ничего не вышло. Жаннет сменил Пелетье. Комнату заполнили живые ритмы джаза. Гости оживились. Разделились на группы. Беседовали вполголоса. Петерек с поэтом сидели возле окна. Поэт вспоминал о выступлениях Каваллы в Константинополе. С присущей только женщине интуицией Кавалла догадалась, что говорят о ней. Встала. Подошла к окну. Петерек вско-чил:

— Мне сейчас рассказывали чудеса о том, как вы танцевали.

Кавалла улыбнулась (это была первая улыбка на ее лице за сегодняшний день). Поначалу напряглась, точно почувствовала какой-то вызов. И вдруг просто спросила:

— Хотите, чтобы я станцевала?

Петерек остолбенел. На минуту. Потом повернулся к гостям и громко произнес:

— Кавалла хочет танцевать!

Все замолкли. Пелетье перестал играть. Мак Колах встал, ошеломленный.

— Где?

Спросил он у Каваллы.

— В «Rag-Revue»...

Теперь уже вскочил мистер Лейк — от смешанного чувства удивления и радости...

— Инструменты?

Спросил снова Мак Колах.

— Найдем.

Ответила уверенно женщина.

— Партнера?

— И его отыщем.

Пауза. Мак Колах принял желание Каваллы за чудачество, но он знал: ей лучше не перечить. Мистер Лейк потирал руки от удовольствия. Жаннет не спускала с Каваллы ревнивых, завистливых глаз. Петерек был в восторге. Только Унгар сидел мрачный. Руки Пелетье вновь коснулись клавиш и вновь комнату

заполнили жаркие, хмельные ритмы. Кавалла вдруг зажглась каким-то дикарским озорством.

«Нет, это не «она», — усомнился Унгар. И вспомнил о Фалестре. Только сейчас он заметил, что за весь день не вспоминал о царице амазонок. Рядом с ним сидела Жаннет. Неожиданно Жаннет спросила:

— Что у вас с «Фалестрой»?

— Съёмки приостановлены.

— Почему?

— Я не нашел женщину, которая сыграла бы ее.

— Неужели?

До Петереца долетели обрывки их беседы. Он встал и подошел к Унгару.

— Пригласи Каваллу на эту роль.

— Меня?..

Изумилась Кавалла.

Она переводила недоуменный взгляд с Петереца на Унгара.

— Да...

Произнес Унгар (поняв в эту минуту, почему он не обратился к ней первый).

— Я... Почему?.. Разве я смогу?

Кавалла была явно смущена.

— Сможете, да еще как!

Почти одновременно воскликнули горячо Унгар и Петерец.

Жаннет коршуном смотрела на Каваллу.

Перевод **Виктории ЗИНИНОЙ**

Весна

Кто сотворил апрель апрелем,
Призвал весну на белый свет
И щедро в пестрые пиалы
Налил целительный шербет?
Всевышний ласкою забытой
Согрел зачахшие поля,
Цветы и почки-изумруды
Вспоила вешняя земля.

Уединение

Сползает с сердца червь, когда вздохнешь
И на весну засмотришься невольно.
И покаянью двери отпрешь,
К блаженству не ища путей окольных.

И плоть послужит на пиру души...
Прольется свыше в сердце Божья милость.
О солнце, доски гроба просуши...
Душа во благость храма обратилась.

* * *

Над Кварели белоснежный
Гордый горный пик лучится.
Многи лета Алазани
По долине вниз струится.

Света, радости источник —
Божий дар, хранимый свято.
Не решайся на убийство,
Не вини ни в чем собрата.

Отиа Пачкориа

Тяжко все же,
 Хоть я хлебосольный поэт,
 Год промчался,
 Я брел по дороге, никем не согрет.

Мыслям черным
 Я от сердца ключей не отдал.
 И щедрее
 Не найдешь никого, где бы ты ни искал.

Злато-серебро
 Копит пусть и считает мой враг,
 В мир иной
 Не возьмешь ты с собою богатства никак.

И хоть плюй ты
 Чистым златом, алмазы хоть пей —
 Все пустое,
 Лишь бы Бог милосерден был к доле загробной твоей.

От Тбилиси
 До реки Колымы много верст ледяных.
 Ухожу я,
 Лишь Всевышний узнает о долгах неоплатных моих.

Так гордитесь
 Пашней солнечной родины вы, бедняки,
 Хлебосольны
 Будьте все, благо в мире — от щедрой руки.

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

Птицы зимой

РОМАН

IV

— Где пропада́л?
Турпа, установив полено на пне, взялась за топор.

— Помочь?

— Сделай милость...

Я взял у нее топор.

Мне отчего-то стыдно, никак не могу посмотреть ей в глаза.

— Ты что, оглох? Где, спрашиваю, пропада́л? — наклонив голову, Турпа так взглянула на меня, что я промахнулся и вместо полена едва не раскроил себе ногу.

— Ты еще неуклюжей моего, не отруби себе что-нибудь, не то твоя бабушка со свету меня сживет...

Граб раскалывается от одного удара, разлетается на половинки, желтеющие сердцевиной.

— Хватит, не нанятый же, — улыбнулась Турпа и стала собирать поленья в охапку.

А их целая гора, с меня пот течет ручьями, руки отваливаются.

— Домой понесешь?

— Нет, в сарайчик, где тонэ.

Я тоже набрал дров и двинулся за ней.

— Брось здесь, главное, чтобы под дождь не попали.

Окончание. Начало см. в №№ 5, 6.

— Они приехали? — глухо спросил я, так глухо, что сам еле расслышал, что-то застряло в горле, пришлось откашляться.

— Да, вернулись, — она поправила мне упавшие на лоб волосы.

Я отвел ее руку.

— погоди! — смеясь, сказала она. — Не приехали, завтра жду... А тебе что за интерес? Говори, что проглотил свой бойкий язычок? — Лицо ее стало серьезным. — Ты никому не рассказывал?

— Рассказывал!

— О, Господи, кому же ты проболтался? Иди сюда...

Мы снова зашли в сарайчик.

— Обманываешь, а, обманываешь ведь?

Я засмеялся.

— Не стыдно, пугать меня вздумал!

Снова по позвоночнику забегали мурашки...

— Турпа, эй, Турпа! — кто-то затопал по лестнице. — Вот тебе твой ребенок... Позови-ка ее! Крикни — ма-ма!

— Сейчас, Зина, сейчас!

Турпа захлопнула дверь и заперла снаружи.

Холодный пот прошиб меня, я не знал, куда деться, сердце так стучало, что, казалось, того гляди разорвется.

Выглянул в щелку.

«Может быть, заметила нас... Врагам попасть на ее язык, не успеет со двора выйти — вся деревня будет знать! — от этой мысли у меня подкосились ноги. — Они и так болтают! И сумка у пня осталась! Заметит или нет? Почему поглядывает сюда?»

— Водку собралась гнать; чтоб не беспокоить тебя спозаранок, одолжи сейчас большой таган... Ее столько, что, по-моему, и послезавтра не закончим... Еще бы один котел достать...

— У соседей возьми.

— Да к их котлу змеевик не подходит.

— Попроси у Магули.

— И-и, плохо ты ее знаешь, разве позволит вынести из дому что-то из того, что принадлежит ее скарעד-

— Скажи «да», и уйду.
— Да... Уходи... Постой, я взгляну, не забрел ли еще кто-нибудь...

* * *

Волы лежат под тутой и жуют, подняв головы. Они чистые и ухоженные, лоснится шерсть.

— Где ты, парень, все глаза проглядел... Подойди, ненаглядный мой.

Из дому вышел дедушка, и мы обнялись.

— А ты хорош, ни разу не навестил нас. Ну, как живете?

— Нормально... От Малхаза приходят письма, пишет, что определили поваром, еды и питья хватает, когда других поднимают чуть свет и гоняют до седьмого пота, он сидит и чистит картошку.

— Его для этого забрали в армию?

— Умудрился, вот и... Хоть в тепле посидит в тамошнюю стужу...

— А что у Рензани?

— Сынишка Рензани начал ходить, его сразу две семьи опекают... Такой шустрый малый, болтает так забавно... Элгуджа все грозитя бросить школу и пойти в шоферы, и чем их прельщает эта пагубная профессия?

— Дома ты хоть что-нибудь оставил? — спросил я, увидев сложенные в коридоре мешки и ящики.

— Вина только не привез, бродит еще...

— Не проголодался? — спросила бабушка. — Удивительно, чем он существует, проглотит крошку и все.

— Кто у них был особенным едоком?

— Его бедная мать кусок хлеба не могла за день осилить.

— Нельзя было курицу не резать?

— Ты такой редкий гость, что для тебя я не только курицу...

— Я, сестричка, виноват. Все сегодня-завтра, сегодня-завтра, никак не выберусь. На прошлой неделе снарядился — умер бедный Чибуха, опять я необходим... В субботу схоронили...

— Ой-ёй-ёй, лучше бы ты не говорил! — огорчилась бабушка.

— Что с ним случилось?

— Старость, сынок, старость.

— Что вы за люди, нельзя было сообщить?

Сердце мое как будто обдали кипятком. Чибуха умер! А я так и не выбрал времени поблагодарить его. Сколько ему стоило сил тащить меня через реку. Я помню и его корявую палку, которой он помогал себе, пробираясь вброд, и худую шею, и усталое потное лицо.

— Принеси луку.

— Он в мешке, — показал дедушка.

На левой руке у него недоставало двух пальцев.

В той проклятой войне некоторые голов лишились, стоит ли плакаться о пальцах, говаривал дед.

Я вышел в другую комнату и достал книги.

«У тебя душа не лежит к учебе, — упрекнул меня Нико, — что с тобой, если что-то трудно дается, я же здесь! Предупреждаю тебя, — он помахал указательным пальцем, — будет так продолжаться, положу крест на нашей дружбе».

Что ему ответить, если я сам не понимаю, что со мной происходит. Читаю, а в голову ничто нейдет, тороплю вечер, чтобы... Нет, надо брать себя в руки. Тина обещала помочь с русским, остальные предметы я сам подтяну...

Я перелез через плетень и подкрался к окну.

— Ты?

— Да!

Мы молча бросились друг к другу. Снова глаза застлал туман, я ничего не видел, только руки ощущали жар обнаженных женских плеч...

— Не простудись, — она заботливо накрыла меня одеялом. — Выпил? — положила голову мне на грудь.

— Немного.

— Настало время выпивать, ты уже мужчина... Думала, что ты больше не придешь. В первый раз у тебя был такой растерянный и несчастный вид, что я потом всю ночь глаз не сомкнула: как бы ребенок с ума не сошел.

— Ребенок?!

— Да, не думаешь ли ты, что ты уже взрослый?.. Сколько тебе лет?

— В августе будет семнадцать.

— Оказывается, я на десять лет старше... Помню, как ты родился. Ты был такой славный, мы, соседские девчонки, все нянчились с тобой... На свадьбе сына Като ты сидел рядом с матерью... Она, бедняжка, уже тогда недомогала... А ты так выделялся среди гостей, ни на кого не походил, кроме одного человека с лучистыми глазами и аккуратной прической...

— На кого же я походил?

— Погоди... Ты посмотрел на меня, я прямо обмерла, задрожала, как в лихорадке. Сама на себя дивилась; что этот ребенок все время стоит перед глазами, что со мной?.. Пересела на другое место, если бы ты еще раз взглянул на меня, я бы упала в обморок...

— На кого же я походил?

Она приподнялась, вглядываясь в меня.

— На своего отца... Когда он проходил мимо, у меня подкашивались ноги.

— Так ты с моим отцом?..

— Что «с твоим отцом»?.. Он видел во мне ребенка, да и я не решилась бы сказать ему, что люблю его... Мне казалось, что все забыто, а тут встретился ты...

Мне почему-то стало так обидно, такая злость взяла, что я готов был ударить ее.

— Зачем ты рассказала это мне? — с трудом сдержался я.

— Не знаю... Не хочу, чтобы ты думал, будто... Погоди! — она вырвала у меня одежду. — Должна же была я кому-нибудь излить душу...

— Я не кто-нибудь! Мне кажется, что ты рада смерти моей матери...

Турпа как-то сразу осела, закрыла одеялом голую грудь, скомкав, подтянула его к горлу, словно только сейчас поняла, что на ней ничего нет.

— Как ты мог подумать такое? — едва выдохнула она. — Пусть этот ребенок не проснется утром, пусть те оба умрут, если... — слезы ручьем текли по ее лицу, — какой несчастной родилась я, никому ничего не могу объяснить, то ли мир оглох, то ли я сумасшедшая. Думаешь, легко мне было, я все локти себе искусала, покуда решилась... В конце концов мужики, что ли, перевелись, что я набросилась на такого сосунка?.. Не

взваливай на меня страшный грех, я никому, кроме себя, ничего плохого не сделала...

— Хорошо, успокойся!

Она прижалась к моей спине и разревелась еще горше...

«Без пальто уже нельзя», — съезжившись, шел я домой...

— Я думала, ты у Георгия, а он тебя здесь искал.

— Дедушка лег?

— Да, устал он.

Я заглянул в другую комнату.

— Спит.

— Ждал тебя, как можно оставлять гостя! Наклонись, прикину к спине... Завтра или послезавтра пришью рукава, и нынешней зимой не замерзнешь...

Я обнял бабушку и поцеловал в затылок.

— Чего подлизываешься? — взглянула она поверх очков. — Набедокурил?

— Все мы понемногу бедокурим; от моей рубахи, например, уже паленым пахнет.

— Чтоб мне провалиться, воротник был влажный, подвинула ближе к печке и совсем забыла! — сдернув рубашку со спинки стула, бабушка шустро ощупала ее. — Бог миловал... Постарела я, ты все не веришь.

— Ты еще на моей свадьбе должна поплясать.

— Не до плясок мне, дай Бог дожить до нее... К тому времени, я, думается, настолько одряхлею, что ты меня за стол не посадишь... Эх, кто должен был радоваться больше всех, тот...

«Твои сандалии я отличу среди тысяч...»

«Как?»

«Одежда со временем становится похожей на владельца. У твоей обуви — форма твоих ног», — мама ставит к печке обтертые мокрой тряпкой сандалии.

«Другие мамы тоже отличают?»

«Разумеется, как и своих детей... Стоит тебе поносить — палец всегда выпирает в одном и том же месте... Вот этот шаловливый, неугомонный пальчик...» — она забирается рукой под одеяло.

Я не даюсь, дрыгаю ногами, мы оба смеемся...

«Боже мой, почему все хорошее кончается так ско-

ро? Неужели моя мама должна жить только в воспоминаниях и последним воспоминаниям суждено когда-нибудь померкнуть или исчезнуть совсем?» — я печально задвинул ботинки под кровать.

* * *

Проснулся рано, но голову от подушки оторвать не в силах. Честь и слава выдержке Жоржика. А пилась, проклятая, как вода...

Какой урок первый? Химия.

«Фосфор в природе...»

Оказывается, фосфор придает скелету твердость, играет важную роль во всех жизненных процессах, и какой-то академик назвал его «элементом жизни и мысли...» Как фамилия этого академика?.. Эх, голова, голова, глупеешь, несчастная, порастеряв «элемент жизни...» Источником фосфора для человека и животных считается растительная пища... Очень хорошо, в маринованных помидорах фосфора больше, чем в моркови, во всяком случае, от всего другого меня воротит.

Я снял крышку с горшка, съел три помидора — ну и кислятина, ворона взвизгнет...

— Ага, скрутило! — вошла бабушка.

— Где ты была?

— Где могла быть? Ты именно вчера пропал, хотя я сказала, что надо долущить кукурузу. Осталось — кот наплакал, сама справилась...

— Подождала бы меня, не на век же пропал.

— Откуда мне знать, на сколько!.. Поешь что-нибудь.

— Опаздываю.

Мелкие снежинки тают в воздухе, не долетев до земли.

С ума сойду от этих типов — нахожу Цкалобу с Дауштвинэ на том самом месте, где оставил вчера:

— Домой не ходили?

— Все равно подниматься, вот и выпались тут, под забором, — перемигнулись они.

— Да, жарища, на воздухе куда лучше... Ночью я от грохота проснулся.

— Что случилось? — удивились оба.

— Как, вы не слышали? Всю деревню встряхнуло.

Я думал, это вы с горя подложили динамит под электрическую мельницу.

— Полюбуйтесь, шутить над нами вздумал! — стукнул меня палкой Дауштинэ.

— Я тебе говорю, этот ребенок или погубит, или прославит нас! — поддержал его смех Цкалоба.

— Я пошел.

— Куда торопишься?

— В школе двойки раздают, не прозевать бы...

— Они настолько подешевели?

— Да, если не поленишься рот открыть — тебе без звука ставят тройку, но если заговоришь...

— Учителя-то как подобрели, на твоём месте мы отличниками были бы... погоди, поговорим...

— Не могу, без меня урока не начнут.

Настроение немного улучшилось.

Кто это там? Конечно, Лаврентий или Лаврета по-деревенскому, наш директор.

Длинный, тощий, выцветшее драповое пальто висит на нём, как на пугале. И «цилиндр»... Когда директор снимает его, на лбу ремешком остаётся красная полоса. Одолжил бы на денек Головастику Кола, — так растянет его на своей башке, что директор со всей семьёй укроются под ним...

Я в пятом классе. Несколько дней замечаю, как сыновья Карачи и Жоржика — Заур и Гия бегут не домой, а к хлеву...

Заинтересовавшись, чем они там занимаются, я тайком последовал за ними. Они вошли в хлев. Сунуться туда я не решился, они большие, ещё отлупят, подобрался к окну и первое, что разглядел в темноте, — три красные точки. Ощутил запах навоза и табачного дыма. Но меня заметили, поймали. Третьим оказался пастух, дерганый Ангя. Я отбрыкивался изо всех сил, но они не отпускали — сначала дай слово, что не заложишь ребят, грозно требовал Ангя. Я поклялся. Отпустили на дорожку по пинку. Я убежал, а перед глазами все стояло, как, блаженно щурясь, жадно курили они.

На другой день перед школой я завернул на «пятачок», где обычно собирались взрослые, но сколько ни шарил глазами, не нашел ни одного окурка. Заур с

Гией потешались, наблюдая за мной со стороны. Оказалось, что ребята «промышляют» здесь и прежде — меня подобрали окурки «Примы» и «Казбека».

Так продолжалось по крайней мере с месяц.

Потом мы решили, что незачем мчаться в хлев, достаточно на переменке запереться в туалете. Запирались и такой дымище поднимали, что друг дружку не видели. Наша уборщица за день до черта родилась — смотрела, смотрела, а на большой перемене — только мы раскурились — шмыгнула в учительскую:

— Товарищ директор, у нас, кажется, туалет горит.

— Что ты выдумываешь, как горит? — всполошился тот.

Не нужно было особого ума, чтобы догадаться, что происходит внутри.

— А ну, сукины дети, сейчас же выходите! — заорал директор.

Делать нечего, пришлось открывать. Схватив двоих за уши, директор приказал мне следовать за ним, и таким макаром доставил нас в кабинет. Сначала он принюхался к Гие и так залепил ему, что тот закрутился волчком, потом заставил Заура открыть рот и, как клювом, залез в него своим длинным носом. Затрещина — и Заур отлетел к стене. Обшарил у обоих карманы и заставил выбросить проклятые окурки. У меня тоже было несколько, и я проклинал себя, что не догадался выкинуть их в коридоре. Выставив ребят, директор отправился за моей матерью. Прежде, чем он вернулся, я, улучив момент, быстро выгреб свой запас и высыпал на подоконник, под «цилиндр» Лаврента.

Вошла мама.

— Что натворил? — сверкнула на меня глазами.

Я потупился:

— В туалет зашел.

— Покажи карманы. — Директор почему-то не стал обнюхивать меня.

Я вывернул, и мама облегченно вздохнула.

— Если я узнаю или увижу... — директор не закончил угрозу. — Воняет, как от тех, да ладно, в таком дыму сидел...

Однако своей пощечины я не миновал: вечером ди-

ректор поднялся к нам домой — как я не сообразил, что он не оставит «цилиндр» в кабинете! — и, на тебе, нашел окурки и пожаловал к нам...

— Чтоб рука у него отсохла! — возмутилась бабушка.

А мама, поглядев на мою покрасневшую щеку, вцепилась мне по другой.

— Вы что, с ума посходили! — всполошилась бабушка. — Он больше не будет, не будешь больше, сынок?

В этом она вся — сколько раз драла меня за уши, словно в порядке вещей, но стоит кому-то прикоснуться ко мне, с ума сойдет.

Мама сидела, как на поминках, вздыхала, сердилась — мы стараемся, стараемся, а он легкие и желудок себе портит!

— Поклянись отцом, что больше не прикоснешься к этому зелью!

Я уже поклялся в душе, и теперь повторил:

— Пусть отец умрет, если прикоснусь!

— Если ты теперь закуришь, он сразу умрет, слышишь?.. Умрет!.. — мама затрясла меня и разревелась.

Бабушка с трудом успокоила ее.

Так завершилась история с окурками и директорским «цилиндром». Гие с Зауром пришлось снова «переселиться» в хлев, а я до сих пор верю, что с отцом что-то случится, если я прикоснусь к табаку...

В окно увидел Нико. Я знал, что он появится именно в эту минуту. Нагнулся, поправил шнурки полуботинок, достал папиросу... Мне показалось, что когда-то я уже наблюдал за этими движениями, а сейчас они повторились еще раз. Где, когда?

Со мной нередко случается такое — на уроках я заранее угадываю, кого вызовет учитель. Предчувствие длится несколько секунд и исчезает прежде, чем я успеваю удивиться.

Что произойдет, продлится оно дольше? Тогда перед моим домом выстроится целая очередь — скажи, дорогой, что нас ожидает в будущем. И я бы точно знал, когда вернется отец, днем или ночью, в снег или в слякоть, а, может быть, наоборот, в солнечную погоду, ко-

гда листва тополей затеплится под утренними лучами, и Цуга, щурясь, разляжется на солнцепеке...

— Если положить в пробирку кристаллический хлорид, то есть нашатырь... Вот так... Помогите мне, иди сюда, Тамрико... И подержать над спиртовкой, произойдет испарение — хлорид аммония разложится на хлористый водород и аммиак...

Учительница повернулась к доске и только начала выводить формулу, как пробирка разлетелась.

— С тобой ничего? — бросилась к перепуганной Тамрико не менее перепуганная химичка.

Постарела наша бедная Пепо, совсем выжила из ума, кто знает, что она насыпала в пробирку, хлорид аммония или что-то еще? Все обступили Тамрико, только я сидел, как прикованный, кровь отхлынула от лица... «Если бы глаз вышибло или... Никак не оставляет свои дурацкие опыты!»

На шум прибежал директор.

— Вам не следует больше работать, уважаемая Пепо... Когда мы не можем, мы сидим дома...

Наша учительница сжалась, как ребенок, ей было настолько неловко перед нами, что, казалось, она была бы рада провалиться сквозь землю.

Директор ушел. В классе воцарилась неловкая тишина.

Никогда на уроке химии мы не сидели так смиренно...

В марте пятьдесят третьего Лаврентий вынес из дому единственный в деревне радиоприемник. Со столба спустили провода, и на всю округу разнесся холодный, леденящий душу голос Левитана.

Окаменев, поникли мужчины, женщины утирали слезы. Небо как будто опустилось к земле и придавило людей, временами раздавались долгие вздохи и стонания.

Я не понимал, что вещает приемник с мигающим зеленым глазом, он словно врал и оттого не мог открыто смотреть на собравшихся. Не сводя зачарованных глаз с этого таинственного мерцания, я удивлялся, как в тонких проводах уместается такой громкий, вызывающий озноб голос, принадлежащий человеку, который находится где-то очень, очень далеко.

В школе местами протекает потолок, и Лаврентий должен был знать, что и над ним может закапать...

Вообще, я такой — не люблю откладывать ^{серьез-}ное дело. После уроков отозвал Георгия и поделился с ним своим замыслом.

— Обалдел?.. Узнает, в порошок нас сотрет! — испугался тот.

— Откуда?.. Не заслужил он?.. Меня с Тамрико рассорил? — Рассорил! Ругает нас? — Ругает! У детей мозги вышибает!

— Ладно-ладно, не причитай, как поп.

Тут я ему выдал такое, что он не смог отказать мне...

Пришли ко мне домой. На листке из альбома для рисования я написал черной тушью — «Долой мучителя Лаврента», а ниже — красным карандашом — «Свободу Пепо!..» Закончив с плакатом, мы поднялись на чердак, прихватив с собой корзину.

Наша Крутуна принесла пятерых котят (вы, конечно, догадались, что Крутуна — кошка). Бабушка велела мне спровадить их куда-нибудь, не превращать же дом в кошатник, но, пожалев котят, я перенес их на чердак. Они подросли, играют, возятся, мяукают, ласкают друг друга, прыгают на спину привольно разлегшейся счастливой матери. Вы посмотрели бы на них, когда они один за другим спускаются по лестнице, — однако стоит лишь увидеть Бабалэ, тем более с метлой в руках, стремглав несутся обратно, — или разгуливают по двору, наслаждаясь простором.

Только Крутуна имеет право зайти в дом. Лапаясь к ногам бабушки, умиленно поглядывает на хозяйку — что, дескать, тебе стоит впустить и мою ребятню.

«Марш отсюда!» — Бывая не в настроении, бабушка еще и поддаст ей, тогда Крутуна идет жаловаться ко мне: похолодало, замерзнут мои, зачем мне тогда жить.

Все напрасно, бабушка не внемлет нашим просьбам. Так и обосновались они на чердаке копошащейся кучей.

«Что ты задумал?» — поразилась Крутуна, когда мы посадили ее в корзину со всем выводком и собрались выпрыгнуть.

— Цыц, так нужно! — погрозил я.

Нико сел в машину к нашим гостям, и они уехали. Несчастный пришибленный Лаврентий застыл у ворот.

Как мне стало его жалко: видимо, здорово пропе- сочили. Если бы я знал, что сегодня приедут с проверкой из отдела просвещения! Другим тоже было не по себе. В конце концов, что особенного, посмеялись бы— и дело с концом.

Тина убирала со стола.

— Как поживаешь, пропадающая душа? Из школы идешь?

— Да, из школы.

— Садись, проголодался, наверное. Нико сейчас вернется, гостей провожает.

На столе — две пустые и одна начатая бутылка.

— Садись! — Тина освободила мне место.

— Я подожду.

— Ничего вроде не делала, а уже выдохлась, — Тина провела ладонью по опухшему лицу.

Мне хочется сказать, что всему виной та крошечная обезьянка, которая сидит у нее в животе, но вовремя прикусил язык. Хотя, что стесняться, все мы там находились.

— Нико рад?

— Чему?

— Что скоро будет папой.

Тина улыбнулась:

— Спроси у него, ему лучше знать... А вот и он...

— Уф! — вбежал Нико, потирая руки. — Ну и снегопад!.. Какой сюрприз! Чему приписать ваш визит, почтеннейший Давид?

— Он спрашивает, радуешься ты, что будешь отцом?

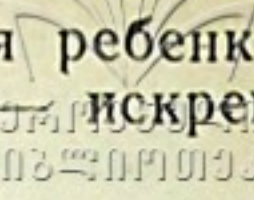
— Этот товарищ спрашивает? — пальцем показывает он на меня.

— Именно этот!

— Как тебе сказать, я очень рад, но если сей юноша в один прекрасный день...

— Откуда ты знаешь, может быть, будет девочка, — прервала его Тина.

— Неважно... Если он еще раз поставит школу в неудобное положение, я очень огорчусь и сделаю с ним такое...

— Зачем заранее грозить неродившемуся ребенку, может быть, он ничего такого не совершит, — искренне огорчилась Тина.

— Кому надо, тот догадается, о чем я говорю! — Нико строго посмотрел на меня.

«Ясно! Он все знает, но откуда?» — завертелось у меня в голове.

— Иди сюда, садись!

По моему лицу он заметил, как я переживаю, и голос его смягчился.

— Подойди, подойди!

— Вы что-то скрываете. — Тина поставила на стол сковородку жаренного с луком мяса.

— Выкладывай, не тушуйся!

— Ты что-то натворил? — задержалась Тина. — Скажи мне, Дато...

— По его мнению, ничего особенного, он только набил кошками директорский кабинет и...

— Постой, постой! — огорченная Тина прижала руки к груди. — Так сегодняшняя кутерьма...

— Героический поступок нашего гостя и его друга!

Я встал.

— Георгий раскололся?

— Садись!

— Нет, я пойду!

— Пойдешь, здесь все равно не останешься... Вчера я зашел к вам, и тетушка Бабалэ рассказала, что ты потащил кошек на прививку... Я хохотал, как ненормальный...

У меня отлегло от сердца — Георгий здесь ни при чем.

— Что же теперь будет? — нарушила молчание Тина.

— Если ограничатся выговором, директор может считать, что ему повезло, он и мысли не допускает, что над ним подшутили ученики, подозревает преподавателей, они, дескать, не переносят его и стараются избавиться... Зачем вы это сделали?

— Заслужил!

— Не заставляй меня думать, что ты совсем потерял совесть!

— Нико!

— погоди, Тина! — он встал, постоял у окна, но-
вернулся. — Может быть, скажешь, чего вы добива-
лись?

— Он обругал химичку на уроке, разве что не
матом, а в остальном...

— Это единственная причина?

— Нет, но...

Я снял с вешалки пальто.

Мне стало горько на душе.

Вчера было жалко учительницу, сегодня — Лав-
рентия, завтра... Мы то и дело попадаем в беспомощ-
ное, безвыходное положение, чаще всего не зная, отчего
и по чьей вине... Видимо, в каждом из нас сидит свой
черт, который только и ждет, как бы подвести нас под
монастырь.

Невольно и я оказался для Лаврентия в роли тако-
го черта. Я несколько раз прошелся мимо дома дирек-
тора, меня тянуло зайти к нему и все рассказать... Хотя,
что я скажу ему?..

— Бросить в тебя? — сжимая снежок, внук Лав-
рентия улыбается мне.

— Бросай, и мы с твоим дедом будем квиты! —
поднимаю руки.

В меня летит снежок.

Я сморщился, скрючился, словно от нестерпимой
боли. Малыш хихикает, чуть не приплясывая от востор-
га.

С ума сойти — если он в самом деле поверил, что
мне больно, то чему смеется, неужели такая радость
причинить боль другому?

Второй снежок попадает мне в спину...

Тамрико, отводя взгляд, будто не замечая, прохо-
дит мимо.

— погоди... погоди, говорю! — я поймал ее за ру-
кав.

— Чего тебе?

«В самом деле, что мне? А то, что сердце разрыва-
ется. Я хочу утонуть в ее зелено-голубых озерах, ис-
чезнуть, испустить дух на их дне... Есть ли у них дно?»

— Чего тебе? — повторила она и выдернула руку.

— Знаешь, завтра я уезжаю в Батуми, в мореход-
ное училище... — это не я, это кто-то другой несет та-
кую ахинею.

— Счастливого пути! — у нее дрожат губы.

Я сваливаю это на холод.

— Навсегда... Утром первым автобусом уезжаю.

Оставил ее. Ушел. Чуть не плачу. Сам поверил, что уезжаю, что свиделюсь в последний раз. И в самом деле, что можно знать об ушедшем в плавание, кто ответит, какая акула проглотит меня...

Дома я застал Жоржика — с рюмкой в руке он раскачивался на стуле.

— Кто это пришел, привет!.. Если не обидишься, я тебя поцелую... Вот так... Не ради выпивки, просто зашел на вас посмотреть... Присаживайся, собака, рядом... Не обиделся на собаку?.. И я — собака, и я... Собака, парень, славный зверь, верный, другую собаку до смерти не заест... Волк — вот несчастье, волк! Не щадят, грызут, с костями жрут друг друга... Ух, расплодился волки, сколько их расплодилось!.. Жизнь проходит, тетя Бабалэ, а волки воют и воют... Конца нет! Днем и ночью слышу, как зубами клацают, уши лопаются...

— Тебя кто-то обидел, а ты не говоришь... Иногда нужно прикинуться глухим, не внимать сердцу. Что поделаешь, всякое случается.

— Где оно, сердце, — хмыкнул Жоржик, — все высохло... Черепка от него не осталось. Сегодня пил у детиановских: ах, ты, каторжанин, обозвал меня наш продавец, эта пиявка болотная. Он руку порежет, у него не кровь, отравка течет, вот он какой, — Жоржик хлопнул рукой об руку. — Я собрался было врезать ему разок, чтоб заткнулся, но не хочу больше, хватит с меня, скольким я вламывал... Было бы из-за кого возвращаться туда, гори она огнем!

— А ты уходи от встреч с людьми, не унижай себя до застолий с ними.

— Ото всех не уйдешь... У, волки, я их!..

Рюмка опрокинулась, резко запахло водкой.

— Видать, я до кондиции наклюкался... Пойду, обрадую жену... Она все равно любит меня, — его пошатнуло. — Я себя ненавижу, а она любит... Ну, проводишь немножко? — он обнял меня. — Ты не обижаешься за собаку? Я тоже собака, понял? Жизнь посадила меня на короткую цепь, хотя иногда она и удлиняется немножко... Ну и будет... Хватит, возвращайся!

— Уж доведу до дому.

— Боишься, чтобы я не свалился? Не так плохи мои дела.

Снова повернулся ко мне:

— Ты не куришь, нет?.. Я их на столе, наверное, оставил, — он обшарил карманы. — Мой курит... Побить не побьешь, он уже человек, не могу, рука не поднимается, видел бы ты, как бьют взрослых, сильных мужиков, без жалости, кожа трескается. Не дай Бог тебе увидеть, ужасное зрелище. Ужасное — плачущий мужик... Да, папирос у тебя нет. У моего парня найдутся, потерплю до дому... О-о, этих волков...

Сапоги Жоржика впечатывают в снег два неровных следа.

Изрядно навалило, если так продолжится, к утру с полметра насыпет...

— Да-атоо!

«Как с того света!»

— Это ты, Нато? Заходи.

«Неужели она прислала?» — сердце екнуло от счастья.

— Пойдем ко мне.

— Зачем?

— Скорее, нас ждут!

— Кто ждет?

— Сегодня у меня день рождения, вот и... — Нато потупилась.

— Сходи, сынок, — вмещалась бабушка. — Сколько тебе?

— Шестнадцать.

— Дай Бог дожить до ста лет! — пожелала бабушка и ушла в другую комнату.

— Как я пойду, мне собратся надо, — у меня опять чм зашел за разум.

— Ты правда уезжаешь?.. А бабушка как же?..

— Ничего не поделаешь, надо!

— И Тамрико не жалко?

— По-моему, для нее будет лучше, если я уеду отсюда.

— «Лучше»... Ты об этом у меня спроси...

О, как встрепенулось сердце!

— На, надень эту рубашку, она тебе к лицу... А

— Шагай, шагай, не споткнись! — он снова поблел.

Георгий не подозревает, что Иванэ в курсе его сердечных дел.

Нато провела нас, в комнате были все наши, кроме одного, ее двоюродного брата, приехавшего из города. Да какой он чужой, каждое лето проводит у нас. В этом году поступил в институт. Он разговаривал с Тамрико — в моду опять входит чарльстон, потрясная штука, я видел, как ребята танцевали в ресторане, если хочешь, научу...

«Дает понять, что ходит в рестораны... А она заглядывает ему в глаза!»

— Здравствуй, Темо!

— Я так увлекся, что... Как дела?

— У него все прекрасно, завтра уезжает в Батуми, собирается стать моряком, — доложила Тамрико.

— Не надо за меня говорить!

— Не хочется, чтобы ты лишний раз утомлял себя перед дальней поездкой.

Она из кожи лезла, чтобы казаться насмешливой, нижняя губа у нее снова дрожит, хотя в комнате совсем не холодно.

— О-о! — потирает руки Темо. — Море — мечта моего детства, но ничего не поделаешь, нашими желаниями распоряжаются родители.

— Хорошо быть студентом?

— Чудесно... Когда ректор впервые вручил мне студбилет...

— Еще не сели? — вошел Гогия. — Ты, Темо, — во главу стола!

Темо не заставил себя упрашивать, благосклонно улыбаясь, подхватил Тамрико под локоть и повел с собой.

От злости у меня потемнело в глазах.

— Итак, я продолжаю, когда ректор вручил мне студбилет...

«Каким соловьем заливаются, мне бы так...»

Некоторое время он что-то щебетал ей на ухо, наверняка, по-прежнему о студбилете, а затем взялся за тосты, да как взялся!

Сначала — за Нато: она, дескать, его сестра, и кто посмеет отнестись к ней, не как к сестре...

«Тебе угрожает!» — толкнул я плечом Георгия и бросил вслух:

— Если все станут относиться к ней, как к сестре, она никогда замуж не выйдет!

На меня закосились со всех сторон — не прерывай, мол!

Потом пили за родителей именинницы, Темо распорядился пригласить Гогия и Нуцу, и завел такую волюнку, что Гогия, прильнувший к плечу жены, успел даже вздремнуть...

Я не понимаю — у нас застолье или урок физкультуры? При каждом тосте Темо поднимал нас, и мы стояли навытяжку. Меня подмывало спросить — только у студентов так заведено, или весь город подобным образом тренируется на пирушках.

— Есть много заветных тостов, но моя родина, моя Грузия... Клянусь матерью: если бы вы знали, как я люблю родину. «Родину, грудь материнскую, не променять ни на что!..» Если бы Важа Пшавела сказал одни эти слова...

Наклюкался и поглупел бесповоротно.

— Почему же, «Лес оделся листвой» тоже неплохое стихотворение! — я едва сдерживал смех.

Тамрико искоса взглянула на Темо и подавила улыбку. Другие запрыскали.

Тамада покрылся румянцем — понял, что попал впросак.

— Дато, не цепляйся к словам, ты, может быть, не знаешь, но это называется фраерством... Так вот, я предлагаю — за Важа Пшавела... На экзамене мне попалась поэма «Бахтриони»...

— Ты собирался — за родину! — возразила Тамрико.

— Родина подождет! — промяукала Нелли, дочка Кола-Ворчуна.

— Мне надоело ждать, хочу сесть! — заскрипел стулом Георгий.

— Дайте человеку высказаться, — подлил масла в огонь Ило.

— Темо, помнишь, как ты привязал динамит к хвосту кошки и как он чуть не рванул под юбкой тариановской бабки? — напомнил я.

— А-а, было дело, — хохотнул Темо, — бедная

бабка вскочила, кошка — за ней, потом — на дерево, тут и бабахнуло...

У Тамрико сделалось точно такое же лицо, как после нашей размолвки в лесу, потом она брезгливо скривила губы, и я почувствовал, что все потуги студента поволочиться и пустить пыль в глаза пошли прахом.

Но я все равно выходил из себя, кипя негодованием — уж не вообразила ли она, что я в самом деле еду в Батуми?!

Тамада пожелал выйти. Мы с Георгием тоже поднялись проводить гостя и сами прогуляться до ветру.

Троица на веранде налилась маковым цветом, один Иванэ выглядел сравнительно трезвым.

Скрипя снегом, зашли за дом и пристроились к плетню.

— Какая Тамрико стала! — сказал Темо.

У меня перехватило дыхание.

— Такой лилейной кожи я еще в глаза не видел, а фигурка, ножки! — ухмыльнулся он. — Я кое-что смыслю в этих делах...

— Заткнись, у нее есть парень.

— Кто тут достоин ее?.. Уф, если ее раздеть...

— Заткнись, говорю! — цыкнул Георгий.

— А, это ты ее парень? Прошу прощения...

Что сковало меня, я дрожал так, что зуб на зуб не попадал, и удивлялся, почему я не убиваю его на месте.

«Что, что он сказал?» — я никак не мог собраться с мыслями, голову обдавало жаром, казалось, она вот-вот взорвется, как тот динамит.

А тамада тем временем вознамерился ударить Георгия головой. Тот ловким приемом бросил его на землю, как куль... Машинально я поддержал падающего Темо, и он шлепнулся довольно мягко.

— Перестань, он — наш гость!

— Пусть и ведет себя, как гость! — Георгий потянулся к нему, но я не пустил.

— Вдвоем, да? Орлы! — процедил Темо, направляясь к дому, и уже с лестницы прокричал нам. — Посмотрим, кто будет ее парнем!

— Не было печали! — растопырил руки Георгий. — Пошли.

— Нет, вызови Тамрико на пару слов.

— Он подумает, что ты сдрейфил.

— Тоже верно... В таком случае — пойдём.

«Действительно, с какой стати нам смываться, в чем мы провинились? Если не умеет, пусть не пьет, никто его не заставляет... Но почему я ему все спустил?.. Он еще и дуется... Дуйся, дуйся!..»

— Ило, смени иголку, пластинку запорешь, это ведь Гарри Белафонте!.. Танцуйте, смотрите, как просто.

Он раскорячился так, что мне стало стыдно за него. Все стали подражать ему, только мы с Георгием сидели надутые, угрюмые, туча тучей.

— Вставайте! — умоляла нас покрасневшая Нато.

— Ило, поставь сначала! — Темо потянулся к выключателю.

Комната погрузилась в темноту, постепенно обозначились подсиненные снегом окна.

— Зажги! — закричали девчонки, замельтешили тени, звук пощечины подбросил меня. Он был смачным и отрывистым. Все замерли, потом снова смешались... Вспыхнул свет. Темо украдкой провел по щеке ладонью. Я взглянул на пылающую Тамрико, и меня будто кубарем пустили под откос — заклебился снег, облепил, спеленал, забил рот и нос... Еще миг, и я задохнусь...

Кто-то выкручивал мою руку, сжимающую вилку, и первое, что я увидел, были вытаращенные от страха глаза забившегося в угол Темо. Осколки пластинки, будто вороньи крылья, валялись на полу.

— Пойдем, прошу тебя, пойдём! — не слыша голоса, по движению губ догадался, о чем просила Тамрико.

Гогия, Кола и Иванэ не могли понять, что у нас произошло.

— Оденься, Дато! — тетьа Нуца накинула на меня пальто, голос ее дрожал.

— Я не виноват...

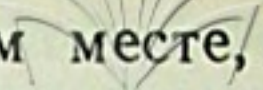
— Я понимаю, мальчик, понимаю... Он такой пакостник неуживчивый, чтоб ему пропасть...

Гогия бросил вилку на стол:

— Ты не успокоишься, пока не угодишь в тюрьму, как твой отец!

«Тсс!» — метнулась к нему жена.
 — Что вы за люди, никак не пойму, — не унимает-ся Гогия, отмахиваясь от нее
 — Не надо так говорить, Гоги... Пойдем! — обнял его Иванэ.
 Я сбежал по лестнице и вышел во двор.
 — Пстой, мне не догнать тебя! — слышалось сзади.
 Я ускорил шаг, а потом и вовсе побежал.
 «Остановись, осел, остановись!.. Если бросишь ее, не переговорив, ночью лопнешь от злости, как перезревшая тыква», — резонировал я самого себя и — редкий случай — внял собственному совету.
 Позади никого не было видно.
 «Куда она вдруг исчезла?» — я бегом припустил назад.
 Она сидела в снегу и плакала.
 — Вставай!
 — Не хочу!
 — Замерзнешь!
 — Ну и пусть!.. Что тебе понадобилось в Батуми?
 — А ты повисла на Темо!
 — Хотела позлить тебя. Что тебе в Батуми?
 — Я наврал, никуда я не еду... Вставай, куда твой парень уедет? — прослезился я. — Пстой, отряхну... За что ты ударила его?
 — Чтобы руки не распускал.
 — Зачем пошла с ним?
 — Говорю, хотела тебя позлить!
 — Теперь довольна? Позлила?
 — Больше не буду, ты такой бешеный...
 — Что могу угодить в тюрьму, да? — с горечью вспомнил я слова Гогия.
 — Обиделся?
 — Нет, больно. Как ножом ткнули. Жить не хочется. Как только такие люди существуют...
 У Тамрико теплая шея. К моей щеке холодной точкой прикоснулась сережка.
 — Когда проколола?
 — Несколько дней назад... Идут мне?
 — Дырявые уши?
 — Ха-ха-ха... Сережки. Бабушка подарила.
 — Я тебе лучше куплю.

извиняющаяся, что выросла в таком неудобном месте, но это не ее вина.

Ни овца, ни свинья не оставляют ее в покое, сколько раз обгладывали ствол; мыльная вода, которую мы выплескивали в канавку, тоже течет под ее корни, однако она все одолела, прижилась, поднялась, в прошлом году дала первые редкие плоды, а в нынешнем расщедрилась на радость птицам.

И в прошлом декабре она выглядела так же, и я так же смотрел на нее. Потом запустил снежком, с размаху, изо всей силы, как обычно обстреливаем девчонок.

Может быть, я с той поры не сходил с места? Может быть, не было ни весны, ни лета, ни осени, год стремительно миновал три времени года, сводя зиму с зимой. Или все было неприятным сном, я, стоя, вздремнул на миг, и мне все приснилось; в таком случае, мне предстоит проснуться, услышать за спиной стук и увидеть в тускло освещенном окне мамино лицо — она манит меня указательным пальцем, а лик ее за запотевшим стеклом туманится и тускнеет.

«Зачем она звала меня?.. Дай Бог памяти... Наверное, по каким-то пустякам, иначе я вспомнил бы».

«Гм, пустяки», — какое бессмысленное слово, особенно, когда пытаешься восстановить мамины движения, слова, жесты...

«Зовешь?»

«Зайди, озябнешь».

«А вишня останется одна?.. Заберем ее в дом».

«Она не пойдет».

«А если попросить хорошенько?».

«Не трогай, развеешь ее мечты, а ей есть о чем помечтать».

«Ее мечты потом сбудутся?».

«Весной, как оденется она белыми цветами, можешь считать, что они сбылись...».

Мама моя, ухватившись за спинку кровати, сжавшись, вся в поту, с искаженным лицом, умоляла облегчить ее страдания — те минуты терзают меня, нейдут из памяти, хватают за горло, душат...

Чем я мог помочь ей — смотрел, как сторонний наблюдатель, и грыз ногти. По коже будто возили железной теркой, сдирая ее. Может быть, лучше родиться

Тина, подложив под голову несколько подушек, полусидела на кровати.

— Получше простирай воротник... Какой ты неуме-ха, что с тобой будет!.. Подойди ко мне, — она пома-нила меня.

Я подошел.

— Наклонись, — Тина поцеловала меня в щеку и показала на газету. — Видел?

— Да, но я не посылал.

— Об этом у Нико поинтересуйся.

— Забыл, как одалживал мне тетрадь со своими стихами? В редакции у меня работает друг. Я пока-зал ему, твои стихи понравились, он выбрал эти три. Сказал, что напечатал бы и остальные, но они очень грустные и для газеты не подходят.

— А мне ничего не сказал.

— Существует слово «сюрприз», что значит нео-жиданная радость или подарок, вот тебе мой сюрприз.

— А он может быть неприятным?

— Нет, сюрпризы приносят только радость, — за-смеялся Нико, — ты же убедился в этом!

Как непостоянна эта радость — вчера я чуть на голове не ходил, а сейчас...

— Что с тобой?

— Мне даже нечем отблагодарить вас, все прини-маю как должное...

— Человек человеку всегда был и будет должен...

— Не все так думают.

— И мы — не все.

— Прополосни еще раз, мылом будет пахнуть. Да-то, открой окно, воздуху не хватает, — Тина тяжело дышала.

В комнате сразу стало холодно.

Нико повесил рубашку и сел рядом с женой.

— Чем тебе помочь?

— Дай кардиамин... Можно и валерианки... Шест-надцать капель...

— Говорил, отвезу, не послушалась.

— До утра как-нибудь дотерплю... Почему раньше времени начались боли?.. Ты знаешь... — она зашепта-ла что-то на ухо Нико.

— Не своди меня с ума! — огорчился тот.

Я пошел домой, Нико следовал за мной по пятам.

Бабушка с Като отправились к Тине, а мы с Нико завернули к председательскому шоферу. «Газик» находился во дворе, но толку от него было мало, жена шофера сказала, что тот мертвецки пьян и привести его в божеский вид нечего и думать.

— Что делать? — Нико ломал от волнения пальцы.

Мне стало жаль его, такой богатырь, а дрожит, как осиновый лист.

В деревне было еще две машины — «Победа» коротышки Шуры и «Москвич» отца Тамрико.

Зашли к Шуре.

Шура покрутил носом, — барахлит моя тачка, как бы в пути не застряла, но отказать не отказал.

Машина не заводилась, пришлось толкать ее, пока мотор не заработал.

Тина должна была встретить нас готовой, но...

— Не берите ее, может родить в дороге... Езжайте в Ахалсопели, везите доктора Пидо... Не волнуйся, мы приглядим за ней, в наше время вообще не знали врачей... С Богом, нечего тянуть! — Като достала чистую простыню и повесила над кроватью.

Тина, затаив от боли дыхание, проводила нас таким отчаянным взглядом, что у меня подкосились ноги...

Шура оказался прав, чуть ли не всю дорогу пришлось толкать «Победу» руками, насилу добрались до Ахалсопели.

Пока Нико с Шурой искали врача, я разбудил дядю, и обратно мы помчались на его машине.

Врача посадили впереди. Поставив баул между ног, он сердито повернулся к нам:

— Вы — культурные люди, как же довели до такого? Она сама врач, что прикажете требовать от неграмотных?

— Ждали к Новому году, вот и не спешили.

— Тяжелого не поднимала?

— Нет, внезапно...

— Ц-ц-ц, — покачал головой врач, — если начнется кровотечение или что-нибудь еще... И ее погубите и меня...

Он ворчал всю дорогу, его упреки убивали и без

того не находящего себе места Нико, но приходилось терпеть.

Оставив машину у ворот, мы двинулись следом за врачом.

— Вовремя подоспели, — встретил нас Арчил. — Здравствуй, Пидо! Ну-ка, где у тебя ухо? — обнял он Нико.

— Уже? — еле выдохнул тот.

— С полчаса назад... Он так заверещал, чуть мой дом не рухнул, — пошутил Арчил.

Врач поднялся в дом. Нико, как загнанный, опустился на скамейку:

— Значит, мальчик?

— Стал бы я тебя за уши тянуть, если бы не так!..

— Боже мой! — Нико уткнулся лицом в ладони.

— На, оповести мир! — Арчил протянул ему одностволку.

— Я никогда не стрелял.

— Ничего мудреного нет, прижми покрепче приклад и спускай курок...

Грохот разорвал тишину. Всполошились собаки, вздрогнула, протерла глаза предающаяся зимней дреме деревня...

— Снова пришел в этот мир Папуна Беришвили.

— Кто такой Папуна? — спросил дядя.

— Мой отец!

— Добро ему пожаловать! — Арчил держал в руках кувшин с вином и стаканы.

* * *

Все закончилось благополучно. Пятого января Нико отвез Тину с Папуной в город, вернулся к старому Новому году, такой смешной: блестя глазами, приставал ко всем — неужели из такого комочка вырастет человек...

Восемнадцатого января дядя привез ограду и два пакета цемента.

А двадцатого... Двадцатого вернулся мой отец.

Я шел в школу.

В автобусе сидел одинокий пассажир. На нем была телогрейка, в руках — сумка и старый, ободранный

фанерный чемодан. Сойдя на землю, он поставил сумку и нервно пригладил поседевшие волосы.

Вышедшая со двора Като столкнулась с ним лицом к лицу. Некоторое время вглядывалась в него, потом обняла. Я подумал, что к ним приехал гость, но незнакомец двинулся мне навстречу.

Мы обменялись взглядами и разошлись.

— Кето, пригляди за ребенком, я — к Бабалэ, ее сын вернулся! — донесся до меня голос Като.

«О ком она?.. Никакой Бабалэ у нас больше нет... Неужели?» — от волнения пересохло в горле. Я смотрю на уходящего «сына Бабалэ», хочу припустить за ним, но не могу сдвинуться с места.

Като торопливо вышла со двора.

— Да, мальчик мой, ты все на дорогу смотрел, вот он и приехал... Идем, что ты стоишь?

Отбросив сумку в сторону, я кинулся за отцом.

«Что я скажу ему?»

«О чем?»

«О тебе; где она, спросит он, где?.. Эх, мама, потерпела бы немножко; что тебе стоило?!»

Я остановился, будто налетев на стену, голова кружилась. Нет, я не могу слышать, как заголосит бабушка, не могу видеть, как встретит отец весть о смерти мамы.

Я сорвался с места. Так, наверное, бегут из охваченного огнем дома — безотчетно, бессмысленно, только бы спастись.

— Мама, папа вернулся, мама! — я упал на колени возле могилы и стал ласкать осевший холмик. — У меня язык не поворачивается сказать ему, что тебя нет... Я не решился первым встретить его... Но ты же знаешь, как я ждал этой минуты...

На кладбище свистел холодный, пронзительный ветер, лепил снегом в мокрое лицо, слепящая белизна затопила горы и доли. В такие минуты человек согревается мечтой, но мечта распахнула свои радужные крылья и умчалась прочь — в сегодняшнем дне не было ничего от годами воображаемой встречи. Действительность, как видно, более сурова, безжалостна и горька, а мечта — спектакль, где все происходит по твоему замыслу.

Они напоминают друг друга, как молодость и старость.

Отец спал.

— Как он изменился, насилу узнала! — прослезилась бабушка, накрывая холстиной тесто для хачапури.

За приоткрытой дверью дышал мой отец.

«Как он уснул, не повидавшись со мной?..»

Вечером собрались все, кто узнал и имел право переступить порог нашего дома. Приехал и дедушка, кто-то сообщил ему.

— Как ты поседел, парень! — вырвалось у него.

Отец почти ничего не ел, только пил и курил. Он быстро опьянел. Бабушка не садилась, молча стояла за его спиной.

В полночь гости разошлись.

— Подай-ка! — отец указал на чемодан, стоящий в углу. — Ты недавно спрашивала, чем я собираюсь заниматься, — он откинул крышку, — что тебе ответить?.. Пригодилось мне отцовское ремесло, плотничал там... Немного скопил... Ехал через Москву, зашел в универмаг, когда покупал это, — отец вытащил черное, ворсистое женское пальто, расстелил на столе, поставил на него белые лакированные туфли на высоких каблуках, — тогда знал, что надо делать... До каких пор судьба будет потешаться надо мной — на покойницу приобретал. Скажи, кого мне нарядить?!

Он завернул туфли в пальто, сгреб сверток под мышку и вытащил из-под кровати топор.

— Ты что собираешься делать? — встала перед ним бабушка.

— Пусти меня, мама!

Хлопнула дверь.

Из окна я видел, с каким ожесточением махал он топором. Каждый удар был по мне, зажав уши, я бросился в другую комнату, но и там настигли меня глухие удары топора.

— Не могу больше! — закричал я, пряча голову под подушку.

Все стихло.

Когда, сбросив подушку, сел на кровати, увидел отца... Нет, не отца, это был кто-то чужой. Ко мне приблизился старик, опустился на колени и уткнулся пот-

ным лицом в мои ноги. По дрожанию спины я понял, что он плачет, но вместо жалости меня охватила тоска, многолетняя мечта, что возвращение отца принесет счастье, оказалась обманчивой.

Я одеревенел, у меня не нашлось ни слова сочувствия, и, пока он не встал, я сидел, глядя в сторону.

— Не понял ты... Так я и знал — десять лет немалый срок...

Я не вышел из комнаты, забрался в кровать и думал о том, что до возвращения отца был более счастливым.

«Лежали бы себе, кому мешали эти туфли и пальто!»

Я любил фотографию улыбающегося отца за стеклом створки шкафа, молодого, сильного, доброго, без морщин, с черными, как вороново крыло, волосами. Он ушел, ушел и не показывался, а под его именем и фамилией к нам заявился чужой человек.

Я старался оправдать выходку отца, но забыть о его поступке не было сил, лоскутья пальто обвивались вокруг шеи и душили.

Вошла бабушка:

— Спишь?

Я не ответил.

— Нечего притворяться спящим!.. Пожалеть его надо, в душу заглянуть.

— Зачем он все изрубил, — вскинулся я. — Все равно, что маму бил...

— Тсс... Тише говори! Ты еще ребенок, мужского горя тебе не понять.

— Куда там!

— Мне удивительно, как он с ума не сошел. Промытарился десять лет, вернулся, а вместо живого человека ему показывают могилу.

— А кто виноват? Не убивал бы Никола, и мама по сей день жила бы! — вне себя крикнул я.

— Хороши мои дела, если и ты так думаешь! — сложив руки на груди, отец оперся о стену.

Сам не понимая, каким образом оказался в лагере отцовских врагов, я тем не менее уже не мог закрыть рот, продолжал гнуть свое и доказывать, что в нашей стране никого не сажают напрасно.

— Что ты понимаешь, сопляк, что ты видел в жизни? — трясясь, двинулся он на меня.

«Если ударит... Если ударит — удавлюсь!» — одна мысль сверлила в мозгу.

Бабушка опешила, не соображая, что происходит.

— Молодцы, прекрасная встреча сына с отцом! — влетел дедушка.

Отец опомнился, руки его опустились и бессильно повисли.

— Зачем ты это сделал? — снова завелся я. — Она каждую неделю чистила твою одежду, чтобы не запылилась, чтобы моль не побила... Читала твои письма...

— Замолчи! Не своди меня с ума! Замолчи! — отец вцепился себе в волосы.

* * *

— Вставай! — тербит меня бабушка.

— Он проснулся?

— До свету ушли с дедом.

— Куда?

— Не знаю... Вставай, вчера собака подохла.

— Что ты! — я схватился за одежду.

— Пусть заберет с собой твои беды!.. Оттащи за овраг, после уроков закопаешь...

Цуга уже окоченел. «Что с тобой приключилось, бедняга?.. Не держи тебя на привязи, может быть, еще бы пожил», — уложив его на санки, я вынес из сарайчика лопату и кирку.

— Цепь сними.

— Пусть при нем останется.

— Я больше твоего жалею Цугу... Сними.

Я швырнул спутанную цепь в конуру.

— Не успеешь, потом, говорю, зароешь.

— Сегодня не пойду в школу.

— Рехнусь я от вас! — рассерженная бабушка скрылась в доме.

Насилу справился с мерзлой землей.

«Твоя жизнь закончилась, а время идет по-старому... Не огорчайся, если вся деревня разом сыграет в ящик, оно все равно не остановится... Никто, кроме меня, не знает, какой ты был умный и преданный, как охранял, чтобы никто не обидел меня...»

Я утрамбовал землю и понуро поплелся обратно.

В школу, естественно, опоздал. Вернулся домой, вымыл руки, разделся и снова лег. Глаза слипались, но не спалось, давно не лежал так, без единой мысли в голове, слыша только тягучее пение проводов и далекий шум тракторов.

«Куда шагает через поле шеренга столбов? Куда приведут они, если пойти за ними?» — думалось в детстве, и на свежей пахоте, словно отражение небес, сгущался темно-фиолетовый цвет, маня затеряться в сказочном мареве.

Сбросив сандалии, я босиком бегал по пашне, но фиолетовый цвет пропадал, ускользая дальше и дальше... Наконец я догадался, что его можно видеть только издали, что земля всюду черна, а фиолетовой она прикидывается, чтобы обмануть меня...

— Поешь...

— Не могу, в горло не лезет.

— Болит что-нибудь?

— Не знаю, может, и болит...

— Несколько ложек...

— Не уговаривай, — я отвернулся к стене и натянул на голову одеяло.

Вечером бабушка привела Нико.

— Весь день лежит, уставился в одну точку, куска в рот не взял... А тот тоже, собрался и уехал. Нико, дорогой, скажи мне, время сейчас провередничать?

— Что с тобой? — Нико пододвинул стул.

— Бабушка уже все вам доложила.

— От тебя хотелось бы услышать.

— Мне нечего добавить.

— Совсем нечего?

— Совсем.

— Тогда послушай меня... Чтобы уничтожить человека, существует множество способов — пуля, нож, яд, камень... Но есть один самый жестокий, бьющий прямо в сердце... К сожалению, уголовным кодексом не предусмотрено наказание за такое, я бы сказал, самое тяжкое убийство...

Я пожал плечами, будто не понимая, на что он намекает.

— Вспомни «Раненного языком» Сулхана-Саба Орбелиани. Да, это страшное оружие ты повернул против того, кто больше всех нуждался в твоей поддержке. Ко-

гда он все крушил, ты должен был остановить его, объяснить, что этим он причиняет тебе боль, что лучше сохранить вещи в память о маме... А вместо этого ты налетел на него, не щадя, возвел напраслину, в которую сам не веришь...

Нико говорил долго, но я ничего больше не слышал, понимая только одно, что я очень, очень несчастен.

Прошло две недели.

Беда по углам не хоронится, от деревни ничего не утаишь, что на ум взбредет, то и мелют. Пустили слух, что отец обзавелся новой семьей, собирался привезти ее, из-за этого и разгорелся у нас сыр-бор.

Людям только дай повод, сразу узнаешь, с костями языки или нет...

Все напустились на меня — и Иванэ, и Жоржик, и учитель Арчил, даже Лаврентий, воспылав праведным гневом, битый час держал меня в учительской — способность соболезновать, уступать и прощать — лучшее украшение благовоспитанного человека... То, это... Короче, лавина покатилаь.

«Почему ты ничего не говоришь?»

«Что тебе сказать?»

«Не веришь в мою правоту?»

«Он тоже прав».

«Я не люблю его!»

«Он твой отец!»

«Мой отец не вернулся!»

«А примчался со счастливой вестью».

«Ошибся, я думал, что это он».

«В тебе говорит упрямство, загляни в собственную душу».

«Я только это и делаю... Знаешь, какое красивое было пальто? Ты была бы в нем, как королева...»

Мама молчала.

Я один. Смеркается. Бессмысленно брожу из комнаты в комнату.

В середине дня приехал дядя. «Накорми скотину!» — говорит бабушка, и они уезжают к отцу.

«Интересно, он приедет с ними?»

Я вытащил забытый с той ночи чемодан, выложил старую и новую одежду. Под постланной на дне газе-

той оказывается большая, желтая записная книжка... Адреса — по-русски и по-грузински... Слипшиеся пятнистые страницы пахнут плесенью и еще чем-то неприятным.

В книжке — неотправленное письмо.

«...сегодня девять лет, как я не видел вас... Знаменательная дата... Трубочист храпит во сне, помните, я и раньше писал о нем, веселый парень, целыми днями насвистывает, будто не он, а кто-то другой убил жену — застал с любовником и обоим раскроил головы топором... Любовник, говорят, выжил... Это еще пустяки, тут такого наслушаешься — волосы дыбом становятся...

Из старожилков остались только мы вдвоем, остальных разбросали кого куда. Мне — год, а ему обрести себя здесь еще пять лет...

Третий месяц работаем в лесу, заготавливаем бревна, по весне, как вскрыется река, их заберут пароходы.

Ходим через единственную тут деревню, жители испуганно таращатся на нас. Их нельзя упрекать — заключенные есть заключенные, на всех одно клеймо преступника, а в душу... В душу никто не заглядывает...

В деревне останавливаться не разрешают, маршируем по ней, а дальше топаем лесом.

Проходя вчера, увидел мальчика, он счищал снег с крыши. «Ать-два, ать-два», — кричал он, потом замахнулся на нас лопатой, поскользнулся и поехал по скату.

«Ох, сынок!» — я выскочил из строя, перепрыгнул через забор, конвоир выстрелил в воздух, думая, что я собрался бежать... Куда отсюда убежишь?

Мальчик, подвернув руку, лежал ничком. Я сбросил рукавицы, смахнул снег с его лица, растер уши, он открыл глаза, заикал, прижался ко мне и заплакал.

Мне чудилось, что у меня на руках Дато, я едва с душой не распрощался. Выскочили его родители, но я не отдал, сам поднял на крыльцо и занес в дом...

В комнате была чистота, на окнах — белые, кисейные занавески. На кровати — цветастое вышитое покрывало, на нем — взбитые подушки. Вкусно пахло горячим обедом, запах прямо шибал в нос.

Впервые за девять лет я ощутил семейное тепло, и мной овладела жадность дикаря, словно сюда ворвался зверь, которому домашнее тепло напоминало, что когда-то и он был человеком. Как мне хотелось тарелку горя-

чего супа, я ощущал, как щеки обдает его паром, но, увы, не имел права даже дышать воздухом чужой, незнакомой семьи.

Родители проводили меня благодарными ^{взгляда-}ми, тайком от конвойного, который суматошно влетел в комнату и схватил меня за руку, сунули что-то в карман.

Заключенные стояли у забора, завидуя даже той малости, что я на миг оказался в доме, в котором не жесткие вонючие нары, а мягкая постель с теплыми подушками, а на них — белоснежные глаженные наволочки...

Мы тронулись, а я не замечал, что у меня текут слезы.

— Чего плачешь? — спросил Трубочист.

— Что-то попало в глаз, — изобразив улыбку, я похлопал по карману.

В лесу мы посмотрели — они снабдили меня салом и ломтем хлеба. Поделив пополам, съели втихаря, словно ворованное.

— Еще бы граммов по двести, был бы у нас царский пир, — облизал пальцы Трубочист.

— Не помешало бы, — согласился я.

Еда, однако, не пошла впрок, я, видимо, отвык от жирной пищи, меня вырвало.

Трубочист спит себе спокойно, со счастливым лицом, будто нежится в той постели.

И я посплю, во сне время проходит незаметно... Не просыпался бы до окончания срока...»

На этом письмо обрывалось, отец, видимо, раздумал посылать его и не стал писать дальше. Я положил записную книжку обратно под газету и закрыл чемодан.

Горестно обвел взглядом комнату — на постели лежали белые «взбитые подушки». Сердце будто стиснули пальцами, я опустился перед чемоданом на колени.

Потом, неловко поднявшись, выпил воды и вышел из дому. Вздогнул, увидев сложенную у сарайчика ограду. Что-то берущее за душу было в этой груде обыкновенного, запорошенного снегом железа.

«Если бы Цуга не умер, я сейчас не был бы так одинок».

Сам не понимаю, как я очутился во дворе Артемы. Брат Тамрико сбежал с крыльца:

— Что тебе?

— Позови ее.

— Уходи, а то спущу! — он взялся за ошейник репой овчарки.

— Задание надо списать.

— Она уже легла.

— Врешь.

— Не подходи, разорвет, — он осадил собаку.

— Пусть, тебе-то что?

Когда я сел перед ней на корточки и погладил по загривку, овчарка остолбенела, гавкнула на меня разок, потом завилыла хвостом и, скуля, положила морду мне на колени.

— Э-э-э! — чуть не спятил ее хозяин. Он даже глаза протер, не обманывает ли его зрение.

— Матерью заклинаю, позови!

Он без звука пошел к дому. На полпути оглянулся, поглядел на нас и, пожимая плечами, поднялся на крыльцо.

Скоро они вышли вдвоем.

— Вот вруша, сказал, что Нато зовет, — шутя упрекнула Тамрико брата. — Ты что дрожишь, замерз?

— Не знаю, мне кажется, до утра не дотяну... Пойдем ко мне.

— Что ты?!

— Я один... На минутку...

Пока Тамрико читала письмо отца, я, закрыв глаза, неподвижно сидел на стуле. На душе становилось легче, я ощущал прилив решимости, необходимой для того, чтобы попросить у отца прощения.

— У него почерк, как у тебя, — задумчивое лицо Тамрико на миг озарила улыбка. — И плакать хочется, и радостно... Я представляла его совсем другим...

«Не ты представляла, тебе внушили», — хотелось сказать мне, но я промолчал, понимая, что сделаю ей больно.

Долго, безмолвно смотрели мы друг на друга, и я думал, что мы с ней — зазимовавшие птицы, зябко нахохлившись на гудящем телеграфном проводе и терпеливо ждущие, когда погребенная под снегом весна взломает лед.

Как тянется, как долго это тянется, но всему при-

ходит конец, и не может быть, чтобы наше ожидание не имело предела. Проведут первые борозды, пашня снова подернется фиолетовым, и тогда...

На следующий день, придя из школы, застал вернувшуюся бабушку.

— Не поехал?

— Поехал!

— Где он?

— Уложил вещи и отправился в город. Начну, говорит, работать и все буду посылать вам.

Я еле удержался на ногах.

* * *

В средних числах марта потеплело, дороги развезло. От отца между тем не было никаких вестей.

«Приедет, надолго его не хватит», — успокаивала меня бабушка, но я замечал, что она переживает не меньше моего.

Нико отвез бронзового коня в музей. Там поднялся целый переполох — необходимы раскопки, выделим экспедицию и летом возьмемся за вашу крепость.

Об учителе Арчиле даже напечатали статью. Интересно, читал ее рябой?..

Наконец-то мы огородили могилу, обиходили, я сколотил деревянную скамеечку.

Вчера Жоржик принес трехкилограммовую банку белой краски. Сначала я выкрасил ограду один раз, а как подсохло, прошелся по второму.

К полудню закончил.

И погода на славу — сразу зазеленело, персики с вишнями прямо с ума сошли.

У опушки набрал фиалок, поставил в разбитую склянку и подвинул маме.

«Аи иа...¹ Где у нас буква «и»?.. Правильно... Я очень люблю запах фиалок».

«Еще какие цветы любишь?»

«Еще я люблю тебя!»

«Я же не цветок...»

«Самый настоящий цветок... Напиши еще строчку и беги играть».

¹ «Вот фиалка»... — этими словами начинается грузинский букварь.

«Не хочу!»

«Давай навсегда забудем это слово».

Сколько минуло с той поры, а я первый раз дарю ей фиалки, когда она уже не увидит их и не почувствует, как они пахнут.

Сзади упала тень. Я напрягся, не смея обернуться и догадываясь, кто это.

К плечу прикасается рука.

— Дато, сынок!

Да, это он, оставшийся в памяти голос.

Я лепечу что-то невнятное, ощущая себя маленьким и беспомощным, как тогда, десять лет назад, когда он обещал мне, больному корью, вернуться вечерним автобусом.

— Ты колючий!

— Не успел...

— Я не потому... Ну-ка, вспомни!

— Помню, я все помню, после того дня я не жил, только время шло... Она очень мучилась, да? — взгляд отца остановился на фиалках.

— Да, очень.

— Я узнал в поезде.

— Как, ты разве знал?

Он кивнул.

— Горькая весть такая штука, она тебя за тридцать земель отыщет... В Сухуми сел один... Разговорились. Выяснилось, что он знает твоего дядю.

Наверное, сердце у меня предчувствовало, я не сказал ему, кто я... Он рассказал, что у того зять в тюрьме, а несколько месяцев назад он и сестру похоронил.

Меня до того пришибло, что я не соображал, что произошло, почему, как может быть, что я не застаю ее в живых. Ведь я... Я ведь десять лет... Эх! — отец не в силах выдавить застрявшие в горле слова. Его трясло, он еле закурил.

— А дальше?

— Когда я представил все, поверил в жуткую правду, уткнулся с отчаяния в подушку и завыл... И тут услышал храп, это мой «благый вестник», повернувшись к стене, сотрясал вагон.

Не помня себя, я вскочил да как заорю — проснись, мать твою...

Он, ничего не соображая, сел в испуге:
— Извини, ради Бога, я, наверное, храпом разбудил тебя... Что мне делать с этой напастью!

— А я думал!.. — но не стал говорить, что я подумал. — Пошли.

Некоторое время шли молча.

— Деревня-то как разрослась!

— Скоро и эфрэмовские земли отведут под застройку.

— Под застройку?

— Так говорят.

— Хорошее место, и вода под боком. Может быть, и нам взять?

— Бабушка рехнется, говорит, что умрет здесь.

— Интересно, что хорошего она видела в нашем доме...

Подошли к дому.

— Как потеплеет, перекроем крышу.

«Зачем, с какой стати ее перекрывать?» — хотел спросить я, но передумал, раз человек приехал, значит, что-то должно у нас измениться, и был согласен начать с крыши.

VI

Недавно Нико сказал, что в редакции ждут новых стихов, а заодно им интересно познакомиться со мной, если я захочу, мы можем поехать вдвоем; если нет, чтобы отправлялся без него, нашел там Шота Абуладзе, заместителя редактора, тот меня в обиду не даст.

В десять утра я уже был в городе. Расспрашивая, нашел обшарпанное двухэтажное здание. Скрипучая деревянная лестница привела меня на второй этаж; я очутился в полутемном коридоре. Прежде чем я потянул за ручку одной из дверей, расположенных по обе стороны коридора, она распахнулась, из нее, ворча, вышел мужчина.

— Хватит, покурить не даете, целыми днями носушь туда-сюда, — он хлопнул дверью. — Неслыханно! Что за люди! — адресуясь ко мне, мужчина развел руками, словно я знал тех людей или его самого. — Потерпеть они не могут!.. Кто придумал брать на работу

лы. Тамрико гостит у дяди, не могу же я вернуться, не повидавшись с ней, мне с лихвой хватило пяти дней, которые не видел ее.

Достал из кармана адрес, прочитал еще раз: «Эвдошвили, пятнадцать. Голубые ворота».

«Интересно, где это, далеко или близко отсюда?» — я представил, как она меня встретит, и сладкая истома разлилась по телу.

— Вот так! — мужчина нажал кнопку. Покачивая бедрами, в кабинет вошла дородная женщина, он отдал ей «материал в номер», опять снял очки и с доброй улыбкой посмотрел на меня:

— Дато, Дато, вот ты, оказывается, какой... Стихи принес?

Я протянул ему тетрадь.

— Очень хорошо! — положил ее перед собой и накрыл ладонью. — Гонорар, наверное, еще не получал?

Слово «гонорар» я слышал впервые и удивленно взглянул на него.

Он засмеялся.

— Пойдем со мной, — обняв меня за плечи, проводил в соседнюю комнату и сказал остроносой женщине, сосредоточенно гонявшей костяшки счетов. — Анико, выдай этому юноше деньги...

«Какие деньги?» — попятился я.

— Не бойся, не подачка, деньги за твои стихи, — снова засмеялся Абуладзе и подтолкнул меня в спину.

— Поначалу все они такие, а потом голову готовы откусить — скорей, скорей... В каком номере? — У этой Анико басыще, как у хорошего мужика, и пушок гуще положенного топорщится над верхней губой.

— В январских ведомостях поищи. Сачалели, — ответил за меня Абуладзе.

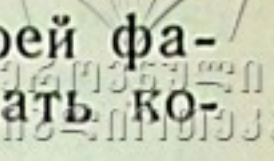
Женщина провела пальцем по бумаге, именуемой ведомостью, защелкала на счетах и подняла на меня глаза:

— За бездетность удерживать?

Я с мольбой взглянул на Абуладзе — что ей надо, что это за пытки?

— Удерживать, Анико, удерживать, не видишь, ребенок еще, разве он похож на женатого? — покачал тот головой.

— Я обязана спросить, — женщина пододвинула ко

мне ведомость, заставила расписаться против моей фамилии и выдала мне шестнадцать рублей двадцать копеек.

— Не удивляйся, бухгалтера вообще странные люди, а эта особенно, — сказал Абуладзе, ведя меня в свой кабинет.

Дверь нам открыл мой недавний знакомый, которому женщины не позволяли курить в комнате:

— Батоно Шота...

— Заходи, заходи... Наш литработник Нукри Демуришвили, а это — наш автор, Дато Сачалели, начинающий поэт.

Литработник кивнул мне, опустился в кресло и забарабанил пальцами по колену.

— Батоно Шота, машина уже пришла.

— Очень хорошо, — поглядел на часы Абуладзе.

Я понял, что мне пора удаляться, и встал.

— Я ознакомлюсь со стихами, — он положил тетрадь в ящик. — Может быть, попробуешь написать статью или очерк?.. Ну, как? Скоро девятое мая, день Победы, в твоей деревне, наверняка, найдется человек, который геройски прошел тяжелый путь войны. Повидайся с ним, побеседуй. Ты парень умный, сам поймешь...

— Мой отец! — сразу воскликнул я. — Из нашей семьи на фронт ушли три брата, а вернулся он один...

— Хорошо бы, но... — заколебался Шота.

— Он и ранен, и награды есть, — попытался уговорить я.

— Недурственная тема, батоно Шота! — встрепенулся литработник. — Двое погибли, один вернулся.

— Я все знаю от Нико... Кабы не одна зацепка, тема, слов нет, очень хороша, — он заглянул мне в глаза, словно прося, чтобы я не заставлял его откровенничать при постороннем.

Меня как обожгло, когда понял, что он имеет в виду.

— Моего отца посадили незаслуженно!

— Да-а, — отшатнулся Демуришвили, словно и его ошпарили кипятком, — кто тебе позволит писать о заключенном?..

— Он уже не заключенный, он вернулся!

— Какая разница, черное пятно на биографии, не

— Если тебе этого достаточно...

— Достаточно! — я легко провел пальцами по ее мокрой руке, и нас обоих кинуло в дрожь.

Изрядно промокнув, я укрылся на автовокзале. Ни на одной скамейке вдоль стен не нашел свободного местечка, чтобы присесть. Все ждали, придвинув к ногам багаж и грустно глядя на танцующий по лужам дождь за открытой дверью. В зале ожидания застоялся тяжелый, неприятный запах испарений, но я все равно уловил аромат свежего хлеба. За мной, на коленях у женщины в черном, стояла корзина с караваем, накрытыми газетой. Женщина забралась туда рукой, отломала поджаристую корочку, поправила газету и украдкой сунула кусочек в рот.

Проглотив слюну, я отвернулся. Этаким дурак, с деньгами, а умираю с голоду! Дождь не думал прекращаться, полил еще хлеще, по окнам струилась вода, проникая в щели на подоконнике, стекала по стене.

Подъехал автобус. Часть людей, суетливо подхватив багаж, поспешила к дверям, ушла и женщина с корзиной, унеся с собой аппетитный запах теплого хлеба. Я надеялся, что в зале станет посвободнее, но теперь в нем нашли приют приехавшие пассажиры, и он снова набился битком.

Я зашел в комнатку, на которой было написано «Дежурный диспетчер».

— Чего тебе, парень? — почесал щетинистую щеку плешивый мужчина с отвислым вторым подбородком. — Кончай, Робинзон, давай, выезжай, давно пора, — крикнул он облокотившемуся о стойку шоферу, который заигрывал с молоденькой кассиршей, и снова вопросительно посмотрел на меня.

— Я ищу одного человека, его зовут Валико.

— Шофер.

— Да.

— Фамилия?

— Не знаю.

— А мне откуда знать, у меня работает пять Валико.

— Десять лет назад он работал на цихисубанском автобусе.

— Валико, Валико... Кажется, знаю, но... — диспетчер задумался.

— Потом он перешел на городской, — помогал я ему вспомнить.

— Да-а, тебе, надо думать, нужен Валико Кобиашвили... Он по-прежнему у нас, только сегодня у него выходной, парень, что только вышел — его сменщик... Знаешь, где он живет?.. Хотя, откуда тебе знать... Постой, позвоню ему, если он дома, дам тебе трубку, — диспетчер набрал номер, — видишь, какие времена настали, у шоферов — телефоны, а некоторые жизнью недовольны... Валико, ты? — крикнул он в трубку. — Ачико, позови отца... Привет, Валико... Не узнаешь? Конечно, я... Отдыхаешь и нежишься... Конечно, и я не прочь выпить, но в таком количестве ни к чему... Ничего не поделаешь, теперь мода на вино с сахаром, — он засмеялся, сверкая золотыми и серебряными зубами. — Я вот что звоню, тут тебя один парень спрашивает... Парень, говорю... Как тебя зовут? — уставился на меня.

— Дато.

— Он говорит, что Дато... Фамилия? — снова уставился. — Что я вам, почтальон, что ли, сам говори! — диспетчер протянул мне трубку.

— Здравствуйте, дядя Валико...

— Здравствуй!.. Ты какой Дато? — спросил голос в трубке.

— Сачалели.

— Сачалели? Так что тебе?

— Ничего, я в городе, думал, повидаю вас... Мой отец вернулся.

— Прекрасно, прекрасно, передавай ему привет...

Я обиделся, не такой встречи ждал... Время, видимо, делает людей черствыми, и положил трубку...

— Что, узнал тебя? — спросил диспетчер.

— Да, сейчас, сказал, подъедет.

— Так я и поверил, — недоверчиво надулся он. — Что ты ему говорил, откуда вернулся твой отец?

«Пошел ты!..» — я хлопнул дверью и, не задерживаясь в зале, вышел под дождь. Настроение было ужасное, я злился на себя, до каких пор можно быть таким лопухом.

Шагая вниз по улице, промок насквозь прежде, чем наткнулся на столовую напротив рынка. Единственная, покрытая паутиной лампочка едва освещала подваль-

Хуже — еще больше... Не смотри так, я людей не убивал... В двадцать пять лет валялся в белорусских болотах, шлепал по гнилой, булькающей трясине, по колену в жиже пер двуколку, оружие, паек и до черта прочего, гори оно синим огнем, но к душе никакая грязь не пристала, всю войну прошел чище, чем роса на цветке...

«Вот находка для редакции».

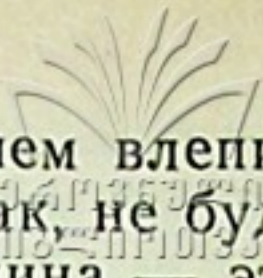
— Знаешь, почему я тебя позвал? Ты показался мне честнее этих, — он обвел пальцем столовую, — не знаю, может быть, меня обманула твоя физиономия, но это так... Обмани меня, не ты первый, не ты последний... Трудно начать, а дальше пойдет как по маслу, как два пальца сполоснуть... Меня обманули? — И я обману! Еще обманули? — Еще обману!.. Дом построил — в пору на коне объезжать, набил обстановкой, не пройдешь, сколько всего, а глаза все равно несыты... Комнаты дубом облицевал, просыпаюсь по утрам, точно в гробу... У моих отца с матерью была одна шифоньерка, тахта да сменка постельного белья, фасоли досыта не ели, зато — мир и согласие... Что они, царство им небесное, с собой унесли? Уже не верится, что где-то есть мир и согласие... Вот ты — честный человек, скажи, что мне делать?

— Довольствоваться тем, что есть.

— Довольствоваться? Ты так советуешь? — призадумался он. — Довольствоваться не то, что довольствоваться, мебель разнесу, стены, бомбу подложу, по ветру развею, этому я научен на проклятой... Все взорву, прахом пущу, но... — он повысил голос, — другой такого не сделает? Говорю тебе, много нас... А ну, спроси у этого, который наел себе загрибок, как у бугая, — он указал на буфетчика, от которого ускользнула муха, и поднятая мухобойка застыла на весу. — Он сделает так? Не сделает!.. И ты не сделаешь, ей-Богу, не сделаешь...

Все в столовой обернулись на нас, — что, дескать, он несет.

— Уткнитесь в свои тарелки!.. Не нарывайтесь! — замахнулся на всех мой собеседник, и едоки сделали вид, словно оскорбительный жест относится не к ним, а к продавцу газет, который, положив подбородок на руки, тоскливо глядел из четырехугольного окна киоска, стоящего напротив столовой.

— Им этого мало! Человек с самолюбием вlepил бы мне вот такую пощечину... И я бы юлил так, не будь у меня крепкая спина... Не воображай, что спина — это то, что за плечами! — предупредил он. — Съешь что-нибудь!.. Ты думаешь, если я себе позволяю такое, что привело меня в эту дыру? Здесь, племянничек ты мой, когда-то жили мы. Вот тут, где мы с тобой сидим, стоял наш хлев. Дopotопная история, город был черт-те где, потом подступил к нам, прошла через нас «красная линия», и мы переселились... Чего только не было в наших садах, и вино отменное, и зелень... Когда поспевала черешня, наши детские животы ни на что больше не годились, никто не запрещал — только ешь... Теперь детям не дадут, все волокут на рынок. И правы — время такое... Оттого и прихожу сюда, устраиваюсь в этом углу один; если занято — обожду, пока уйдут. Сижу, и меня обдает запахом нашего хлева, запахом навоза и сена — слеза прошибает... Сам не пойму, отчего так...

Затем на него снова накатила фанаберия. Брезгливо кривя губы, понес немислимую ахинею, похваляясь своей «крепкой спиной», и в довершение всего выгреб из обоих карманов столько денег, что у меня зарябило в глазах.

— Понадобится — все куплю, и тебя куплю! — он чуть не угодил мне в глаз пальцем.

Я даже немного испугался и вскочил.

— Куда ты? Сдрейфил?.. Когда жизнь возьмет тебя за горло, посмотрим, на что ты способен... Если устоишь, приходи и плюнь мне в рожу...

Буфетчик вклинился между нами, показывая мне глазами, чтобы я уходил...

Ну и судьба у меня — как сумасшедший, так обязательно нарвусь на него!

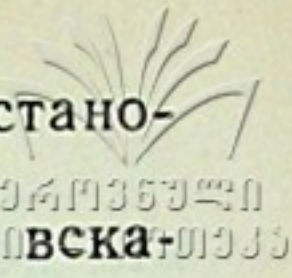
Автобус уже стоял. Я купил билет и сел на заднее сидение.

«И тебя куплю», ух. мать твою!» — выругался я в душе, и неизвестно отчего мне стало жалко самого себя. От голода и событий сегодняшнего дня разболелась голова.

Свободных мест оставалось все меньше.

«Интересно, когда же мы тронемся?»

За окном я увидел щенка — добежав до угла дома,

он припустил обратно, растерянно завертелся, остановился на сухом пяточке у стены, отряхнулся...

Я позвал его, он, играя на ходу, подбежал и рабкался по ступенькам.

«Поедем со мной, что тебе делать в этом городе, где живут Дятлы Дятловичи?»

Устроил его в ногах. Будет вместо Цуги... Притих, лежит, не сводя с меня угольных бусинок-глаз. Вожу пальцем по его мордашке и радуюсь, что возвращаюсь не один.

— Нет ли среди вас Дато? — раздается вдруг. В передней двери стоит мужчина, с кепки ручьем стекает вода.

— Я Дато! — отвечаю ему. Мужчина, перешагивая через сумки в проходе, сияя улыбкой, направляется ко мне. Сердце у меня страшно екает, я поднимаюсь.

— Сачалели? — лишний раз удостоверяется он и, когда я киваю, обнимает меня.

— Я дядя Валико, мальчик... Как ты вымахал! Я так потрясен, что чуть не реву, на миг оживает все — и наша первая встреча, и как я сидел у него на руках во время суда.

— Какой дядя Валико, я не узнаю что-то! — пытаюсь пошутить, но, едва открываю рот, слезы находят выход, и я утыкаюсь лицом в его мокрый плащ.

— Поезжай, Иосиф, только подкинь нас к дому! — крикнул он шоферу. — Ты думал, что я забыл тебя? Все время помнил, но, когда ты позвонил, сразу не сообразил, что к чему... Ты был вот таким, а вдруг звонит какой-то мужчина... Я по-прежнему представлял тебя маленьким... Отец, значит, вернулся!

— Да, вернулся. — Поэтому я и вспомнил, кто ты, иначе... Как твои? Я знал, что он это спросит, и сердце у меня сжалось.

— Бабушка — хорошо, а мама...
— Что, парень, что-то случилось?
— Мамы больше нет, умерла в прошлом году.
— Ох, что ты сказал?! Почему, где же Божья справедливость? Охо-хо, — повторил он, морщась.

Автобус остановился.
— Сойдем!

— В другой раз. Меня дома ждут...

— Вечером на машине отвезу! — Валико подтолкнул меня к двери.

Щенок кинулся за нами.

— Он со мной... Подобрал на улице, в деревню везу, что собаке делать в городе?..

Валико, печально улыбаясь, провел нас во двор.

У него оказалось трое детей — два сына и дочь. Они радушно встретили меня, обсушили, накрыли стол, а тем временем приехал на машине старший сын Валико, Нугзар. Он и отвез меня домой.

— Эй, муж достославный, хватит надрываться, иди сюда! — позвал меня отец.

Я так увлекся, что не слышал, как пришла бабушка, расстелила в тени газету, поставила в центр ее горшок с фасолью, а вокруг него — хлеб, сыр, маринованный чеснок, большего и желать нечего! Нечего! У Дятловича прорва денег, но ему не купить наш мир и согласие! Пусть даже не пытается!

«Этой сволочи захотелось и то, и другое сразу!»

— Земля сырая, не простудись! — предостерегла бабушка, и отец, как послушный ребенок, сразу встал.

— Парит, видимо, к дождю.

— Дал бы посеять, а потом — только на пользу, — бабушка взглянула на небо.

Со стороны Кавказского хребта подступало к нам белоснежное косматое облако.

— Передохните немного и примемся за дела...

Отец закурил.

— Не отравлял бы себе организм!.. Провалиться тому, кто придумал эту заразу, не понимаю, что за удовольствие! — разворчалась наша Бабалэ.

— Попробуй, может, понравится, — подмигнул мне отец, протягивая бабушке пачку.

— Глаза бы мои не видели!..

Я рассмеялся, представив бабушку, дымящую папиросой.

— Смейся, смейся, ты в первую очередь нуждаешься в его здоровье! Я свое отжила... Не слушаетесь меня, гробите себя, а потом удивляетесь, как же так! — охая, бабушка встала. — Мне уже неважно, я, как та

курица, — «корову режут, и меня заодно, овцу режут, и меня заодно...»

— Мама, что с тобой?

— Устала я! Не та уже, понимаете? Непременно надо умереть, чтобы вы поверили?.. Всю ночь заходишь-ся кашлем, измучилась я, сердце разрывается... Ни лица на тебе нет, ни мяса... Брось эту отраву, больше ни о чем не прошу!..

— Что у меня еще осталось?.. — отец щелчком выбросил окурок.

— Если так падать духом, ничего и не будет, — жалостливо погладила его бабушка.

Отец нахмурился, но ничего не ответил, поднял садовые ножницы и пошел в сад.

— Слова от тебя не дождешься, одна я распинаюсь! — упрекнула меня бабушка. — Слыхано ли, среди ночи встает курить! Встанет в коридоре и смолит... Подремлет с полчаса и снова... Надолго ли его хватит? Тебя он скорее послушается... Каким он был — гору мог своротить, а теперь, сам видишь, на кого похож...

Отец подозревал меня.

— Видишь? Росток дал... Через несколько лет у нас будет настоящий сад, — у него, стоящего на коленях перед саженцем яблони, блестели глаза.

Я радуюсь блеску в его глазах, а росток рано или поздно все равно бы появился, куда ему деться...

Настала пора убежать — мы с Тамрико договорились вчера встретиться в пять у развалин крепости.

— Ты куда, сажать не сможешь? — спрашивает бабушка.

Я молча провожу ребром ладони по горлу — никак не могу! — и убегаю.

Сегодня, завтра, послезавтра... Когда-нибудь я все равно напишу об отце. Главное, чтобы он приоткрыл свое сердце, впустил в него свет, и оно заговорит... Необходимо только время, чтобы он освободился, вывел из заключения не тело, а душу... Тогда я сяду и напишу, не для газеты, а для себя, пусть лежит, одному Богу известно, что случится, может быть, наступит день, когда никому не покажется, что я свалился с луны.

Пока я думал, кто-то подкрался сзади и закрыл мне

глаза руками. Пальцы Тамрико я узнаю и с закрытыми глазами, но все равно спрашиваю:

— Кто это?

— Отгадай! — она изменила голос.

— Нестан-Дареджан.

— Не-ет!

— Тинатин¹.

— Господи, не своди меня с ума!.. Кто же? — продолжаю гадать я.

И в эту секунду я и вправду чуть не рехнулся — она чмокнула меня в шею и побежала. Обернулась, удивленная тем, что я не догоняю ее, вернулась обратно, села рядом, склонив голову, искоса посмотрела на меня, будто в обиде, убрала за уши волосы, демонстрируя сережку, похожую на божью коровку, притаившуюся на мочке.

— Знаешь, о чем я думаю? Если у меня отнимутся ноги, и я не смогу двигаться, будешь любить меня?

— Буду, — она бросает тревожный взгляд на мои колени.

— Даже если у меня не будет рук и одного глаза?

— Перестань!

— Я серьезно спрашиваю.

— Ох-ох!.. А если наоборот?

— Наоборот нельзя.

— Предположим...

— Нет, говорю, тогда я застрелюсь.

— Так я и знала, застрелишься и оставишь меня на произвол судьбы!

«Умница, Тамрико!» — я удивлен, при таком раскладе самоубийство — настоящее спасение.

— Понятно, ты меня не бросишь, а не станешь изменять с теми, у кого есть и руки, и ноги, и глаза?

— Что ты сказал?! — вспыхнула Тамрико, и, не поймай я ее руки, она бы мне глаза выцарапала.

Тамрико выдернула руки, отодвинулась, откинула волосы за уши и, обхватив колени руками, положила на них подбородок.

— На тебя и сердиться невозможно, — обиженно, но спокойно сказала она.

¹ Нестан-Дареджан и Тинатин — героини поэмы Ш. Руставели «Витязь в барсовой шкуре».

— Почему ты сердишься, а? — я опустился перед ней на корточки. — Солнцеликая принцесса, как называется та блаженная страна, где вы родились?.. Прикажите, и я со своим войском — у ваших ног...

— Хвастунишка, — прищурилась Тамрико. Как мне нравится, когда она так щурится, — не умеешь ты болтать...

— А ты думаешь, болтать просто?.. «Что вы, батона, сидевший — это сидевший, черное пятно с биографии не смоешь, не поменяешь, как костюм, тут надо глядеть в оба... Именно». Видишь, какой язык отважный? — прижавшись лбом к ее лбу, я заглянул в ее изумленные глаза. — Потом, когда мы будем вместе... Когда съездим на поезде далеко, очень далеко и вернемся обратно, что бы ни случилось, прошу, никогда не обижай моего отца... Ты не понимаешь...

— Понимаю, Дато, я все понимаю, — нежно и заботливо шепнула она, на ее глазах заблестели слезы.

«Благодарю тебя за эти святые слезы, моя солнцеликая принцесса, прикажи, и я со своим войском...»

* * *

Отец кончил бриться, сложил бритву, опустил в футляр. Я долил в умывальник воды. Длинный шрам тянется от уха. Я молча провожу по нему пальцем. Мокрый отец посмотрел на меня, улыбнулся печальными глазами и спрятал лицо в полотенце. И он, наверное, вспомнил, как мы втроем пекли кукурузу...

Бабушка поставила перед нами тарелки с горячим. Отец выбрал кусок хлеба почерствее и крошил в тарелку.

— Взял бы свежего, сынок.

— Такой по мне лучше.

— Эх, Бабалэ, что-то скуповата ты стала в последнее время!

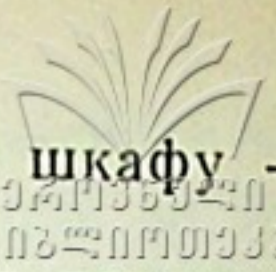
— Чего вам не хватает? — бабушка оглядела стол.

Я показал на отца:

— Может быть, человеку хочется пропустить стаканчик.

— Только бы на пользу, а...

Не успела она договорить, как в открытое окно впорхнул белый голубь, покружился, облетел комна-

ту, задел крылом керосиновую лампу на шкафу — звонко разбилось стекло.

— Хорошая примета! — отец проводил взглядом вылетевшую в окно белую птицу.

Мы с бабушкой переглянулись, но промолчали — в траурные дни над нашим двором кружился черный голубь. Похоронили маму, и он исчез...

* * *

Выставили цветочные горшки, вывезли перезимовавшего Артему. Он выглядит бодрее, нежели в прошлом году; правда, не встает, зато и не напоминает усаженного в кресло покойника — двигает руками, иногда даже голову поворачивает.

— Шевелитесь, шевелитесь, — охрипшим голосом кричит бригадир, — до вечера провозитесь, пора!.. Эх, копуша, сколько будешь еще валандаться, с кроватью жалко расстаться?

Все сначала бросают тяпки в кузов с откинутым бортом, потом лезут сами, лениво, неохотно.

Абриа, вальяжно прислонившись к столбу, плюется семечками.

«Укротили ведь лошадь Андро?.. Укротили, да еще как!..»

Настанет и мой черед, с криком и руганью явится бригадир — у него такой голосище, что в нижней деревне вздрагивают — явится и шуганет мой утренний сон. Я наспех оденусь, выскочу, как виноватый, вскарабкаюсь на машину с откинутым бортом, пристроюсь к понурым односельчанам — у всех одинаково выгорели на солнце волосы, будто одна мать родила их — и... Нет, не смогу... Нет, говорю!»

— Тронулись!

— Езжай, парень, с оглядкой, не скот везешь! — крикнул сверху хромой Михо.

— Будто вы лучше! — Абриа поднял борт, заскрежетал засовом, завел машину.

Нечеловеческий рев оглушил меня — так, вытянув шею, ревет перед убоем скотина. Вывалив язык, выкатив глаза, Артема приподнялся, ловя воздух руками, словно силясь ухватиться за что-то, кувыркнулся с коляски, грохнулся вниз лицом, неловко подвернув руки, и остался лежать.

— Папа! — завопил я.

— Что с тобой? — побледнев, крикнул он, но я едва расслышал, таким далеким показался мне его голос.

В глазах зарябило, столбы веранды налетели друг на друга, посыпались цветочные горшки, зашатались, грозя рухнуть, балки, заколебалась стена — того и гляди упадет на Артему, разможжит, расплющит его заодно с пустой коляской.

— Не слышишь? Что с тобой, спрашиваю? — повторил отец.

Головокружение проходит, столбы и горшки возвращаются на свои места.

Веранда наполняется криками женщин. Дядя Тамрико швыряет во двор путающуюся под ногами инвалидную коляску.

Я кое-как спустился вниз.

— Артема умер... Умер Артема! — бессмысленно перевожу я взгляд с отца на бабушку и с бабушки на отца.

— Угораздило же именно тебе увидеть... Сядь, на, выпей воды!

Два глотка с трудом дались мне.

Смочив ладони, бабушка потерла мне виски.

«Неужели мне так плохо?.. Почему не видно Тамрико?» Она не говорит ни слова, только плачет, плачет и плачет...

— Ты куда? — отец преградил мне дорогу.

— К Тамрико...

— Никуда не пойдешь, у нас с этим домом нет никаких дел!

— Я иду к Тамрико!

— Она — артемовской породы, на волчьей ягоде не вырастет земляника... Я прожил больше твоего и знаю...

— Оставьте, теперь его и цепью не удержишь, он — твоя кровь... Иди, сынок, иди, — ласково сказала бабушка.

Отец, вздохнув, махнул рукой — делайте, что хотите, и отвернулся.

Путь был открыт, но что-то удерживало меня, не давая сделать шаг.

— Папа!

Он не отозвался.

— Я не могу по-другому, папа!

— Я тоже... — повернувшись, он уперся в меня донельзя измученным взглядом. В этом взгляде угадывались отчаяние, беспомощность, покорность, смирение человека, измордованного жизнью. Где тот, кого рисовала мама твердым, сильным, непоколебимым?..

«Эх, Амиран, эх, эх, эх!»

Артему уже занесли в дом. Родня, окружив отца и дядю Тамрико, совещалась о чем-то, соседки суетились во дворе, одна волокла покореженную коляску, затолкала ее за конуру, с глаз долой, как бесполезную вещь, как тягостное, неприятное воспоминание; другая, отряхнув мокрый веник, начала подметать лестницу, третья катила тачку... У каждого нашлось дело, только Тамрико одиноко стояла у туть, потрясенная, растерянная, жалкая, как отверженная. Глаза ее были красны... Она удивленно уставилась на меня, потом ее взгляд метнулся к стоящему на веранде, грозно нахмурившегося отцу.

Мое появление поразило всех сильнее, чем смерть Артемы. Глаза ошарашенных, оцепеневших соседей были прикованы к веранде. Я понимал — у меня нет ни малейшей надежды на их милосердие, но все равно, самоуверенно шагая, приближался к своей поникшей, как цветок, любви, которая принадлежала мне одному, и встань сейчас сам Артема, даже он не заставит меня уступить ее, пока в груди моей бьется сердце.

— Пойдем! — я взял ее за руку.

Она покорно последовала за мной, по-ребячьи удобно поместив пальцы в моей руке; подняв голову, улыбнулась на миг, и мне почудилось, будто она произнесла: «О, Ромео, о, Ромео, почему ты Ромео?..» Хотя, что еще она могла сказать.

Дорога к распахнутым воротам безбожно удлинилась. Мы ждем, когда загрохочет веранда, загремит громом и, поразив, испепелит нас.

Веранда онемела, не смея нарушить гробовую тишину, и с ошеломленной покорностью следила за нашим неторопливым шествием. Вцепившись в перила, мужчины, точно удила, закусили свою злость, чувствуя, что опоздали, что мы успели выйти из заколдованного круга.

36135341
818-1110133

Наконец-то двор остался за спиной, я вытер вспотевший лоб и расстегнул воротник.

Весть о смерти облетела всю деревню. Поспешили запорошенный мукой Цкалоба, безобидный, как пластилин, Дауштвинэ, нескладный, как стул, Жоржик, чисто выбритый продавец.

— Знаешь, он был такой жалкий... Как раздавленная птица с изломанными крыльями...

— Человек умирает, как птица.

— Сейчас день, а я боюсь... А ты?

— Однажды я испугался так сильно, что забыл, что такое страх, — я смахнул сор со скамейки у маминной могилы. — Садись! Когда ты плачешь, мне кажется, что меня шпарят кипятком. — Я вытер ей слезы. — Если я умру, ты не плачь, я серьезно, и черное не надевай... Я ненавижу его, ненавижу, не терплю...

— Молчи!.. Знаешь, сколько раз я думала, будто ты умер! Знаешь, какой это ужас!

— Знаю... хватит тебе, я, как видишь, еще живой! — расчувствовавшись, прижал к себе Тамрико и кое-как успокоился.

У деревни свой путь — со смертью не кончается жизнь, она кичится своими пестрыми садами, белой дымкой мирабели, и я знаю, что ее печаль по раздавленному, «как птица», человеку — мимолетна, а память — коротка, если и вспомнит о нем когда-нибудь, то, вероятно, из-за диковинности его смерти, как он пронзительно взревел, возвещая о конце своей никчемной жизни, и... умер, освободив угол вечно праздничной, благодаря цветам, веранды.

Мы одновременно увидели — из калитки выскочил Иванэ, опустил закатанные рукава, застегнул заодно на животе выбившуюся из брюк рубаху и бегом помчался к деревне. Он, как пить дать, не поверил слуху, и жаждет собственными глазами убедиться, что Артема действительно умер.

Тамрико думает, что его подгоняет скорбь. Она не знает, как дожидался могильщик этого дня, и провожает его благодарным взглядом.

Она не знает, и я никогда не скажу ей!

Перевод Вахтанга ФЕДОРОВА-ЦИКЛАУРИ

Мольба

Сделай бесстрашным меня, словно Квирия¹,
Ты, направляющий каждый мой шаг,
И подскажи,
Как звучать моей лире,
Чтобы я пел,
Пока дух не иссяк.

Ты над горой меня радугой выгни,
Выстели мной, как туманом, овраг,
Выставь на ветер в холодной равнине —
Сердце мое не возропщет никак.

Если швырнешь меня в Терек на камни,
Тебе моей веры не расколоть
И не услышать моих нареканий.
Я твоя боль, твоя кровь, твоя плоть.

К жизни воскресну Всевышнего волей.
Пусть мои годы текут, как вода, —
Я отыщу в этой скорбной юдоли,
Где мне любовь возместить и когда.

Я пробужу для тебя в этом мире
Горы, заснувшие каменным сном,
Если не лопну струной в твоей лире
И не останусь пустым болтуном.

¹ В груз. фольклоре — божество, покровитель суши.

Грустной строке не взойти на вершину
И не вместить необъятную даль.
Не осуди меня — вечно едины,
Неразделимы любовь и печаль.

Ливень

Густой туман теснину оседлал.
Скала утеса зарыдала с горя.
Но почему к страданью своих скал
Глуха надменная
Волна Иори?

На ветке тмина в дрожь привел цветки
Кнут молний, высекая искры в скалах.
Лес, очарован, слушал рев реки,
Глушащей стоны робких и усталых.

А вот и лес, грозою сотрясен,
Вдруг завопил в ее могучих лапах.
Горы Борбало не встревожил он —
В жестокий ливень сильным не до слабых.

Спутник

Я тропами ходил, а он за мной
Шагал по гладкой колее дорог,
И каждый раз я слышал за спиной
До двери дома ровный топот ног.

Я замерзал, а путь был все трудней.
Глаза прикрывала тишина
И одного меня среди камней
Бросала, как мой спутник, холодна.

Шумит Арагви бешеный поток.
Я выжил в этой яростной борьбе.

Хожу по гладкой колее дорог,
А спутник ходит по моей тропе.

Я не предамся злomu шутовству,
Его с улыбкой провожая в путь.
Я даже верность сохранил ему.
Быть может, он поймет
Хоть что-нибудь.

Плющ

Нет, он не однолюб —
Он нежно к ели льнет
И обожает дуб,
И рвется в небосвод,
Берет себе от всех,
Как собирает дань.
Он терпит желчный смех
И низменную брань.

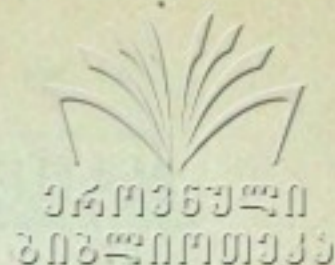
В чужую жизнь вплести готов свою судьбу
И в райский сад вползти, но на чужом горбу.
Не так уж и нелеп его простой расчет:
«Пусть этот сеет хлеб,
А тот его сожнет».

В любви он волшебство и доброта сама,
Но на любви его — след рабского клейма,
Чужое семя все ж
В земном Эдеме он —
Изысканная ложь, красивый смутный сон.

Назидание

Если вдруг ветер из горных лесов
Ринется в сад Нарикала со злостью,
Ты все калитки запри на засов —
Пусть о металл разобьет себе кости.

Если ненастье загонит в капкан
И заточит твою душу в неволе,
Ты не мрачней, как осенний туман,
Стоном не выдай врагу своей боли.

Если тебе чья-то зависть, как яд,
Медленно жизнь отравляет из мести,
Пусть о тебе говорят, что хотят,
Ты только правду храни от бесчестья.

Перевод Ларисы ФОМЕНКО

Виктор НОЗАДЗЕ

Борьба за восстановление территориальной целостности Грузии (Месхети)

ОТ АВТОРА: На всем протяжении истории Грузии политическая судьба Месхети всегда была краеугольным камнем ее отношений с южными соседями. Даже из этого небольшого по объему очерка явствует, какое значение в государственной жизни Грузии имела и имеет Месхети, борьба за которую стоила ей стольких жертв. Автор остановил свое внимание на событиях нового времени в жизни Месхети, воспользовавшись при этом лишь опубликованными материалами, поскольку архивы были ему недоступны. Автор полагает, что отражать полную картину истории Месхети пока преждевременно. Настоящий очерк — своего рода обзор, дающий довольно ясное представление о Месхети и судьбе Грузии в целом.

В кисе твоей не должны быть двоякие гири, бóльшие и меньшие. В доме твоём не должна быть двоякая ефа, бóльшая и меньшая. Гиря у тебя должна быть точная и правильная...

Второзаконие, 25, 13—15.

Да будут у вас правильные весы, и правильная ефа, и правильный бат.

Иезекииль, 45, 10.

І. ДРЕВНЯЯ МЕСХЕТИ И ГРУЗИЯ

Земо Картли или Месхети состоит из следующих частей: Юго-Восточный берег Черного моря — 1) Ачара, 2) Кобулети, 3) Ливана, 4) Чанети или Лазика (Лазистан);

Чорохское ущелье — 5) Шавшети, 6) Кларджети, 7) Тао, 8) Баспани, 9) Испирн, 10) Тортоми;

Ущелье Куры — 11) Самцхе, 12) Джавахети, 13) Артагани (Ардагани), 14) Кола, 15) Абоци (или Палакацио, или Каикули, или Чилдири).

Испирн и Лазистан в древнейшие времена принадлежали халибам или лазам. Во втором веке до рождества Христова армяне заняли Тао, и в период христианизации (IV век) этот край как будто должен был находиться в руках армян, но очень скоро грузины или иберийцы распространили на него свою власть. Как отмечает известный греческий историк Проконий Кесарийский, умерший приблизительно в 562 году, месхи «издревле являлись подданными грузин» (или политически принадлежали к Картли) и «проживают в горах».

В VI веке и далее войны и эпидемии почти полностью истребили население Земо Картли, в особенности же Самцхе, Шавшет - Кларджети и Тао. Только с IX века этот край вновь заселяется грузинами, к XI же веку здесь живут только грузины, а сам край превращается в колыбель грузинской государственности и культуры.

Земо Картли или Месхети от Самцхе-Джавახети до Тао-Испирн представляла собой одну административную единицу, саэриставо, княжество. Во второй половине XIII века владения месхетского правителя начинались с Боржомского ущелья, Ташискарн и достигали Карнукалаки. К началу XIII века в основанную царицей Тамар Трапезундскую империю вошел Лазистан, или Чанети, впоследствии отошедший к князю Гуриэ-

Виктор Нозадзе родился 17 сентября 1893 года в селе Модзви, близ Сачхере. Начальное образование получил в Сачхерской двухлетке, затем продолжил учебу в Чиатурской городской школе и Кутаисской грузинской гимназии, которую закончил в 1913 году. Еще учась в гимназии, Виктор Нозадзе увлекся учением Маркса и, став студентом Московского университета, включился в революционную деятельность. Во время Февральской революции 1917 года Виктор Нозадзе — член Московского рабочего Совета, он принимает участие в заседаниях Московского исполнительного комитета.

В мае 1917 года Виктор Нозадзе возвращается в Тбилиси и начинает сотрудничать в социал-демократической газете «Эртоба» («Единство»); в эту же пору он руководит кутаисской газетой «Социал-демократ».

ли, и только в 1511 году вновь вошедший во владения правителя Самцхе — атабага.

Звание атабаг или атабег впервые появляется в эпоху царствования Тamar (1184—1214), когда правителем Месхети был назначен Иванэ Мхаргрдзели. Георгий V (1314—1346) пожаловал это звание Кваркварэ Джакели (1314), а во время царствования Георгия VIII Кваркварэ Второй объявил себя независимым владетелем (1463), после чего этот край стал называться Самцхе-Саатабаго, в отношении остальных грузинских княжеств проводивший то дружескую, то враждебную политику.

После взятия турками Константинополя (1453) и падения Византийской империи, а также завоевания Трапезундской империи (1461) учащаются набеги турок на Месхети или Самцхе-Саатабаго. Война между ними растянулась на века, пока атабаги, покорившись мощи Османской империи, в конце концов не признали над собой верховную власть султана. При этом они не прервали связи с грузинскими царями и все еще находились в пределах грузинской христианской культуры.

Последним христианским атабагом Самцхе был Манучар (1614 — 1624), принявший участие с остальными грузинскими царями в знаменитой Марабдинской битве против Персии. Он признал верховную власть Турции, но был отравлен родным дядей, который, отправившись в Стамбул, принял мусульманство и, назначенный султаном ахалцихским пашой, вернулся на родину под именем Сафар-паши.

Сафар-паша ввел в Месхети мусульманские обычаи. Вот

В 1918 году Виктор Нозадзе — редактор «Сакартвелос республика» («Республика Грузия»), официальной газеты правительства Грузинской демократической республики, а в последующем 1919 году вместе с другими грузинскими стипендиатами отправляется в Европу для получения европейского образования. Советизация Грузии в феврале-марте 1921 года застала Виктора Нозадзе в Англии. Он предпочел остаться в Европе и в ожидании приемлемой для него политической обстановки в Грузии продолжал учебу. Из Англии Виктор Нозадзе переезжает в Германию, где овладевает социальными науками и в 1926 году заканчивает Берлинский университет со степенью доктора. После окончания Берлинского университета он избирает местом жительства Париж, центр грузинской полити-

как пишет об этом царевич Вахушти (1696—1772): «И стал правителем Сафар-паша, и покорил весь Саатабаго... И правил по мусульманскому обычаю: провел перепись и положил по-дать в один динарий с каждого христианина и седьмую часть всего урожая вкупе с фруктами, и по два пятака за каждую овцу, по два гривенника за корову, и по шесть пятаков за лошадь и буйвола; а дань в пользу паши — треть динария, что есть полтинник, по правилам турок; а епископы и монастыри из-за своей прежней разладицы с атабагами и неповиновения католикосу картлийскому уменьшились числом в связи с неверием месхов, ибо отбирались у них поместья и пожертвования, уменьшились числом и обижались князьями, и впоследствии в результате покорения турками Тао-Кларджети и Шавшет-Артануджи ничего уже не было там, поелику турки отобрали у них все поместья и пожертвования и никого не осталось желающих быть монахами... Поелику гнев Божий пал на всех знатных этого края, и они омусульманились и стали жить отныне как турки... А верующие прятали и укрывали иконы, кресты и другие святыни, вывозя их по мере возможности в Имерети, и в Картли устремлялись знатные люди, ненавидевшие мусульманство, поелику правил Сафар-паша по обычаю турецкому».

Как мы видим, под влиянием турок Сафар-паша административными и фискальными мерами стал проводить антихристианскую или антигрузинскую политику, искоренять грузинскую культуру. Это старый испытанный мусульманами метод борьбы, неоднократно использовавшийся против грузин. Борь-

ческой эмиграции. В эти же годы меняется политическое мировоззрение Виктора Нозадзе. Разделяя в молодости идеи грузинского национального социализма, он с годами отказывается от них и становится основателем грузинской крайней национальной организации «Тэтри Гиорги» («Белый Георгий»).

После окончания второй мировой войны Виктор Нозадзе переезжает в Южную Америку, но в 60-е годы вновь возвращается в Европу, сперва в Испанию, потом во Францию. 24 апреля 1975 года Виктора Нозадзе не стало. Согласно завещанию, его похоронили на Левилльском грузинском кладбище, близ Парижа.

Живя за границей, Виктор Нозадзе основал целый ряд грузинских журналов и газет («Кавкасион», «Орнати», «Карт-

ба продолжалась более двух веков. Грузины потерпели в ней поражение, впрочем, кое-где сохранились очаги грузинской культуры, а грузинский язык долгое время считался господствующим, поскольку даже ахалцихские паши вели переписку с грузинскими царями по-грузински. Однако в обычаях и нравах месхов постепенно усиливались турецкие элементы, и, наконец, борьба приняла такой острый и напряженный характер, что в нее вмешались женщины христианской Грузии. Об этом красноречиво свидетельствует стих, до сих пор сохранившийся, как народный, в Ачаре. Как рассказывают, женщины Картли написали его для месхских женщин:

**И вы женщины, и мы женщины,
но мы совсем не похожи.
Укрываете лица, подобные солнцу,
надеваете тайную чадру,
с человеком, что учит вас этому,
ни за что не соглашайтесь...**

Женщины-грузинки, хранительницы христианства и грузинской культуры, объявляют литературную войну месхским женщинам. Под знаменем этого стиха, изменившего с течением времени политическое звучание и ставшего в Ачаре песней, еще долго продолжалась борьба за сохранение грузинского духа. Только время стало более тяжелым и суровым. И это подтверждает царевич Вахушти, который, характеризуя грузинские племена, писал о месхах: «Но мужчины и женщины

лоси», «Картвели эри», «Мамули»). Он оставил значительное научное наследие. В Грузии в основном известны его труды по картвелологии. К сожалению, только сейчас мы начинаем знакомиться с его историческими исследованиями. Известная книга Зураба Авалишвили «Независимость Грузии в международной политике 1918—1921 гг.» и исследование Виктора Нозадзе «Борьба за восстановление территориальной целостности Грузии (Месхети)» — вот краеугольные камни беспристрастной истории внешней политики Грузинской демократической республики (1918—1921).

Настоящее исследование напечатано в Париже в майской книжке журнала «Картлоси» за 1939 год.

Гурам МАМУЛИА

подобны грузинам, только разговор у них более медленный и певучий, рослые, мужественные, стязжные, прекрасные, любители знаний и искусства, впрочем, ныне из-за царящего здесь духа мусульманского утратившие все это...»

Процесс омусульманивания, начавшийся с первой четверти XVII века, продолжался вплоть до XIX века. На протяжении этого времени Картли, Имерети, Гурия постоянно стремились вернуть Месхети в лоно христианства, взять ее в свои руки, но тщетно. Стамбульский султан неизменно оказывал поддержку ахалцихскому паше, и зачастую последний, опираясь на турецкое войско, и под диктовку турок сам вмешивался в грузинские дела, проводя протурецкую политику.

Под конец Турция вознамерилась упразднить и автономию Месхети, что и было сделано после правления Юсупа III (1737—1744) в 1744 году. После этого Самцхе стала подчиняться турецкой администрации.

Грузинские цари, однако, не теряли надежды вернуть Месхети в лоно Грузии, и Ираклий II, заключая договор с Россией (1783) поставил условием присоединение в будущем Месхети к Грузии. Но Россия прежде всего позаботилась о том, чтобы «присоединить» саму Грузию.

2. МЕСХЕТИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Части древней Месхети впервые были «присоединены» к «Грузии» в результате русско-турецкой войны 1828-29 годов — Коблиани, Одзрхэ (Абастумани), Ахалцихе, Ацквери, Аспиндза, Хертвиси, Ахалкалаки, Джараки, Поцхови и Абоци (Чилдири), т. е. древняя Самцхе, Джавахети, Палакацио (Абоци) и Эрушети.

Впоследствии в результате русско-турецкой войны 1877-78 годов была присоединена другая часть Месхети — Ачара-Кобулет, Шавшети, Кларджети, Кола-Артаани и северная часть Тао — Олтиси.

Весь этот край составил следующие административные единицы Российской империи: 1. Ахалцихский уезд (Самцхе), 2. Ахалкалакский уезд (Джавახети), Батумская область (Ачара, Кобулет, Шавшети), Карская область (Эрушети, Поцховский район, Артаани или Ардагани и Олтиси).

Присоединенная Россией территория составляла: Ахалцихский уезд — 2706 кв. км., Ахалкалакский уезд — 2793, Батумская область — 3779, Артвинский округ — 3339,

Поцховский участок — 588, Ардаганский округ — 5137, Олтисский округ — 3501.

Всего территория Месхети составляла 21393 кв. км или третью часть Грузии.

В границах Турции остались следующие части древней Месхети — Чанети или Лазистан и территория, расположенная по верхней Чорохи.

«Земли, доставшиеся России от Турции по решению Берлинского конгресса 1878 года, — пишет наш выдающийся ученый Э. Такаишвили, — русское правительство разделило на две области — Карскую и Батумскую*, Карская область состояла из Карского, Кагизманского, Ардаганского и Олтисского округов. Исторически и этнографически Карский и Кагизманский округа принадлежали Армении, Ардаганский и Олтисский — Грузии. Олтисский округ был искусственно придан Карской области, по своему географическому положению он принадлежал скорее Батумской области, поскольку расположен в долине реки Олтиси, впадающей в Чорохи, которая, в свою очередь, принадлежит бассейну Черного моря, в то время как остальные районы Карской области располагаются вдоль рек, относящихся к бассейну Каспийского моря. Ардаганский округ, представляющий собой плато, был разбит на участки: Чилдирри, Ардагани, Гели и Поцхови. Первые три участка находились в верхнем течении Куры, а Поцхови — на реке Поцхови. И этот последний искусственно был отнесен к Ардаганскому округу, поскольку географически Поцхови скорее является частью ахалцихских террас, нежели Ардаганского плоскогорья и включает в себя часть земель бассейна Поцхови».

* О Батуми известно следующее: в 1829 году при заключении Адрианопольского мирного договора между Россией и Турцией Россия потребовала и Турция уступила ей всю территорию до реки Чорохи (в древности Акамписи), которая впадает в Черное море западнее Батуми. В результате Батуми еще в 1829 году должен был быть присоединен к России, но во время составления договора и карт из-за путаницы в названиях рек граница была проведена не у реки Чорохи, а у реки Челоки, впадающей в Черное море северо-западнее Батуми. При таком варианте Батуми оставался в Турции. Ошибку заметили после подписания и утверждения договора, но было уже поздно поднимать заново этот вопрос. В результате этой ошибки Батуми достался Турции (см. труды Дж. Брайсиса и фон Тильмана).

Эта административная политика позднее дала свои плоды и весьма осложнила вопрос территориальных границ Грузии. Нам придется сталкиваться с этим неоднократно.

В присоединенной Месхети началось передвижение населения. Грузины-мусульмане, не желая мириться с тем, что оказались в пределах христианской России, тысячами снялись с родных мест и переселились в Турцию. Первый такой исход относится к 1829 году — в основном из Джавахети (Ахалкалакского уезда), а в 1878 году только из Ардаганского округа в Турцию переселились 22743 грузина-мусульманина. Но зато в эти места ринулись армяне, искавшие приюта в христианской России. Русское правительство, идя им навстречу, селило армян на грузинских землях. После взятия Ахалкалаки грузинские князья и дворяне представили тогдашнему наместнику царя на Кавказе генералу Паскевичу жалованные грамоты грузинских царей, согласно которым они имели права на присоединенные Самцхе-Джавахети, но Паскевич гневно отказал просителям. При этом каждому переселившемуся армянину оказывал помощь в 25 рублей и освобождал в течение шести лет от налогов. Только в Ахалцихско-Ахалкалакский (Самцхе-Джавахети) уезды было переселено до 30 000 армян. Вот таким образом появились армяне в Месхети, и это обстоятельство сыграло свою роль, когда встал вопрос о границах республики Грузия.

Находясь под властью России, Грузия, естественно, была лишена возможности заниматься вопросом границ, если, конечно, он не впрямую касался ее, как, например, в случае войн с Турцией. В этих войнах грузины выказывали особое воодушевление и самоотверженность. Главная причина заключалась в том, что Турция в течение долгого времени проявляла враждебность по отношению к Грузии, захватывала ее земли, естественно, породив чувство мести в сердце каждого грузина.

Турция принесла грузинскому народу величайшие, неисчислимые беды и убытки, оставив тем самым неизгладимый след в грузинском сознании и грузинской душе. Поэтому во время войны с Турцией грузины сплачивались и, кроме регулярного войска, организовывали также отряды милиции. Каждая победа русского оружия приносила им радость, каждый клочок возвращенной земли, теперь уже омусульманенный, был равносителен возвращению пропавшего брата и родины. Грузины праздновали и торжествовали по поводу возвращения отнятых земель, и устами Ильи Чавчавадзе, Григола Орбелиани, Акакия Церетели, Нико Николадзе сообщали об этом торжестве

всей Грузии. И ведь было что праздновать: пусть в пределах России, но все же к Грузии возвращалась древняя Месхети, родная земля, оторванная от домашнего очага обитель грузинской культуры, в которую было вложено столько труда. Несмотря на сопротивление русской администрации Грузия по возможности стала проявлять заботу о Месхети. Русская администрация же проводила в Месхети политику обрусения, вводя в школах русский и турецкий языки. Да, именно турецкий! А грузинский язык был изгнан! В результате на смену грузинскому, который вчера еще был в употреблении, пришел турецкий; а если учесть, что русский язык не любили и русского окружения не существовало, очень скоро турецкий стал господствующим. Но, несмотря на это, в Месхети превалировал грузинский элемент, и до 1917 года из общего числа жителей этого края — 419 000 — грузин было 268 000, т. е. 64 процента.

И это удивительно, потому что русское правительство делало все для вырождения грузинских мусульман. Не говоря уже об изгнании грузинского языка, здесь селили армян, турок, курдов, греков и русских. И тем не менее к 1917 году население Месхети выглядело следующим образом:

Ахалцихский уезд — население в целом 72 000, из них грузин — 66 000.

Ахалкалакский уезд — население в целом 101 000, грузин — 22 000.

Батумская область — население в целом 82 000, грузин — 74 000.

Артвинский округ — население в целом 61 000, грузин — 56 000.

Поцховский участок — население в целом 15 000, грузин — 15 000.

Ардаганский округ — население в целом 56 000, грузин — 15 000.

Олтисский округ — население в целом 32 000, грузин — 20 000.

Общее число жителей Месхети составляло 419 000 человек, из них грузин было 268 000, или 64 процента.

В первую мировую войну (1914—1918) определенные круги грузинских националистов ратовали за возвращение Лазистана и с этой целью желали победы России, но Русской империи пришел конец, с революцией возникли совершенно новые обстоятельства, и 26 мая 1918 года Грузия провозгласила себя независимым государством.

3. ВОПРОС О ГРАНИЦАХ НА КАВКАЗЕ

С объявлением государственной независимости, естественно, встал вопрос о границах. Грузия отграничивалась не только от России, но и от Турции, и Армении с Азербайджаном.

До революции вопрос о внутрикавказских границах не существовал вовсе. Кавказ был разделен на административные части — губернии, уезды, сельские общины; каждой административной единицей руководил соответствующий чиновник, армию чиновников возглавлял наместник, который подчинялся центральной власти.

Впервые вопрос о внутрикавказских границах встал в связи с планом введения земств. Тогда возникла необходимость принятия какого-либо положения о разделении территорий. После ожесточенных споров существующие тогда политические партии приняли принцип реального населения. Это значило, что при определении территории земства внимание уделяется не национально-историческим, экономическо-стратегическим или иным каким-либо соображениям, а только тому, какая национальность составляет большинство населения. Тот район, где, скажем, большинство составляли армяне, несмотря на то, что эта земля грузинская исторически и географически, должен был принадлежать армянскому земству. Подобный принцип позволял безболезненно провести административное деление Кавказа на земства, но помешала война. Когда же народы Кавказа создали свои государственные устройства, вопрос о границах снова встал на повестку дня. В первую очередь вопрос о границах с Турцией, а потом уже внутри Кавказа.

Чем должно было руководствоваться правительство Грузинской республики, решая вопрос о границах? Могло ли это правительство, несмотря на то, что оно было демократическим и социалистическим, взять в основу принцип реального населения или этнографический принцип? Или же вопрос о границах, кроме проблемы населения, включает в себя и проблемы истории, политики, стратегии, экономики, обороны? Это был уже не просто теоретический вопрос. И сегодня, вспоминая ожесточенные споры и войны, сопутствовавшие решению этого вопроса, мы должны положительно оценить усилия правительства Грузии, его борьбу за границы республики.

Коротко, в общем, скажем о внутрикавказских границах,

потому что в данный момент нас, в основном, интересуют границы с Турцией.

Чего требовала Армения? Азербайджан? Чего хотели наши соседи?

При установлении государственных границ неожиданно все вспомнили о межпартийном согласии относительно принципа реального населения в вопросе введения земств. Следовательно, и государственные границы надо проводить по этнографическому признаку или признаку реального населения, более того, и по принципу религии.

Армяне подготовили карту Армении для представления Парижской мирной конференции. На этой карте Тбилиси, Борчалинский, Ахалцихский, Ахалкалакский уезды, Мцхета, Гори, Батуми и Батумская область оказались на территории Армении!

Руководствуясь этнографическим принципом, Армения требовала от Грузии ее древнейшую столицу Мцхета, древнюю столицу Тбилиси, неотъемлемую часть Грузии Борчалло и всю Месхети! Таковы были планы Армении.

А что Азербайджан?

И у него обнаружился не меньший аппетит. Азербайджан представил Парижской мирной конференции требования, согласно которым в его пределы должны были войти Саингило (Закатала), Борчалинский, Ахалцихский уезды, Батумская область. Таким образом, кроме древнейших территорий Грузии, Азербайджан требовал и Месхети с Батуми!

Это требование опиралось уже на религиозный принцип, поскольку известно, что этнографически ни один из этих районов не имеет ничего общего с Азербайджаном.

Таким образом, зарясь на земли Грузии, соседи готовы были разорвать ее на части.

Грузия объявила о своей независимости 26 мая 1918 года, и 11 июня по предложению Ноэ Жордания была создана Комиссия по определению границ республики, которая должна была решить вопрос о границах с Арменией и Азербайджаном, т. е. установить государственную границу Грузии. В упомянутую комиссию вошли Ираклий (Каки) Церетели (соц.-дем.), Давид Ониашвили (соц.-дем.), Павле Ингороква и генерал Одишелидзе. Комиссия определила границу Грузии, которая должна была проходить следующим образом: с юга по Малому Кавказскому хребту, далее по южной границе Борчалинского уезда, по северному берегу озера Гокча, к северу по реке Акстафе до станции Дзеза, включая Саингило и за-

канчиваясь у Силаватской горы. Таким образом все свои территории, на которые зарились соседи, Грузия оставляла за собой.

Особенное противодействие этому оказали армяне. Они подняли шум в зарубежной прессе, обвиняя грузинское правительство в империализме, измене идеалам демократии и социализма. А это было серьезное обвинение для социал-демократического правительства Грузии. Вопрос дошел даже до Интернационала!

Тем не менее, социал-демократ Ираклий Церетели, не боявшись выглядеть «империалистом», стал доказывать армянам, что Ахалкалакский и Борчалинский уезды всегда принадлежали Грузии, являлись ее житницей, без которой грузинскому народу не прокормить себя, а Бамбакский и Казахский районы имеют для Грузии оборонное, стратегическое значение, и, вообще, строя свое государство, грузинский народ не может руководствоваться примитивным этнографическим принципом. А Ноэ Жордания 17 июня 1918 года от имени грузинского правительства писал правительству Азербайджана: Саингило и Борчало испокон веку являлись частью Грузии, и этот вопрос никогда не относился к спорным, хотя население их всегда было смешанным.

Но, как мы уже сказали, вопрос о внутрикавказских границах не является основным для настоящей работы. Нам, в первую очередь, интересуют судьба Месхети и постольку отношения с Турцией, которые повлекли за собой войны и восстания, обрушившиеся на Грузию.

4. ЗАКАВКАЗСКИЙ СЕЙМ И ВОПРОС О ГРАНИЦАХ

Выступив в первой мировой войне на стороне центральных государств и против Антанты, Турция объявила аннулированными Парижский (1856) и Берлинский (1878) договоры, в результате чего вопрос о пересмотре грузинских границ вновь встал на повестке дня. После того, как революция поглотила Российскую империю, павшую в тяжелых технико-экономических и моральных условиях мировой войны, союз центральных государств-победителей во главе с Германией начал в Брест-Литовске мирные переговоры с большевистским правительством.

Закавказье, оторванное от России революцией, 28 ноября 1917 года создало Закавказский Комиссариат под предсе-

дательством Евгения Гегечкори. Названный Комиссариат считал себя местным Временным правительством, со дня на день ожидая поражения большевиков и восстановления демократической власти в России. На этом ложном убеждении и вредном направлении строилась политика Закавказского Комиссариата, согласно которой Закавказье продолжало считаться частью Российской империи. Благодаря этой политике, как мы уже отметили однажды (см. «Орнати» сб. третий, май, 1934), «провозглашение независимости Закавказья весьма и весьма запоздало. К тому времени дело Закавказья практически было проиграно, ибо, почувствовав недюжинный аппетит, турецкое командование уже приставило нож к груди Кавказа». Однако, что бы ни думал Комиссариат Евгения Гегечкори, он вынужден был начать независимые дипломатические отношения с Турцией, либо же продолжать войну.

Продолжать воевать Кавказ не мог, и потому вставал вопрос о мире с Турцией. И действительно, 4 декабря 1917 года Закавказский Комиссариат вынес постановление о заключении с ней перемирия. 18 декабря 1917 года перемирие было подписано, согласно ему ни Турция, ни Закавказье не имели права вступать в какие-либо стратегические группировки. Спустя некоторое время турецкое правительство пригласило представителей Закавказского Комиссариата в Брест-Литовск на мирные переговоры (16 января 1918 года), нарушив 22 января 1918 года, очевидно, с целью давления на Комиссариат, условия договора о перемирии. Еще не получив ответа от Закавказского Комиссариата об отправке или неотправке его представителя в Брест-Литовск, 12 февраля 1918 года Турция направила войска к границам Кавказа. Поскольку в декабре—январе 1917-18 годов русская армия распалась, Закавказский фронт оказался оголенным, и двинувшиеся вперед турецкие войска легко одолели сопротивление вновь созданных армянских частей, вернув себе 30 декабря 1917 года Эрдзиджан, 4 февраля 1918-го — Баибурт, 8 февраля — Мамахатун, 12 марта — Эрзерум (Арзруми, Карнукалаки). В ответ на эти действия Закавказский Комиссариат постановил начать мирные переговоры с Турцией, о чем Е. Гегечкори известил турецкого военачальника Вехиб-пашу. Пришла пора сложных, весьма важных явлений, разобраться в которых было не так уж легко. Встал и вопрос о границах.

1 марта 1918 года, выступая в Закавказском сейме от имени комиссии по мирному договору, Ноэ Рамишвили пророчески заявил: «Как вам известно, уважаемые граждане, чле-

ны Закавказского Сейма, мы, представители революционных партий, вовсе не являемся сторонниками того, чтобы любой ценой защищать старые государственные границы... Мы думаем, что, с одной стороны, Закавказье, с другой — Турецкая империя в тех границах, в которых они находились до войны, в 1914 году, представляли определенную целостность, и в этом смысле любое нарушение государственных границ было бы связано с осложнениями, плоды которых мы пожинали бы в течение долгих лет. А это было бы весьма прискорбно и для нас, и для Турецкой империи. Нам кажется, народы Закавказья, благодаря своим жизненным интересам, настолько спаяны между собой, что любое отсечение хотя бы незначительной части, привело бы к неурядицам, весьма нежелательным для их мирной жизни... Комиссия полагает, что в основу будущего мирного договора должны быть положены те государственные границы, которые существовали между Россией и Турцией до объявления войны 1914 года».

Таким образом, Закавказье с самого начала четко выразило свой взгляд на границы, и 1 марта 1918 года Закавказский Сейм единогласно постановил: в основу мирного договора с Турцией положить государственные границы, существовавшие между Россией и Турцией до объявления войны 1914 года.

Была избрана мирная делегация во главе с Акакием Чхенкели.

В то же время параллельно в Брест-Литовске продолжались мирные переговоры, и там возник вопрос о Кавказе. Турция хотела получить от России формальное согласие на мир, а условия мира обсуждать с фактическим правительством Закавказья — проводя такую политику, она выиграла бы либо в Брест-Литовске, либо в Тбилиси. Так оно и случилось: как мы знаем, именно в Брест-Литовске Турции удалось одержать победу.

5. МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ И СУДЬБА МЕСХЕТИ

Как же был заключен Брест-Литовский мирный договор, и как решил он судьбу Месхети?

Как известно, разложив фронт, большевистское правительство решило начать с Германией мирные переговоры. Представители центральных государств (т. е. Германии, Австро-

Венгрии, Болгарии и Турции) встретились в Брест-Литовске с представителями Советской России. Мирные переговоры начались 22 декабря 1917 года и касались, в основном, общих принципов, на которых должен был строиться мир. Затем переговоры прекратились и возобновились 9 января 1918 года.

Вопрос о кавказских границах поначалу не поднимался, но после возобновления переговоров на заседании политической комиссии 18 января 1918 года представитель германской делегации статс-секретарь фон Кульман спросил представителя советской делегации Льва Троцкого: находятся ли кавказские войска в распоряжении большевистского или Петроградского правительства? Фон Кульман тут же добавил, что Троцкий может не отвечать на этот вопрос. Но хвастун Троцкий, уверенный в скорейшем наступлении мировой революции, заявил, что кавказские войска находятся в распоряжении народных комиссаров.

Таким образом, вопрос Кавказа формально был решен, ибо, если Троцкий заявляет, что кавказские войска находятся в его распоряжении, стало быть требования освободить занятые ими обширные турецкие территории будут предъявляться ему.

Так и случилось. На заседании 9 февраля 1918 года фон Кульман заявил, что считает неприемлемым мирный договор, не подтверждающий гарантий того, что Петроградское правительство освободит территории союзника Германии (т. е. Турции). При этом отметил, что слова Троцкого о том, что войска, занимающие турецкие территории, находятся в распоряжении Петроградского правительства, сомнений не вызывают. Троцкий, в свою очередь, заверил его: мы освободим земли Анатолии и Армению, как освободили Персию.

Вот на таких измышлениях и лжи были заложены основы формальных переговоров и споров относительно Кавказа, ибо в то время, в январе—феврале 1918 года советское правительство не имело никакого отношения ни к Закавказью, ни к его фронтам. Благодаря этой лжи Германия и Турция получили формальный повод требовать от Троцкого не только освобождения занятых Россией турецких территорий, но и выполнения того, что составляет содержание четвертого параграфа Брест-Литовского мирного договора, касающегося Кавказа и принесшего его народам великие бедствия.

Второй тур мирных переговоров в Брест-Литовске закончился безрезультатно. Германия возобновила военные действия против Советской России, поставив ей 21 февраля 1918

года ультиматум, пятый пункт которого предписывал немедленно вернуть Турции «анатолийские провинции». Что это за «анатолийские провинции», делегация России прекрасно поняла, когда ультиматум был принят, и мирные переговоры возобновились в третий раз теперь уже под давлением штыков, поскольку война до окончания переговоров продолжалась, а договор надо было подписать в три дня.

И вот 1 марта 1918 года представитель делегации Германии посол Розенберг зачитал текст мирного договора, который должна была принять Россия, сопроводив упомянутый пятый пункт ультиматума следующим пояснением: представители делегации России могли убедиться, что в пятом пункте речь идет не о турецких округах, занятых русскими войсками, а именно о восточных провинциях Анатолии. Это обстоятельство обусловлено тем, что мы считаемся с желанием жителей Ардаганского округа, Карской и Батумской областей, которые Турция была вынуждена уступить России в 1878 году. Местное мусульманское население обратилось к нам с просьбой помочь им и освободить от насилия, которому подвергают их русские войска. Это мусульманское население настоятельно просит правительства Турции и Германии дать им возможность вновь присоединиться к Турции, но мы этого не требуем, дабы не быть обвиненными в аннексионных устремлениях. Итак, второй пункт четвертого параграфа определяется минимумом наших требований — Ардаганский округ, Карская и Батумская области незамедлительно должны быть оставлены русскими войсками; Россия не будет вмешиваться в их внутреннюю и международную жизнь и даст им возможность строить свою государственность на основе согласия с другими государствами, особенно с Турцией. Первое условие имеет целью по возможности оградить население от последующего насилия; второе же, согласно провозглашенному правительством России принципу о самоопределении народов, преследует цель дать возможность населению отмеченных округа и областей высказать свое мнение о будущем собственной судьбы...

Вот таким образом представитель делегации Германии аргументировал решение вопроса о Батуми, Карсе и Ардагани. 3 марта 1918 года представитель русской делегации Раскольников формально отверг его аргументацию и заявил следующее:

Условия ультиматума, представленного правительством Германии 21 февраля, в настоящий момент нарушены. Пра-

вительству Германии безразлична истинная воля жителей Ардаганского округа и Карской и Батумской областей, оно отно-
мает их у нас в пользу Турции, которая и не завоевывала эти
земли. Переход Карса в руки Турции означает ослабление обо-
роны Тбилиси, а потеря Батуми прерывает нормальные отно-
шения его с Тбилиси, превращая в базу для военных операций
против Кавказа, для нападений на ущелья Риони и Куры и т. д.

Само собой разумеется, что на поднятые Раскольниковым
вопросы отвечал представитель турецкой делегации Хаки-па-
ша. Он припомнил ему, что Карский, Ардаганский и Батум-
ский округа принадлежали Турции на протяжении четырех
веков. Карс никогда не угрожал России. Он представлял со-
бой оборонную крепость, а Россия аннексировала его. На про-
тяжении четырех веков Турция ни разу не использовала Ба-
туми как плацдарм для нападения на Кавказ. И, что особо
следует отметить, такая большая империя, в руках которой
находился Батуми, ни разу не пыталась напасть на маленькое
государство Грузия. Россия имеет на Кавказе достаточно пор-
тов, к примеру Поти, который весьма приспособлен для
торговых отношений с Тбилиси. Батуми был уступлен России
по Берлинскому трактату 1877—1878 гг. как часть военной
контрибуции, который, согласно сегодняшним принципам, при-
знанным мирной конференцией, аннулирован. Мы не аннекси-
руем эти округа, что касается интересов их населений, я спра-
шиваю: какое государство имеет в этом краю больше прав,
чем Турция, которая господствовала здесь в течение четырех
веков и не вызвала против себя никаких революционных дви-
жений? Помимо всего прочего, многое связывает Турцию с
этими округами. Например, общая национальность. Россия
аннексировала этот округ и две области в счет долга, который
мы не желаем платить. Местному населению русский народ
чужд во всех отношениях: если оно хочет прийти к согласию,
то, думаю, только с Турцией.

В спор вмешивается представитель делегации Германии
Розенберг, поясняя вопрос следующим образом: условия чет-
вертого параграфа не предусматривают турецкий протекторат,
не предусматривают присоединение отмеченных округов к Тур-
ции — речь идет о праве населения самостоятельно решить
вопросы государственно-правовые и международно-правовые.
Что касается опасений относительно Тбилиси и южного Кав-
каза, высказанных руководителем русской делегации, они,
мне кажется, беспочвенны, ибо условия нашего предложения
подчеркивают, что новый порядок устанавливается на основе

договоренности с населением отмеченных округа и областей, стало быть, население будет иметь возможность проявить свою независимую волю.

Вот и весь спор относительно Кавказа и, поскольку большевистская Россия в силу ультиматума должна была подписать соглашение в три дня, 3 марта 1918 года появился на свет Брест-Литовский мирный договор.

Тбилиси, естественно, не замедлил откликнуться на это событие, и в тот же день Е. Гегечкори и Н. Чхеидзе выразили протест по поводу Брест-Литовского договора, отвергая его. О протесте известили все государства.

Как видно из отчета Брест-Литовских переговоров, вопрос о границах Кавказа поначалу не стоял на повестке дня, он возник только 18 января 1918 года по требованию Турции, которое было поддержано Германией как союзницей Турции.

Вопрос о кавказских государствах тогда не существовал. Большевистская Россия считала Кавказ своим, и ответа потребовали от нее, впрочем, в то же время Турция пригласила представителей Закавказского Комиссариата на мирные переговоры в Брест-Литовск, от чего последний отказался. Так что нет ничего удивительного в том, что Германия поддержала Турцию, это было даже естественно. Эта мысль звучит и в воспоминаниях Людендорфа, где мы читаем: «Турки потребовали Батуми и Карс. Оба весьма продолжительное время находились в руках Турции. Интересы турок для нас мало что значили. Их осуществление соответствовало нашим союзническим отношениям».

Так, не спрашивая закавказские народы, не интересуясь ни желанием их, ни согласием, стороны подписали в Брест-Литовске мирный договор, четвертый параграф которого предписывал России немедленно оставить Ардаганский округ и Батумскую и Карскую области, а жителям этих округов самим определить свою судьбу.

С этим решением в руках вооруженная ружьями и пушками Турция 10 марта 1918 года потребовала от Закавказского правительства незамедлительно освободить Ардаганский округ и Батумскую и Карскую области.

6. БОРЬБА ЗА МЕСХЕТИ В ТРАПЕЗУНДЕ И ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ

Закавказская мирная делегация во главе с Акакием Чхенкели находилась в это время в Трапезунде, и 10-го же мар-

та 1918 года Е. Гегечкори сообщил в Трапезунд, что Брест-Литовский договор, подписанный правительством (большеви-ков), которое мы не признаем, необязателен для нас, и Закавказье как самобытная единица готово начать мирные переговоры с Турцией.

11 марта 1918 года Закавказский Сейм обсудил итоги Брестского мира и единогласно отверг требования Турции, а 13 марта 1918 года в Трапезунде начала работу мирная конференция, на которой были представлены как Турция, так и Закавказье.

Закавказская республика находилась в ложном положении в том смысле, что формально она не провозглашала своей независимости, хотя фактически таковой являлась. Но Турция, заинтересованная в том, чтобы подписанный большевистской Россией Брест-Литовский мир подтвердило бы само Закавказье, от лица главы своей делегации Рауф-бея потребовала, чтобы 16 марта 1918 года закавказские войска оставили Карс, Ардагани и Батуми.

К тому времени турецкие агенты уже наводнили Месхети, сколачивая здесь мусульманские отряды, которые 19 марта 1918 года захватили Ардагани. Начался хаос и бегство христианского населения.

Закавказская делегация заявила Рауф-бею, что Брест-Литовский договор для Закавказья формально не имеет силы и по существу не приемлем, но победившая Турция не приняла во внимание это заявление и 20 марта 1918 года потребовала от закавказской делегации принятия условий договора.

На другой день, 21 марта 1918 года, Ак. Чхенкели составляет план мирного договора, в основу которого должны были быть положены границы 1914 года. Со своей стороны, делегация Турции заявляет, что Брест-Литовский договор обязателен для Закавказского правительства.

Этот вопрос вторично ставится в Тбилиси на объединенном собрании Президиума Закавказского Сейма, правительства и представителей фракций, которое 25 марта 1918 года единогласно постановляет: сохранить границы 1914 года. Это постановление было подтверждено решением заседания Сейма от 25 марта 1918 года, но в то же время Ак. Чхенкели наделяется чрезвычайными полномочиями для ведения мирных переговоров с Турцией.

В создавшихся тяжелых условиях под давлением штыка происходит определенное отступление — 5 апреля 1918 года закавказская делегация объявляет Турции о новых гра-

ницах, по которым к Турции отходят Олтисский край, южная часть Ардаганского округа, юго-западная часть Карской области и западная часть Кагизмана.

Эта небольшая уступка не понравилась Турции, и 7 апреля 1918 года Рауф-бей предъявляет Ак. Чхенкели ультиматум: в течение 48 часов дать ответ, принимает он или нет условия Брест-Литовского мира.

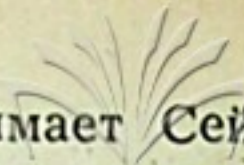
7 же апреля 1918 года Чхенкели просит Е. Гегечкори прямо поставить перед Сеймом вопрос: может ли он защитить с оружием в руках Батуми, Ардагани и Карс? Но Турция опередила его, и ее войска вторглись на территорию Закавказья. Таким образом Турция пожелала поставить Закавказье перед фактом.

На другой день, 8 апреля 1918 года, на заседании президиума Сейма, правительства и председателей всех его фракций в Тбилиси было принято решение уступить Турции районы, указанные в телеграмме Чхенкели. То есть Карскую область с Карсом, но без Артвинского округа. Однако армяне просили Чхенкели постараться оставить Карс в пределах Закавказья.

В тот же день, 8 апреля 1918 года, Турция отдала приказ своим войскам продвинуться в глубь Закавказья, и Чхенкели срочно просит Е. Гегечкори принять условия Брест-Литовского договора.

Вторгшимся турецким войскам оказали сопротивление нерегулярные армянские и грузинские войска. Началась война. Дипломатические переговоры между тем продолжались, и 10 апреля 1918 года А. Чхенкели сообщает турецкой делегации, что он признает условия Брест-Литовского договора. Члены мирной делегации армяне А. Хатисов и Качазнуни сообщают представителю правительства Е. Гегечкори, что в создавшихся условиях единственный выход — признать условия Брест-Литовского договора, выбрать меньшее из зол. Поэтому А. Чхенкели, со своей стороны, 12 апреля 1918 года просит Е. Гегечкори приостановить военные действия против Турции. В тот же день, 12 апреля 1918 года, турецкий военачальник в ультимативной форме предлагает батумскому коменданту немедленно очистить Батуми.

В таких чрезвычайно тяжелых условиях 13 апреля 1918 года в Тбилиси состоялось объединенное заседание Закавказского правительства, Президиума Сейма и представителей его фракций, которое единодушно приняло резолюцию Ираклия Церетели — отозвать из Трапезунда мирную делегацию.

В тот же день такое же постановление принимает Сейм, но тут выясняется, что мусульманская часть Сейма не примет никакого участия в действиях против Турции.

Вообще, надо сказать, что в древности мусульмане в армию не призывались, так что практически солдат-мусульман не существовало. Но вместе с тем сильнейшая политическая партия Азербайджана «Мусават» («Равенство») была сторонницей турецкой ориентации, и не удивительно, что на том же заседании Сейма азербайджанец Рустамбеков от имени фракции «Мусавата», беспартийной группы мусульман, Российской мусульманской партии (Иттихат), т. е. всей мусульманской части Сейма заявил, что войну с Турцией можно выиграть только на основе полного единства и солидарности. Но, продолжал он, «мы сомневаемся в возможности достижения этого единства, если начнутся военные действия. Мы не можем принять активного участия в этой войне и, стало быть, нести ответственность за нее».

Итак, Азербайджан как практически, так и формально отказался от военных действий против Турции и устами Рустамбекова заявил о своем «нейтралитете», на словах, впрочем, обещая оказывать посильную помощь.

Таким образом, пока речь шла о мирных переговорах с Турцией, Азербайджан был со всеми вместе, но как только вопрос коснулся войны, он изменил свою политику. Справедливости ради надо отметить, что и в вопросе о мире Азербайджан придерживался турецкой точки зрения.

Естественно, вопрос о мире и войне вызвал раскол среди кавказских народов. И постольку резолюция Сейма об отзыве мирной делегации, которая означала продолжение войны, не была поддержана мусульманами, так что на поле боя оставались лишь армяне и грузины.

Мирные переговоры с Турцией были прерваны, и уже и официально началась война. В тот же день правительство призывало народ к оружию.

Неожиданно начавшаяся 9 апреля 1918 года война к 13 апреля становится официальной, и военные действия между турецкими войсками и грузино-армянскими частями продолжаются до 22 апреля 1918 года. Отряды армяно-грузинских добровольцев не могли оказать достойного сопротивления регулярным турецким войскам. 15 апреля 1918 года турки заняли Батуми, а до этого 7 апреля — Озургети. Но в битве на Чолоке турки потерпели жестокое поражение.

Тем не менее большая часть Закавказья оказалась под турками, в частности вся Месхети вплоть до Боржоми.

Продолжать войну в таких условиях не представлялось возможным, и, объявив 22 апреля 1918 года о независимости Закавказья, Закавказское правительство постановило начать с Турцией немедленные переговоры о мире.

Председатель правительства независимой Закавказской республики Акакий Чхенкели 23 апреля 1918 года обращается к Вехиб-паше с просьбой о приостановлении военных действий, что и было исполнено в тот же день. Но турки все же нарушают соглашение, занимают Карс, продвигаются к Гумбри или Александрополю. Ак. Чхенкели заявляет протест против действий турок. Турция пропускает протест Ак. Чхенкели мимо ушей, а Вехиб-паша сообщает ему, что турецкое правительство признало независимость Закавказья, и мирные переговоры начнутся в Батуми. 3 мая 1918 года тот же Вехиб-паша дает знать Чхенкели, что турецкие войска уйдут из Озургети и станут на границе 1877 года. Это было знаком того, что у турок родилось намерение пренебречь условиями Брест-Литовского мира и установить новые границы, на сей раз по линии русско-турецкой границы 1877 года. Поэтому Батумская мирная конференция незамедлительно начинает работу — 11 мая 1918 года стороны приступают к переговорам.

Министр юстиции Турции, председатель турецкой мирной делегации Халил-бей сразу же потребовал пропуска турецких войск по железным дорогам Закавказья в направлении Баку и Персии. 15 мая 1918 года председатель правительства и мирной делегации Закавказья Ак. Чхенкели выразил по этому поводу протест, но в тот же день турки двинулись в сторону Александрополя. Закавказская делегация обратилась с протестом к представителю Германии, союзницы Турции, в связи с военными действиями Турции, и в тот же день 15 мая 1918 года Халил-бей потребовал от Ак. Чхенкели принять условия Брест-Литовского мира, а также установить новые границы.

Положение осложнялось еще и тем, что комиссар по иностранным делам Советской России Чичерин выражал свой протест правительству Германии против факта существования закавказского правительства, требовал своего участия в Батумской мирной конференции, отмечая при этом, что его участие в ее работе не означает признания Россией закавказского правительства.

Закавказская делегация, естественно, отвергла меморан-

дум Халил-бея, в свою очередь, потребовала, чтобы мирные переговоры проходили в рамках условий Брест-Литовского мира.

В это время представитель Германии фон Лосов уже активно участвует в спорном вопросе и 16 мая 1918 года сообщает Ак. Чхенкели, что принял меры для сдерживания турецких войск и поставил в известность об этом турецкую делегацию. Однако турки, как видно, посчитали этот шаг фон Лосова обычным дипломатическим маневром и развернули штурм Александрополя. Ак. Чхенкели снова выступил с протестом, на который немедленно откликнулся Халил-бей, квалифицировавший действия турецких войск как стратегические маневры.

17 мая 1918 года мирная делегация Закавказья вновь настаивает на том, чтобы мирный договор был заключен в рамках условий Брест-Литовского мира. В ответ на это 18 мая 1918 года турки занимают Александрополь и в ультимативной форме требуют открытия дороги на Джульфу, дав на раздумывание один час.

Перед лицом откровенного насилия Ак. Чхенкели в тот же день, 18 мая 1918 года, сообщает Халил-бею, что он не против продвижения турецких войск к Персии, но необходимы гарантии для защиты местного населения. 18-го же мая турецкая делегация предъявляет закавказцам меморандум, в котором говорится, что должен быть поставлен вопрос о новых границах Закавказья.

Вмешательство Советской России в дела Закавказья, разумеется, было неприемлемым, и 19 мая 1918 года Ак. Чхенкели обращается к главе германской делегации генерал-майору фон Лосову, отклонив тем самым ноту Чичерина. К этому времени Германия уже активно участвует в споре между Закавказьем и Турцией. 19 мая 1918 года фон Лосов письменно извещает закавказскую делегацию о своей готовности быть посредником между нею и турками, поскольку переговоры между ними зашли в тупик. Предложение было с радостью принято в тот же день.

Во время этих письменных переговоров турецкие войска, разумеется, не остановили своего движения и к 20 мая приблизились к Караклисскому фронту, собираясь, по сведениям Назарбекова, занять Лорэ и Тбилиси.

25 мая 1918 года органы самоуправления Тбилиси объявили народу, что к городу приближаются турецкие войска и необходимо защитить его. Ак. Чхенкели вновь посылает про-

тест турецкой делегации в связи с продвижением турецких войск. Происходят столкновения.

В это тревожное время Советская Россия снова вмешивается в дела Закавказья. В телеграмме от 19 мая 1918 года она протестует против того, что правительство Закавказья отрезает преданной Советской России Абхазии путь к морю. Сам фон Лосов предупреждает закавказское правительство, что Советская Россия грозит вторжением в Закавказье со стороны Сухуми и Баку, и лучше воздержаться от дальнейших действий. Следует отметить, что в это время в Сухуми организуется большевистское восстание, которое было подавлено грузинскими силами. Тогда Чичерин вновь потребовал своего участия в мирных переговорах, предлагая провести их в другом городе, поближе к Москве. Но никто ему не ответил — не до того было.

24 мая 1918 года председатель турецкой делегации Халилбей отвергает предложение фон Лосова о посредничестве на мирных переговорах, а на другой день 25 мая уже сам фон Лосов отказывается от своего предложения, мотивируя его тем, что Закавказская республика находится на грани распада.

26 мая 1918 года турецкая делегация предъявляет закавказской делегации ультиматум, в течение 72 часов требуя ответа на следующие вопросы — установление новых границ, свободная перевозка войск и никакого сопротивления Турции на юге Кавказа.

26 же мая 1918 года в три часа состоялось заседание Закавказского Сейма, на которое был вынесен вопрос о распаде единой и независимой Закавказской республики.

Что произошло? Почему распалась независимая республика?

7. ПРИЧИНЫ РАСПАДА ЗАКАВКАЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Уже 25 мая 1918 года фон Лосов отметил, что Закавказская республика находится на грани распада, но фактически этот распад начался гораздо раньше, а именно, когда турецкие войска подошли к Кавказу и у предводителей мусульманской части населения Кавказа проснулось желание соединиться с Турцией или войти под ее покровительство.

России уже не было над ними, в Закавказскую республику они не верили, да и не желали ее, потому делали все, чтобы поставить Закавказье перед Турцией на колени и та-

ким образом включить его в окружение султанской империи. Представители азербайджанского народа как в правительстве, так и в Сейме отказывались бороться против Турции, то есть защищать Закавказскую республику. Они призывали мусульманское население Месхети и других районов к восстанию, составляли для него письма с просьбами о воссоединении с Турцией и во время мирных переговоров то скрытно, то явно поддерживали турецкую делегацию, будучи ее истинными агентами в закавказской делегации.

Таким образом турецкая ориентация со стороны Азербайджана подорвала основы закавказского единства. Закавказская республика, как государство, оказалась обреченной, что не могло укрыться от фон Лосова, тем более это было очевидно для армян и грузин, которые оставались одни на поле боя. Создавшееся тяжелое положение соответствующим образом охарактеризовал в Закавказском Сейме Ираклий Церетели, который, говоря о причинах распада Закавказской республики, заявил следующее: «Объединяющие Закавказье силы оказались более слабыми, чем разъединяющие... особенно благодаря влиянию внешних обстоятельств — приближению к границам Кавказа чуждой, вражеской силы и последующему ее вторжению. Вторжение Турции в пределы Закавказья усилило здесь протурецкие настроения, исключило из закавказского единства многочисленные народы, живущие в Закавказье, — мусульманские народы... Ужас положения заключается не только в том, что более сильный враг диктует нам свои условия, что он вторгается на территорию и ставит нас перед фактом оккупации того или иного округа Закавказья, но и в том, что, когда государственный организм испытывает воздействие разрушающих сил, это государство не имеет даже организации, выражающей истинные устремления всех его жителей, с которой, как таковой, могла считаться противная сторона... Так, в Батуми противостоят друг другу не две стороны — государственная делегация Турецкой империи, делегация Германской империи противостоят делегации, о которой говорят (причем те, кто несомненно связан с большинством населения Закавказья), что эта последняя (т. е. делегация закавказского правительства) не выражает воли и настроений этого большинства. Государства, от лица которого можно было бы говорить в Батуми, хотя бы в случае поражения, попросту не существует... Что случилось? А случилось то, что в процессе мирных переговоров происходит поспешная оккупация закавказской территории. Поспешная оккупация, которая

встречает сопротивление лишь одной части населения Закавказья, одного народа, в то время как другая его часть, до вольно ощущаемая, не только не сопротивляется, но и открыто сочувствует этому. И мы видим, как противная сторона прекрасно использует создавшуюся ситуацию и то и дело ставит официальных представителей Закавказской республики перед фактом захвата того или иного округа... Фактически восточное Закавказье (Азербайджан — В. Н.) не поддерживает решения, которые принимает здесь, в Батуми, официальное представительство всего Закавказья, или наша официальная делегация. Большая часть Закавказья (мусульманская — В. Н.) прямо или косвенно подчиняется тем, кто ведет переговоры с нашей делегацией (Турции — В. Н.). Большая часть Закавказья уже отошла от Закавказской республики под действием силы; имеются в виду армянские территории, которые, несмотря на отчаянное сопротивление, армянский народ вынужден был уступить врагу, превосходящему его силой; другая часть Закавказья (Азербайджан — В. Н.) фактически уже откололась, поскольку в решающий момент не поддержала нас, а представители ее взяли сторону противной стороны! (Турции — В. Н.) тайно или официально».

И Сейм Закавказской республики большинством голосов при двух выступивших против, принял следующую резолюцию:

«Поскольку в вопросах войны и мира между народами, создавшими Закавказскую независимую республику, возникли серьезные разногласия и выступление авторитетной власти, которая говорила бы от лица всего Закавказья, стало невозможным, Сейм подтверждает факт распада Закавказской республики и отказывается от своих полномочий».

Так прекратила свое существование Закавказская республика. Она распалась ввиду различия ориентаций, отсутствия общекавказской политики, разногласий на почве защиты Месхеты и Карса. В результате возникли три независимые республики — Грузия, Армения, Азербайджан.

8. МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ ГРУЗИНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ИМПЕРИЕЙ И СУДЬБА МЕСХЕТИ

26 мая 1918 года в 4 часа 50 минут Грузия объявила о своей независимости. Председателем правительства стал Ноз Рамишвили. Но вооруженная до зубов Турция, занеся меч

над новорожденной республикой, 26 же мая 1918 года предъявляет ее правительству тот же ультиматум, что ^{31 мая 1918 года} ~~днем раньше~~ — Закавказской республике.

Председатель правительства Грузинской республики Ноз Рамишвили спрашивается у Халил-бея, относится ли этот ультиматум к Грузии. 31 мая 1918 года Халил-бей подтверждает ультиматум и дает двенадцать часов на ответ.

Тут на арену, не таясь, выходит Германия, которая, пообещав Грузии помощь, рекомендует ей поскорее заключить с Турцией мирный договор. Поэтому 31 мая 1918 года Ноз Рамишвили отвечает Халил-бею, что Грузия разрешает турецким войскам воспользоваться железными дорогами республики, границы же будут установлены согласно условиям Брест-Литовского мира. Что касается вопроса Ахалкалаки-Ахалцихе, он будет обсужден на мирных переговорах.

Эти мирные переговоры проводились в Батуми и закончились 4 июня 1918 года договором о «мире и дружбе» между республикой Грузия и Турецкой империей. По условиям Батумского договора к Турции отошли вся юго-западная, или мусульманская Грузия, вся Месхети, за исключением Ацкури и Абастумани.

Однако, несмотря на Батумский мир, турецкие войска продолжали вторжение в пределы Грузии, происходили столкновения, и тогда германский штаб принял меры для остановки турецких войск.

О вступлении германских войск на территорию Грузии правительство сообщило грузинскому народу 13 июня 1918 года. В сообщении говорилось, что германские войска призваны самим правительством Грузии и цель их защищать границы республики, действуя по указанию ее правительства.

И действительно, германские войска приняли участие в военных действиях против Турции и 13 июня 1918 года в битве за Борчалинский уезд понесли даже потери. Вместе с тем фон Лосов предупредил грузинское правительство, чтобы охраняющие железные дороги и порты грузинские и германские части не стреляли в турок, а объявляли им, что стоят по приказу германского правительства.

Батумский мир завершил войну между Турцией и Грузией. В результате поражения в этой войне Грузия потеряла Месхети, и теперь уже борьба разгорелась вокруг четвертого параграфа Брест-Литовского мира.

Согласно четвертому параграфу Брест-Литовского мира

Карс, Ардагани и Батуми должны были самоопределиваться путем голосования. Турецкие агенты, которые в свое время устраивали в Месхети восстания, преследовали всех, кто придерживался грузинской ориентации.

Уже 29 июня 1918 года Ноэ Жордания обращает внимание представителя Германии графа фон Дер-Шуленбурга на незаконные действия турок в Батуми. Турки арестовывали и высылали аджарцев и вообще мусульман, считавших себя грузинами.

Однако планы Турции не исчерпывались захватом Месхети. Мы уже говорили о ее наступлении на Борчалю. Теперь турки пожелали прибрать к рукам Абхазию и в июне высадили там десант. 28 июня 1918 года, поставив об этом в известность генерала фон Крессенштейна, правительство Грузии вместе с национальным Советом Абхазии заявляет протест и просит генерала принять необходимые меры. Одновременно в соответствии с условиями Батумского мира грузинское правительство требует от Турции освобождения Ацкури и Абастумани (Одзрхэ).

После Борчалю и Абхазии турки вторглись в Саингило (Закатала) и стали вести среди местного населения антигрузинскую пропаганду. 18 июля 1918 года правительство Грузии посылает ноту генералу фон Крессенштейну, в которой говорится, что Саингило или Закаталский округ — исторически и географически тесно связан с Грузией, часть его заселяет грузинское племя — ингилойцы.

В это же время турки готовятся к референдуму в Батуми и 14 июля 1918 года самостоятельно проводят его, тогда как в проведении референдума должна была принять участие и соседняя страна, т. е. Грузия. Правительство Грузии сообщило об этом представителю Германии фон Крессенштейну, который подтвердил, что способ проведения турками референдума незаконный. 1 августа 1918 года правительство Грузии выразило свой протест Турции по поводу незаконного проведения референдума, но 12 августа военачальник 5-й турецкой армии Эссад в своем ответе отметил, что референдум отвечал требованиям закона.

В это же время правительство Грузии выносит вопрос на международную арену, обратившись со специальным меморандумом ко всем народам и государствам, в котором дается вкратце история объявления независимости Грузии и говорится о государственно-территориальном ее составе.

Территория республики Грузия состоит из «трех бывших губерний Закавказья — Тбилисской, Кутаисской и Батумской и двух округов — Сухумского и Закаталского. Эта территория включает в себя 80 000 квадратных километров, население ее составляет 3 100 000 человек. Отсюда Батумская губерния, равная примерно 7 000 квадратным километрам с населением 200 000 человек, совершенно незаконно занята турецкими войсками, которые, согласно программе президента Вильсона, должны быть немедленно выведены оттуда... Когда Турция выведет свои войска из Карской области, она будет разделена на две части — западную и восточную; западная часть (Артаанский и Олтисский участки) должна быть присоединена к этнографически и исторически родственной Грузии, а восточная (Карский и Кагизманский участки) — к Армении».

Таким образом, несмотря на то, что почти вся Месхети была под Турцией, правительство Грузии требовало не только присоединения Батумской области, но и включения в пределы Грузии Ардаган-Олтисского района, т. е. мусульманской Грузии, всей Месхети. Борьба велась только дипломатическим путем, но была весьма важной для восстановления исторической целостности Грузии. И хотя в это время в Месхети господствовали турки, закат Турецкой империи неотвратимо приближался. Она потерпела сокрушительное поражение в Малой Азии и быстрыми шагами шла к концу.

Перед окончательным поражением 18 октября 1918 года турки освободили Ацкури и Абастумани, по условиям Батумского мирного договора отошедшие к Грузии. В то же время в Стамбуле Хикмет-бей уверял представителя делегации Грузии Зураба Авалишвили, что Турция освободит все районы, не оговоренные Брест-Литовским договором: а Изет-паша заявлял: если Турции суждено будет оставить три санджака* — Батуми, Ардагани, Карс, она уступит эту часть грузинской земли Грузии...

Известно, что 17 августа 1918 года Россия заключила в Брест-Литовске «дополнительный договор» с Германией. По этому договору Германия с согласия России признала независимость Грузии. Тринадцатый параграф сформулирован следующим образом: «Россия выражает свое согласие на признание Германией Грузии как самостоятельного государства». Согласно тому же договору (параграф четырнадцатый) Баку

* Округа.

оставался в руках России. Официальное разъяснение по этому вопросу, данное правительством Германии, звучало так: в отношении других кавказских государств мы не смогли добиться тех же результатов, что и в отношении Грузии, поскольку Советская Россия весьма заинтересована в сохранении Баку и его нефти. Таким образом, Баку остался за Россией и, когда 15 сентября 1918 года турецкие войска заняли город, спустя несколько дней правительство Советской России выразило протест и формально аннулировало Брест-Литовское соглашение, поскольку оно касалось ее отношений с Турцией.

Брест-Литовский мирный договор полностью был аннулирован советским правительством позднее, 13 ноября 1918 года в результате свершившейся в Германии революции.

В течение этого времени Батумский договор от 4 июня 1918 года не вступал в силу, никто его не утверждал, ибо Грузия приняла меры, чтобы этот тяжелый и неприемлемый для нее договор был бы аннулирован, то хотя бы изменен. Через два дня после его подписания, т. е. 6 июня 1918 года грузинская миссия в Берлине передала министерству внутренних дел Германии ноту, в которой говорилось, что грузинская сторона была вынуждена подписать Батумский мир под давлением и по требованию турецких штыков, что Батумский мирный договор должен быть пересмотрен специальной конференцией центральных государств. Председатель правительства Германии фон Кюльман принял к сведению предложение грузинской миссии и заверил ее, что немедленно примет меры для созыва этой конференции. Турция дала согласие Германии на созыв конференции, т. е. на пересмотр Батумского договора. Итак, Батумский договор не был утвержден, но и конференция не успела состояться в силу поражения центральных государств.

30 октября 1918 года разгромленная и разграбленная в мировой войне Турция заключила с представителем Антанты, генералом Калтропом, Мудросское временное мирное соглашение.

Еще до заключения мира Турция начала выводить свои войска из Закавказья, согласно же 11 параграфу Мудросского мира Турция по требованию Антанты должна была освободить и те территории Закавказья, которые были еще заняты ею. В соответствии с 15-м параграфом Мудросского мира железные дороги Закавказья, находившиеся под контролем Тур-

ции, переходили под контроль Антанты. Здесь же говорилось относительно оккупации Батуми и отмечалось, что Турция не будет препятствовать занятию Антантой Баку.

Таким образом Брест-Литовский договор был аннулирован и окончательно отменен Версальским мирным договором 19 июня 1919 года (параграф 116).

Побежденная Турция заблаговременно извещает правительство Грузии, что оставляет занятые ею территории. Турки покидали обильно политую кровью и удобренную несчастьями землю Месхети. Так полным крахом завершилась к тому времени политика Турции в Закавказье.

9. ЗАКАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА ТУРЕЦКОЙ ИМПЕРИИ И ЕЕ КРАХ

В течение этого недолгого времени на фоне многочисленных и важных по значению событий окончательно стали ясны общее направление политики Турции и ее замыслы. С победой Турции возрастает и ее аппетит, политика старых султанов вновь обретает крылья: как и встарь, Турция пожелала владеть Кавказом. В качестве повода она использовала полученные по условиям Брест-Литовского договора Карс-Ардагани-Батуми и, вступив таким образом на кавказскую землю, решила прибрать ее к рукам.

Но зададимся вопросом: пойдя правительство Закавказской республики с самого начала на уступки и прими оно без колебаний условия Брест-Литовского мира, удовлетворилась бы ли Турция полученным и не перешла бы за пределы указанных округов? На этот вопрос можно дать однозначный ответ.

Потерпев поражение на Кавказском фронте, после русской революции, разложения русского войска и оголения линии фронта, Турция быстро вернула себе утраченные территории и к 1914 году подошла к границам Кавказа. Здесь перед нею встала дилемма: либо помочь фактически существующему закавказскому правительству, содействовать созданию Закавказской республики и ее утверждению, либо же воспользоваться создавшейся ситуацией и постараться, как ранее, занять Кавказ, на худой конец аннексировать его мусульманские страны.

Оглядываясь назад, можно утверждать, что политика Ту-

рецией империи оказалась близорукой, недальновидной. Она решила прибрать к рукам Кавказ и частично добилась этого, потому что в ее руках оказались весь Азербайджан, больше половины республики Армения, целые районы Грузии, как-то: Батумская область, грузинская часть Карской области, Ахалкалакский уезд, большая часть Ахалцихского и Борчалинского уездов, при этом христианская часть Кавказа подверглась особым атакам, поскольку была единственным препятствием на пути осуществления политики пантюркизма.

Политика пантюркизма охватывала не только Кавказ, но и Персию, Туркестан, Афганистан, всю Центральную Азию, Кавказ представлял собой то звено, которое находилось в пределах пантюрокской политики Турции.

Известно, что брат Энвер-паши Нури-паша организовал на Кавказе особые войска, т. н. «исламскую армию», главный штаб которой находился в Гяндже и которая должна была объединить все мусульмано-тюркские страны: Туркестан, Центральную Азию, северную Персию, Кавказ, татар юга России. Кавказу в этом обширном плане по созданию пантюрокской империи отводилось почетное место. И когда кавказская линия фронта оказалась оголенной, Турция поспешила занять его. Туркам казалось это пустячным делом, попросту военной прогулкой, поскольку они ожидали большого содействия со стороны братьев-азербайджанцев и мусульман вообще. В этом они не ошиблись, но прогулке помешали нерегулярные грузинские и армянские войска и грузинская дипломатия. Была пролита кровь, испортились хорошие до того отношения, возникла вражда, но, под конец, в результате вмешательства Германии турецкие планы в отношении Кавказа были значительно урезаны. В подтверждение этому приведем отрывок из воспоминаний немецкого военачальника Людендорфа: «Турки не ограничились взятием Карса и Батуми, они и не думали удовлетворяться этим, желая добиться большого влияния на Кавказе. С этой целью среди мусульманского населения Азербайджана была развернута пропаганда. Сюда прибыл брат Энвера Нури для организации новых отрядов. В это же время Турция начала переговоры с Грузией, Азербайджаном, Арменией, республиками, являвшимися частью России, на которых по приказу военного командования Германии присутствовал генерал фон Лосов.

Я свободно мог подтвердить принятые Турцией меры, которые могли бы способствовать ведению войны вообще, но

эти меры не должны были ограничивать особые военные задачи Турции или затруднять доставку нами сырья из Кавказа, которое, как мы ожидали, должно было значительно облегчить наше положение. В задачу Энвера входила борьба против Англии, в частности, на палестинском фронте. На это я ему указывал постоянно в четких телеграммах. Сейчас возникла возможность встречи с англичанами на севере Персии. Этому способствовал железнодорожный путь из Батуми через Тбилиси на Тавриз. На севере Персии турки могли иметь преимущество перед персами. Использование азербайджанцев против них засчиталось бы им. Мы, со своей стороны, оказали бы максимальную поддержку. Но Энвер и турецкое правительство гораздо меньше думали о войне с Англией, чем о своих панисламистских задачах на Кавказе. С ними были связаны весьма реальные цели: в частности, выгодное использование тамошнего сырья. То, что это было не на пользу немецкому военному хозяйству, знал каждый, кому были известны деловые качества турок. Таким образом, наши интересы пришли в столкновение с интересами турок».

Это противостояние интересов и доброжелательная по отношению к Грузии политика германского правительства и явились причиной того, что Германия поддержала Грузию и Армению и, в частности, протянула руку помощи Грузии, о чем мы уже писали.

Чего же добилась Турция на Кавказе?

Немецкий военачальник Лиман фон Зандерс, руководивший военной деятельностью Турции, в своих воспоминаниях между прочим писал: задача Турции заключалась в том, чтобы защитить Дарданеллы, завоевать Египет, восстановить независимость Персии, способствовать созданию независимых кавказских государств и создать угрозу Индии через Афганистан.

Однако вместо того, чтобы помочь независимым кавказским государствам, содействовать их укреплению, Турция, напротив, объявила им войну, обманув таким образом надежды известного грузинского патриота Михаила Церетели, уверенного в том, что Турция окажет помощь Кавказу. Впрочем, следует отметить, что и его порой одолевали сомнения относительно этого; в своей книге о мировой войне и Грузии, изданной в Цюрихе на трех языках, он предостерегал турок: насильственное завоевание коренных жителей Кавказа Турцией может иметь тяжелые последствия для Востока и, возможно,

В упомянутых резолюциях жители Месхети «требовали» присоединения к Турции и посылали их в Брест-Литовск и в Трапезунд, а позднее в Батуми. Такова, например, официальная резолюция, принятая 13 апреля 1918 года «делегатами» мусульманского населения Ахалкалаки и Ахалцихе. «Делегаты» числом в сорок человек заявляли: принимая во внимание близкое завершение войны между Закавказьем и Турцией, выражаем наше желание присоединиться к Турции. На основе этого «документа о самоопределении» турки, естественно, требовали присоединения к ним всей Месхети и по условиям Батумского мирного договора добились-таки своего. Но после поражения в первой мировой войне, в результате заключения Мудросского мира Турция должна была оставить всю Месхети и согласно 11, параграфу в районы, где стояли турецкие войска, туда, куда Антанта сочла бы нужным, должны были войти войска союзников. По условиям Мудросского мира (и даже еще раньше) турки начали освобождать занятые территории Грузии, а грузинское правительство — занимать их.

Еще 9 ноября 1918 года правительство Грузии обратилось с призывом к населению Ахалцихского и Ахалкалакского уездов, приветствуя их возвращение в лоно Родины. В этом обращении, между прочим, говорилось: «Правительство Грузинской республики по не зависящим от него обстоятельствам не могло до сих пор проявить заботу о жителях Ахалцихского и Ахалкалакского уездов. В течение нескольких месяцев этот край был оторван от Грузии силой, и теперь вновь возвращается к ней...». 10 ноября 1918 года генерал-майор К. Макашвили объявляет о своем назначении начальником Ахалцихско-Ахалкалакского гарнизона с полномочиями генерал-губернатора и призывает народ к порядку и спокойствию.

Но тут возникают три параллельно развивающихся явления. Первое — армяно-грузинская война; второе — вхождение английских войск и третье — история так называемого «Юго-Западного кавказского правительства».

С 18 октября 1918 года между Грузией и Арменией начинаются дипломатические словопрения по поводу границ. Мы уже отмечали, что поначалу армяне требовали очень многого, включая в пределы Армении не только Месхети, но и Тбилиси с Гори и Батуми.

Неопределенность с границами сразу же переросла в нежелательный конфликт, который дал повод для вмешательства в него иностранного государства, как это случилось во

время турецкой оккупации. 4 июня 1918 года правительство Грузии выразило протест по поводу того, что Азербайджан и Армения начали с Турцией переговоры о границах. Правительство Грузии считало, что вопрос о границах касается только Грузии, Армении и Азербайджана, и Турция тут ни при чем.

Поскольку Турция прибрала тогда к рукам большую часть Кавказа, само собой, выяснение вопроса о границах было и нежелательным и невозможным. В ожидании же ухода турецких войск правительство Грузии объявило 27 октября 1918 года Армении, Азербайджану и Союзу северокавказских горцев о целесообразности проведения конференции кавказских государств, на которой они признали бы друг друга и уладили все спорные вопросы. Переписка, связанная с устройством конференции, затянулась, под конец Армения не приняла в ней участия, и поэтому спорные вопросы к тому времени, когда английские войска входили на территорию Кавказа, остались нерешенными.

Острые дипломатические споры между Грузией и Арменией начались 19 октября 1918 года, когда правительство Грузии объявило протест в связи с занятием армянами части Тбилисской губернии или Борчалинского уезда (Квемо Картли), Кобери и Санаини. Мы не будем здесь касаться подробностей переписки, отметив лишь общее развитие событий.

Как мы уже говорили, после ухода турок Грузия ввела свои войска в Месхети и 5 декабря 1918 года заняла Ахалкалаки. В тот же день Армения потребовала у Грузии не вводить свои войска в Ахалкалаки, который к 10 утра был уже занят. В ответ министр иностранных дел Евг. Гегечкори писал правительству Армении: занятие Ахалкалакского уезда грузинскими войсками представляется бесспорным и исторически, и политически, и морально, и о границах вообще лучше говорить будучи благорасположенными друг к другу.

В то же время армяне оказывали давление на Борчалинский уезд и собирали силы, чтобы выступить в направлении Ахалкалаки. 13 декабря 1918 года армянские войска по решению правительства Армении начинают действия с целью захвата Лорэ и Борчало.

Правительство Грузии неоднократно предлагало созвать армяно-грузинскую конференцию с целью решения спорных вопросов, но армяне предпочли силовое их решение и, угрожая войной, потребовали от Грузии немедленного ухода из

ского уезда. Он требовал передачи его Армении. Несмотря на это, 25 декабря 1918 года Райкфорт, Шардини и Жордания постановили: комиссия, в которую войдут представители Англии, Франции, Грузии и Армении, спешно отправляется на фронт для определения числа гарнизонов, которые должны оставить грузины на севере Борчалинского уезда и в Ахалкалакском уезде, и армяне — на юге Борчалинского уезда; грузинские войска останутся на занимаемой ими линии; армяне отойдут к турецкой позиции — Дисих-Джелал-оглы; на железной дороге между войсками армян и грузин станут английские пикеты; администрация в этом спорном районе будет смешанной; в Ахалкалакском уезде администрация будет грузинская, но комиссия из представителей Антанты осуществит наблюдение за ней, в нее войдут также представители местного армянского и мусульманского населения. Окончательно границы определит Парижская мирная конференция.

30 декабря 1918 года армянское правительство выразило согласие с этим постановлением, и 31 декабря в 12 часов военные действия между Грузией и Арменией прекратились.

Таким образом попытка Армении осуществить свои далеко идущие планы относительно Месхети оказалась безрезультатной, но Грузии был нанесен огромный ущерб. Самым большим уроном была война, а также и то, что бесспорные грузинские территории — Джавахети или Ахалакалакский уезд — стали спорными и в глазах англичан, и грузинская администрация уезда хотя и временно, но оказалась под наблюдением представителей стран Антанты.

Спор вокруг Джавахети явился отголоском политики Паскевича, заселявшего грузинскую землю армянами. Коварство курса русского правительства заключалось в том, что семена вражды между народами, посеянные им, давали соответствующие всходы.

11. ПРАВИТЕЛЬСТВО «ЮГО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА» И ПОЛИТИКА АНГЛИЧАН В МЕСХЕТИ

После окончания войны по условиям Мудросского временного мира войска государств Антанты должны были занять все районы, прежде оккупированные Турцией, и те, которые они сочли бы нужным занять. В середине декабря 1918 года представители англичан уже находились в Тбилиси, и ко-

мандующий оккупационными войсками генерал Томсон заявил, что английские войска входят на «территорию России, лежащую между Черным и Каспийским морями», для установления порядка. Это заявление вызвало удивление и недовольство в правительственных кругах Грузии и в обществе. Правительство выразило протест генералу, не позволило расклеить на улицах вышеотмеченное заявление и даже арестовало его расклейщиков. Генерал Томсон был вынужден изменить тон. Он поспешил заверить грузин, что англичане с симпатией относятся к независимости Грузии и не собираются вмешиваться в ее внутренние дела. Тем не менее там, где они обладали правами, а именно в Батуми и области, пресловутое заявление было расклеено, и 18 января 1919 года английские войска вошли в Батуми. Началась оккупация всей области.

После окончательного поражения турок в мировой войне, до прихода англичан, грузинское правительство договорилось с турецким об освобождении Ахалцихского и Ахалкалакского уездов от турецких войск в течение месяца с 4 ноября по 4 декабря 1918 года, после чего туда должны были войти грузинские войска. Генерал-губернатором этих уездов назначили генерала Макашвили, ему же поручалось ввести грузинские части в эти районы.

Но как только турки освободили Ахалкалакский уезд, здесь был учрежден комиссариат и объявлено о формировании «правительства Юго-Западного Кавказа» в Карсе.

Политико-психологические основы государства «Юго-Западного Кавказа» были заложены еще в 1917 году на съезде мусульман в Абастумани. Съезд тогда принял резолюцию, согласно которой Ачара, Артаанский край, Ахалцихский и Ахалкалакский уезды присоединялись к Карской области и таким образом создавалась отдельная административная единица, объединявшая мусульман. Но тогда эту идею не смогли претворить в жизнь и к осуществлению ее приступили сейчас, но в ином виде — путем создания государства. Судьбой Месхети, несомненно, правила умная и твердая рука.

Что представляло собой это «Карское правительство»? Кто сформировал его и чему оно служило?

К этому делу был причастен Сервер-бег атабаг, последний потомок правителей Самцхе-Саатабаго, принц Коблианский.

Поначалу Сервер-атабаг не был ни врагом Грузии, ни поклонником Турции.

вины. «Я только что послал в Ахалцихский уезд английские отряды, — добавил он, — и вероятно, отправлю пикеты и в другие места».

Этому же вопросу была посвящена еще одна беседа председателя грузинского правительства и генерала Уоккера. Она состоялась 23 февраля 1919 года, на сей раз по инициативе английского генерала. Уоккер спросил Нозэ Жордания, какую политику собирается проводить Грузия в Ахалцихском уезде. Ответ Жордания гласил: мы уничтожим вооруженные банды и изгоним нежелательные элементы. И поскольку генерал Уоккер полагал, что восставшие — это местное население, Нозэ Жордания доказывал ему, что в распоряжении Сервер-бега тысяча солдат, большинство из которых аскеры.

Направленное против Грузии движение Сервер-бега представляло для страны большую опасность, поэтому грузинские круги постарались выбить из-под него почву с помощью самого народа — путем пропаганды в пользу единой Грузии. 1 января 1919 года съезд ахалцихских крестьян посылает приветствие правительству Грузии и обращается с призывом к мусульманской Грузии со следующими словами: «Ныне, когда к Грузии присоединилась часть мусульманской Грузии в лице Ахалцихского и Ахалкалакского уездов, встает вопрос об освобождении остальной мусульманской Грузии — Ачара, Кобулети, Ардагани и Шавшети. Только объединенными усилиями, только работая сообща в единой семье, жители всей Грузии — мусульманской и христианской — обретут свое счастье».

Конечно же, Сервер-бег и его сторонники, создавшие правительство «Юго-Западного Кавказа», не унимались, и, когда малочисленные грузинские части заняли Ахалкалаки, Сервер-бег напал на них, нанес поражение, так что они вынуждены были отойти к Боржоми. Но после кратковременной передышки началось контрнаступление грузинских войск под руководством генерала Г. Квинитадзе. Были взяты и Ахалцихе, и Ахалкалаки, а 20 апреля 1919 года и Ардагани. Взятие Ардагани формально явилось посягательством на английскую оккупационную власть, хотя английских войск в Ардагани еще не было. Поэтому назначенный на место генерала Уоккера генерал Кори категорически потребовал вывода грузинских войск из Ардагани. В результате переговоров в городе был оставлен небольшой грузинский отряд в 50 человек. 31 мая 1919 года генерал Кори по требованию генерал-губернатора Батумского округа предложил грузинскому правитель-

ству незамедлительно вывести из Ардагани и этот небольшой отряд, мотивируя тем, что в город посылается английская часть, по прибытии которой грузины должны немедленно оставить его. В это же время в Ардагани появился армянский офицер, и стало ясно, что англичане хотят передать город армянам. Генерал Кори, разумеется, отверг это обвинение и заявил, что по прибытии английских войск Ардагани не нужны будут ни армянские, ни грузинские военные части. Но военный представитель Грузии и небольшой грузинский отряд все же остались в городе. Позднее сюда вошли армянский отряд и английская военная часть.

Продолжение следует

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Наира ГЕЛАШВИЛИ

Мессия персонажей

Гиви Маргвелашвили — немецкоязычный писатель. Он олицетворяет собой тот случай, когда жизнь и судьба сына predetermined жизнью и судьбой отца, отцовским выбором: он, сын, был распят на кресте той действительности, которую не принял, отверг его отец.

Отец, Титэ Маргвелашвили, выходец из состоятельной семьи, имел возможность получить образование в Европе. Потом, уже в Грузии, он вступил в национал-демократическую партию, в 1921 году эмигрировал в Германию.

Титэ Маргвелашвили был профессором Халле-Витенбергского университета. Его диссертационный труд назывался «Колхи, иберы и албаны» (с учетом Страбона). Позднее он читал в Берлинском университете курс лекций по истории. Был ревностным пропагандистом грузинской культуры и истории, яростным обличителем сущности большевизма.

Гиви Маргвелашвили родился в Берлине в 1927 году. Ему было около пяти лет, когда его мать Мариам Хечинашвили, исповедовавшая католичество, не вынеся тяжелой ностальгии, покончила с собой (оставшись дома одна, открыла газовый кран).

Ребенок рос на руках немецких нянек, а затем на берлинских улицах. Отец постоянно отсутствовал, погруженный в тяжелейшие проблемы эмиграции, гитлеровской Германии, войны. У сестры Гиви, которая была старше его на семь лет, также была своя жизнь, так что грузинскому языку мальчика никто не обучал.

В доме часто бывали грузинские эмигранты, известные представители грузинской интеллигенции: Григол Робакидзе, Михако Церетели и др.

Гиви Маргвелашвили окончил гуманитарную гимназию имени Бисмарка, где основательно изучил античный мир, классические языки...

В роковой день 1945 года к Титэ Маргвелашвили, бывшему в то время председателем Берлинского грузинского землячества, заявился незнакомый ему грузин и пригласил его в восточную зону, где, по его словам, того ждали грузинские друзья: «Я с машиной, отвезу вас, вам ничто не угрожает». (Тогда еще не было пресловутой Берлинской стены). «Хочешь повидаться с грузинами?» — спросил отец восемнадцатилетнего сына, и тот поехал с ним.

В черном лимузине, кроме пригласившего, который оказался шофером, сидело еще трое грузин. Под плащами виднелась офицерская форма. Напряженно-холодное выражение их лиц, профессионально-обыскивающие взгляды навели отца с сыном на мысль, что они попали в западню. Машина же неслась по берлинским улицам и вскоре остановилась у комендатуры восточной зоны...

В этот день закончилась их относительная свобода в Германии и трепетное, мучительное ожидание лучшего будущего.

Сутки отец с сыном провели вместе в камере комендатуры в ужасной неопределенности. Отец сделал сыну последний подарок — снял с руки часы и передал их ему для отсчета тех бесчисленных мрачных, отнимающих последнюю надежду мгновений, которые отныне начинались для него. И с присущим интеллигенту простодушием посоветовал: «Когда тебя выпустят отсюда, походи в Американское посольство, оно тебя вернет домой». Не знали они, не верили до конца, с какой силой имели дело: он считал обреченным только себя. Его сына, единственное «преступление» которого заключалось в том, что он был сыном эмигранта, бросили в концентрационный лагерь Заксенхаузен, который теперь, после поражения Германии, использовали «наши». А отца посадили в самолет, привезли в Тбилиси и поместили в известный подвал известного здания. Там он провел несколько месяцев. По рассказам сокамерника, его ежедневно выводили на допрос, предлагали принять советскую идеологическую платформу, читать лекции в университете, приводили в пример многих, согласив-

чувствовал какое-то облегчение, которое чувствует обычно уз-
ник, когда чуть-чуть отпускают оковы.

Но до того, благодаря мучительным стараниям и определенной смелости благодетелей, Гиви Маргвелашвили с трудом удалось пробиться в Тбилисский университет им. Сталина. После его окончания — аспирантура... Он начинает работать в области языкознания под руководством академика Г. Ахвледзани. Кроме немецкого, латинского и греческого, он владеет английским, французским, испанским, итальянским, изучает грузинский и русский; его языковедческие исследования требуют также овладения арабским, знания санскрита и иврита. Его лингвистические труды, отличающиеся независимостью, неординарностью мышления, абсолютной новизной проблематики и угла зрения, наталкиваются на огромные трудности и не могут найти дорогу к профессиональному читателю... Гиви Маргвелашвили интенсивно изучает философию. После публикации его первого философского труда («Роль языка в философии Хайдеггера», 1969) Гиви Маргвелашвили приглашают на работу в Институт философии. Каждая его годовая работа представляет собой фундаментальное философское исследование, три из них изданы отдельной книгой. Но основной его деятельностью стало писательство, которым он начал заниматься в 30 лет. Тогда он жил еще в доме тети и не имел условий для полного уединения. Позднее, благодаря усилиям родных, друзей, доброжелателей он получил однокомнатную квартиру с низким потолком (одну из т. н. «хрущоб», которые стали строить по всему Советскому Союзу с приходом к власти нового партийного лидера). В этой небольшой, тесной квартирке, ставшей его хрупкой и ненадежной крепостью, он построил гигантский мир духа — непостижимо упорным трудом, подлинным самозаточением, одержимостью к писательству.

Творчество Гиви Маргвелашвили включает в себя все жанры: романы, пьесы, рассказы, стихи, миниатюры. Этот мир ждет своего второго рождения — встречи с читателем, поскольку пока еще пребывает во мраке ящичков писательского стола. Одной из причин этого является то, что творческим языком Гиви Маргвелашвили остался немецкий. Его насильственно вырвали из родного Берлина, лишили дома, детства и отрочества, могил матери и няни, покоящихся на Берлинском кладбище, отца и Лиз, сверстников. Из прошлого у него остался только язык, живая часть отнятой жизни, лишить которой его не мог никто, кроме времени. Но память и талант

Гиви Маргвелашвили оказали невиданное сопротивление времени; так он стал своеобразным живым островком немецкого языка в грузинском окружении. Живя одновременно в громадной темнице и на своем островке двойного одиночества, Гиви Маргвелашвили благодаря упорному аскетическому труду сумел построить огромную пристань свободы.

Если бы он даже захотел писать по-грузински, у него ничего не получилось бы, потому что фатальная особенность грузинского языка состоит в том, что коль ты с рождения не воспринял его и начальное образование получил не на грузинском, он никогда не станет твоим творческим языком. Поэтому упрек, который неофициально высказывают в адрес Гиви Маргвелашвили из патриотических соображений, — сколько-де языков он знает, почему же не выучил грузинский, если хотел быть грузинским писателем, — основан на поверхностном подходе к проблеме. И что главное, при этом не учитывается одна тайная истина: не писатель избирает язык и тему, но язык и тема избирают писателя.

И если писательскую судьбу Гиви Маргвелашвили в основном определило то, что его творчество немецкоязычное, и, стало быть, публикация его произведений связана с определенными трудностями, надо сказать, что, пиши он по-грузински, и в этом случае его произведения вряд ли увидели бы свет ввиду абсолютной писательской бескомпромиссности — предметом анализа, критики и уничтожающего юмора в них является советский тоталитаризм.

Известно, жесткая идеологическая цензура вызывает в психике писателя вынужденное маневрирование, порождает неестественные формы, стиль, жанр, т. н. «искусственный эзотеризм». Цензура, проникшая во внутренний мир писателя, в область бессознательного, подрезает крылья писательской свободе, адаптирует его к действительности. Ничего похожего Гиви Маргвелашвили в своем творчестве не испытал. Он с самого начала избрал путь неприкрытой правды и тем самым обрек свои произведения на непечатание. Поэтому его, запершегося со своими персонажами в полном одиночестве и неизвестности, не мучал бессловесный внутренний договор с цензурой, но преисполняла блаженством свобода говорить что думаешь, писать как хочешь («К груди, как мне хочется, приложена лира»).

Вместо читателей Гиви Маргвелашвили имел слушателей. Это были в основном грузинские германисты и студенты

стране (как тут не вспомнить Григола Робакидзе, бежавшего от «мамасахлисимуса» и очутившегося в гитлеровской Германии).

Вовлеченная в ужасный, безликий, уничтожающий социалистический быт Грузия, затерянная в одном огромном коллективном хозяйстве древняя страна, с горькой иронией названа в романе «Kolchos-Kolchis» («Колхоз-Колхида»). Назовем еще одно из основных слов — немецкое Wartburg, т.е. древнейший немецкий замок, где в средние века проходили состязания миннезингеров; где великий мятежник и реформатор Мартин Лютер переводил Библию, стало быть, башня поэзии и веры, дословно — башня ожидания. В этом общем значении данное слово и встречается в романе Гиви Маргвелашвили: в башнях ожидания, бесконечного, отчаянного или возвышенного ожидания укрылись человеческие души, внутренне эмигрировавшие из того государства, бежавшие из тех домов, где царит режим «мамасахлиси»: обязательное мышление, обязательный праздник, обязательная скорбь, обязательный подвиг, рутина, шаблоны и стереотипы, застывшие, окаменевшие вкусы. Апофеоз догм. Вартбург — крепость души, невидимая и безопасная обитель мысли, мечты, творчества, куда стремится бегущий от жизни человек и где ждет, ждет, когда же за ее пределами начнется нормальная человеческая жизнь.

Но трагическая действительность тирании возведена здесь в ранг истинной прозы. В ней нет обнаженного быта или исполненного ненависти крика — это высокой пробы творческая игра, разбавленная философским юмором, убийственным художественным средством, свидетельствующая о настоящей внутренней свободе.

Несколько слов об одном существенном измерении творчества Гиви Маргвелашвили. О Джойсе говорили: открыл Америку, которая лежала у всех перед носом, имея в виду неуловимый поток человеческого сознания. Гиви Маргвелашвили открыл гораздо более элементарную, знакомую и явную «Америку». Известно, чем более элементарен и привычен предмет, тем труднее его «обнаружить», тем труднее заставить его светиться. А открытая Гиви Маргвелашвили «Америка» — это книга.

Исполненный безграничной внутренней свободы (практически — жертва диктатуры), писатель восстает против любой формы тирании, даже невидимой — таковы все сюжеты, где персонажи навечно привязаны к одной фатальной истории, на протяжении веков должны жить в присужденном им ландшаф-

те, присужденном доме и столько раз кончать с собой, сходить с ума, оказываться ранеными, преданными — сколько раз прочтет их историю читатель.

Персонаж осознан как абсолютно живое существо, которое мучается раз и навсегда написанным, бесчисленный раз повторенным сюжетом, историей. (Это осознание настолько сильно, что для Гиви Маргвелашвили ужасна свойственная многим привычка оставлять между страницами книги карандаш и так закрывать ее, поскольку для него между этими страницами дышат живые существа, живут живые люди).

Персонажи произведений Гиви Маргвелашвили не терпят тирании: они ускользают в другие, неизвестные сюжеты, или убегают в реальную жизнь; порой писатель помещает какого-нибудь автора в им же созданный мир, чтобы он, этот автор на собственной шкуре испытал, что за мир он создал; нарушаются жесткие границы сюжетов, наблюдаются странные преобразования известных сюжетов, персонажи восстают против своих писателей, просят помощи у читателя и т. д.

Вот несколько из этих чудес.

Роман «Kein Marokko (Laport und Freund).» Герои «Витязя в тигровой шкуре» задыхаются в мире негодного немецкого перевода поэмы... Слова их изуродованы, настроение ложно, ландшафт и окружающая среда неточны. Текст перевода — место, где течет их перевернутая жизнь. Они решают объединиться и бежать... Но надо объяснить и каджам, т. е. злым силам, необходимость консолидации. В произведении начинаются странные явления — поскольку меняется цель. Вырваться из этого ложного текста — значит спасти себя...

Роман «Die hohe Korrektur» («Высшая корректура»). Двенадцать верующих рыцарей из XX века проходят через всю историю (символом которой является Мертвое море) в библейский текст и появляются в Вифлееме. Необходимо защитить Вифлеем, чтобы не допустить резни детей войсками Ирода. Начинается укрепление города, подготовка его жителей к решительной борьбе... ибо рождение Спасителя не может повлечь за собой жертвы невинных детей.

Роман «Муцал»*: монолог и история персонажа, убитого Алудой Кетэлаури, история, приключившаяся с ним, когда книга уже закрыта. Начинается совсем иная, не известная читателю жизнь. Вот, как она начинается:

«Я — герой книги. Это означает, что мое место только в

* Герой поэмы Важа Пшавела «Алуда Кетэлаури».

книге, что я существую по-настоящему только между двумя обложками и вместо номера телефона у меня есть номер страницы. Время от времени — раза два или три в год — какое-нибудь реальное лицо склоняет надо мной голову. Вернее, хотел сказать, над нами. Поскольку я не один в моей книге. Мы представляем многочисленное и широко разветвленное родство.

Все то короткое время, что отпущено мне на жизнь, все свое внимание я уделяю другому герою, который нападает на меня, и я вынужден щитом или мечом защищаться, так что до последней своей минуты я ничего другого, кроме как целиться и стрелять, делать не могу. Поэтому я с самого начала воспринял этот поединок как нечто фатальное, ибо он не дает мне возможности отдаться самому любому занятию героев книг: спокойно наблюдать за реальным лицом, читающим нашу историю и изучать впечатление, которое мы производим на него, поскольку именно это впечатление (оказываемое нами на читателя) имеет для нас величайшее, я бы сказал, и вовсе жизненно важное значение, ибо если оно достаточно сильное, оно дарует нам чувство реальности, и тогда нам кажется, что мы — реальные люди и вместо бумаги стоим на настоящей земле под синим небом и, что является самой сокровенной мечтой персонажа, мы все же имеем какое-то реальное значение, или какую-то фактическую ценность. Тогда все испытания и несчастья, которые согласно книге нам написаны на роду, кажутся не такими уж страшными, и мы гораздо легче умираем нашей тематической смертью. Поскольку нами владеет величайшее чувство, когда мы видим себя в глазах реальных лиц (читателей) и благодаря их взглядам, направленным на нас, познаем, что мы есть. Мое же невезение в том, что будучи втянут в этот злосчастный поединок (к которому приговорен я в книге), я лишен возможности уделить хоть какое-то внимание читателю. Прямо уставиться ему в лицо я не могу, мы все не можем, поскольку подобное никогда и не требуется от героя книги, этого нет ни в одном тексте. Только тогда, когда наша роль в книге дает возможность бросить быстрый, косой и тайный взгляд на читателя, мы и делаем обычно подобные наблюдения.

Между прочим, в одном месте моей книги я также остаюсь один на один с реальным лицом. Но поскольку это мой последний миг — пораженный пулей я падаю на землю — он мне ничего не дает. В глазах темнеет, книга и реальный мир исчезают, наступает полная тьма, и я тематически уже мертв.

Единственное, что сопровождает меня на тот свет, бледное видение большой реальной головы читателя — освещенной реальным солнцем или искусственным светом ночника огромной луной, движущейся над раскрытой нашей книгой. Как воспринимается моя смерть, я не знаю, и не могу знать исходя из моего личного опыта. В этом пункте я полностью полагаюсь на то, что рассказывают мне мои тематические коллеги, которые живут дольше, чем я, и на протяжении нашей книги им часто случается внимательно изучать каждого читателя. Они постоянно успокаивают меня и убеждают, что моя смерть вызывает волнение у всех читателей и воспринимается ими как героический поступок. Но я не могу удовлетвориться этим. Мне необходимо и сочувствие моих читателей. Если я что-то значу для них, они должны переживать и оплакивать потерю в моем лице. Я не требую от них большой и безысходной скорби, не могу требовать, ибо из всех героев книги это — преимущество тех, кто дольше живет в теме, у них больше возможностей раскрыться перед читателем, заставить свыкнуться с ними, в отличие от меня они не исчезают непознанными. А мне очень помогли бы несколько искренних слезинок, которые пролило бы надо мной реальное лицо, малейший признак сожаления, короткий вздох, который словесно выражается не более, как «ох», но он должен быть довольно громким, чтобы суметь отпечататься в моих уже растрепанных и растерянных чувствах. Вместо этого же мою смерть постоянно оплакивает тот персонаж, который и лишает меня жизни».

Я привела эту длинную цитату, потому что не знаю, сколько еще пройдет времени, прежде чем удивительное творчество Гиви Маргвелашвили дойдет до грузинского общества в грузинском переводе, а когда это случится, сердце читателя дрогнет одновременно от гордости и боли за то, что волею превратной судьбы блестящий талант его земляка, его южный темперамент, юмор и та истинно грузинская вольность, бросающаяся в глаза грузинская вольность, несвойственная немецкому духу и немецкой прозе, вылились в стихию немецкого языка. Ничего не скажешь, трагическая судьба для творца, которого ждет впереди еще одна трудность. Известно, что немецкое общество довольно строго разграничивает между собой граждан Германии и немцев, живущих за ее пределами. Последние, к сожалению, не признаются настоящими немцами. Естественно, более всего это касается немецкоязычных людей не немецкого происхождения. И если Германия (как и любое другое

государство) с радостью приветствует всех иностранцев, изучающих и пропагандирующих немецкую культуру и литературу, причем на высоком уровне (к примеру, профессиональных германистов), то по отношению к живущим за пределами Германии немцам или не немцам, имеющим претензию на создание немецкой литературы, проявляет полное равнодушие. Но когда общество приобщится к этому удивительному творчеству, созданному в результате горения, самоотверженного труда и аскетического стоицизма, со мной, наверное, согласятся, что автор его заслуживает того, чтобы называться «мессией персонажей»; будучи сам действующим лицом жестокой драмы о диктатурах (фашистской и большевистской), пленником фатальных политических сюжетов, он силою безграничной фантазии и закона художественной «игры» несет свободу невидимым существам, заточенным в присужденных им сюжетах.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

„НА ЧТО ИСКУССТВО, КОЛИ ОНО БЕСПОЛЕЗНО“

НЕМЕЦКАЯ ПЬЕСА В ПЕРЕВОДЕ
Н. САНДУНОВА (ЗАНДУКЕЛИ)

Литературная деятельность Сандунова в последнее время привлекает к себе все большее внимание исследователей. Николай Николаевич Сандунов был внуком Мосе Зандукели, который в 1724 году в свите грузинского царя Вахтанга VI приехал в Россию. Он родился в Москве в 1766 году, получил прекрасное образование, блестяще окончил Московский университет и в последующие годы занимал различные должности в правительственных учреждениях. Позднее стал профессором, руководил кафедрой гражданского и уголовного права Московского университета и оставил ряд интересных трудов в области юриспруденции. Вместе со старшим братом Силой (Силованом) Сандуновым (Зандукели) — прославленным драматическим актером — полностью обосновался в России, но поддерживал связи с грузинами, находившимися в Москве и Петербурге. В критической литературе приводятся воспоминания современников, которые характеризуют Николая Сандунова как человека выдающегося ума, большой гражданской смелости, строгой честности, пользовавшегося общим доверием и уважением.

Имя Николая Сандунова как литератора неразрывно связано с историей русской драматургии конца XVIII и начала XIX века. Ему принадлежат оригинальные пьесы и переводы. В критической литературе пишут о влиянии на него просвети-

тельства, а по смелости высказанных им мыслей связывают с линией Радищева.

Пьесы Сандунова содержат немало резких высказываний, направленных против порядков жизни того времени. Это вызвало цензурные запреты, в результате чего некоторые его произведения не были допущены к постановке на сцене и далеко не все написанные им вещи были опубликованы. Это привело к тому, что, как отмечает П. Н. Берков в своей «Истории русской комедии XVIII века», оригинальные пьесы Сандунова при жизни автора были менее известны, чем переводы.

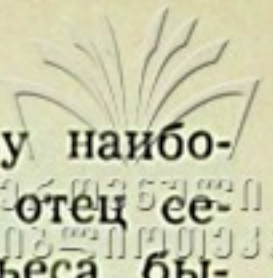
Именно поэтому интересно более тщательно рассмотреть одну из переведенных им пьес, которая раскрывает метод его работы и сочетание в его русском тексте точно переведенных частей с отдельными изменениями и дополнениями.

Пьеса «Отец семейства» в переводе Сандунова была поставлена на сцене в 1794 году. В том же году она появилась в печати, а затем была вновь опубликована в 1816 году. На титульном листе указано имя барона Геммингена, над пьесой которого работал переводчик.

Обращение Сандунова к немецкой драматургии не было случайным. Переводы из произведений немецких авторов он делал и до того, а в начале 90-х годов увлекся творчеством Шиллера. Сделанный им перевод пьесы «Разбойники» появился в 1793 году и в течение долгого времени с успехом ставился и на профессиональной, и на любительской сцене. Таким образом, имя Сандунова стоит у истоков перевода Шиллера на русский язык. К немецкой литературе переводчик не раз обращался и в своей дальнейшей литературной деятельности.

Вполне объясним интерес, проявленный Сандуновым к творчеству Геммингена — заметной фигуре в немецкой драматургии именно в 80—90-ые годы XVIII века.

Отто Генрих фон Гемминген был тесно связан с работой Маннгеймского драматического театра, открытого в 1778 году и сыгравшего значительную роль в театральной истории Германии. В 1782 году на его сцене состоялась премьера драмы Шиллера «Разбойники». Задачей театрального руководства была замена классического репертуара современным. Именно с развитием в Германии семейно-бытовой нравоучительной драматургии связана деятельность Геммингена. Выступив в 1779 году с теоретической работой «Маннгеймская драматургия», он изложил свое понимание сценического искусства и особенно подчеркнул его дидактические задачи.

Такого рода назидательные цели положены в основу наиболее известного произведения Геммингена «Немецкий отец семейства», поставленного на сцене в 1780 году. Эта пьеса была в свое время значительным явлением в театральной жизни, имела большой успех и вызвала появление ряда произведений на аналогичные темы. По некоторому сходству в развитии действия это произведение нередко сравнивают с пьесой Шиллера «Коварство и любовь», написанной тремя годами позже Геммингена. Однако при сходных моментах в сюжете, Шиллер наполнил свою драму совсем другим звучанием. Пьеса Геммингена далека от острой проблематики, присущей его великому современнику; в ней основное внимание обращено на сферу душевных переживаний и нравственных норм, а конфликтные ситуации получают благополучное завершение.

Известно, что произведение Геммингена написано под влиянием пьесы Дидро «Отец семейства». Немецкий автор использовал ее главную идею, связанную с образом ведущего героя. В обеих пьесах отец семейства — это преданный семейным интересам, умудренный опытом человек, который после многих трудностей улаживает конфликты, возникшие в судьбе детей. Оба произведения содержат элементы дидактики. Нравоучительные тенденции пьесы Дидро видны уже из посвящения, подчеркивающего задачи истинного воспитания. В то же время в уста главного героя вложены благородные высказывания, направленные против несправедливости и деспотии, отражающие взгляды Дидро-просветителя. Интрига связана с тем, что сын главного героя влюбился в бедную неизвестную девушку. Отец, увидев избранницу своего сына, потрясен ее очарованием и искренностью. Он не хочет насильственно воспрепятствовать влечению сына, хотя старается отговорить его от женитьбы. Но молодой человек остается непреклонным и готов потерять положение в обществе ради личного счастья. В конце пьесы ко всеобщему удовольствию выясняется, что девушка принадлежит к дворянской семье. Таким образом, все заканчивается благополучно — истинная любовь торжествует, но не нарушены и сословные преграды.

В этом отношении Гемминген сделал конфликт своей пьесы более острым, ибо его героиня — бедная девушка из мещанской среды, дочь художника. Ее происхождение не вызывает сомнения, но после ряда острых переживаний она становится женой аристократа. А молодой герой немецкой пьесы человек более колеблющийся, чем у Дидро. Он искренне

влюблен, но прислушивается и к мнению семьи. Поэтому счастливая концовка связана в основном с решением, которое принимает его отец, считающий, что моральный долг сына жениться на соблазненной им девушке. Именно нравственные принципы заставляют главного героя отойти от сословных предубеждений.

По сравнению с Дидро, у Геммингена усиливаются дидактические элементы. Кроме того, в немецкой пьесе значительно изменена фабула, введены другие персонажи. У Дидро параллельно с историей молодого человека представлена судьба его незамужней сестры, и пьеса завершается счастьем двух молодых пар. У Геммингена же сестра молодого героя уже замужем, имеет сына, но между супругами нелады, которые в итоге тоже улаживаются стараниями отца семейства.

Итак, несмотря на общность замысла, пьеса Геммингена во многом отличается от пьесы Дидро и, несомненно, является самостоятельным произведением.

Готовя перевод текста Геммингена для русской сцены, Сандунов внес в него соответствующие изменения. Он назвал ее «Отец семейства», в то время как у Геммингена подчеркивается национальность главного героя, и пьеса озаглавлена «Немецкий отец семейства». Изменены в русском варианте и имена действующих лиц: Фердинанд стал Каллистратом, Фриц — Федей. В соответствии с тенденцией той эпохи переводчик именуется некоторых из героев по главным чертам их характера. Так, отец семейства — это граф Чадолюбов. Его дочь замужем за графом Добросердовым. Он ссорится со своей женой, хочет с ней расстаться. Но потом оба понимают свои ошибки и примиряются. Недоразумения помогает уладить графиня Разумова. Ее служанка, которая старается угодить хозяйке, названа Льстилла. Скромный живописец, с трудом зарабатывающий себе на жизнь, носит имя Иосиф Бедняков, а влюбленный в его дочь сын главного героя именуется — граф Любим.

Сравнение русского перевода с оригиналом показывает, что, как указано на титульном листе, Сандунов следовал за линией развития действия в пьесе Геммингена. Однако в иных случаях он довольно свободно переделывает текст и вносит ряд изменений: некоторые сцены переставлены, их нумерация иногда не совпадает, ибо кое-какие эпизоды слиты воедино; в других случаях, наоборот, встречаются вставки переводчика и значительно расширенные по сравнению с оригиналом репли-

ки действующих лиц. Заметны расхождения и в ремарках, в которых встречаются дополнительные указания, вероятно, в помощь исполнителям.

Весь ход событий связан с образом главного героя — отца семейства. В русском варианте он сохраняет те же черты, что и в оригинале, и так же налаживает судьбу своих детей. На протяжении пьесы Чадолюбов, так же как и герой Геммингена, произносит поучения и внушает детям мысли о нравственном долге перед семьей и отечеством. Такие монологи у Сандунова иногда изменены — сокращены или дополнены.

Из внесенных в оригинал изменений наиболее интересны те дополнения, в которых узнаваемы взгляды самого переводчика. Это особенно заметно в высказываниях Чадолюбова. Одна из ярких сцен пьесы — эпизод, когда он приходит к живописцу, желая узнать о нем и его дочери. Естественно, что речь идет о работе художника. В русском тексте полностью переданы прекрасные мысли, высказанные живописцем о силе искусства. Но при этом Сандунов удлиняет этот диалог и еще больше подчеркивает силу и значение творческой деятельности: «Когда я работаю, то почитаю себя выше всякого князя и графа, — говорит художник. — Лоскутку холстины даю я тело и душу: могу делать бессмертными людей и их дела». Он смело высказывает графу свои мысли о превосходстве свободы художника перед служебной субординацией и делает следующее заключение: «Я всегда держусь, что чиновных людей Государь наделает сколько захочет, а искусных он может только поддерживать».

При переводе этой сцены Сандунов особенно развил реплики Чадолюбова, превратившиеся в целые монологи. Они еще больше углубляют главную тему диалога и содержат резкие высказывания в адрес сановных людей: «Тяжбы, просьбы — первая отравка знатного чина, выгодного места и большого имени... Благосостояние всей нашей жизни зависит иногда от одной минуты, от расположения, в котором застаем мы государя или его министра... А вы, напротив того, имея от природы врожденный дар, снискиваете трудами... мастерство ваше говорит за вас через несколько веков... Аршин полотна, вышедший из рук искусного живописца, для меня дороже многих наших грамот».

Особая часть изменений, внесенных Сандуновым, связана с его стремлением сделать пьесу близкой и понятной русскому зрителю. Для этого он затрагивает некоторые вопросы, харак-

терные для русской жизни того времени, и в значительной степени отходит от оригинала. Так, например, у Геммингена отец семейства, поверив сплетням барона Дромера (в русском тексте — барон Скучкин), думает, что его сын Фердинанд в ссоре за карточным столом не сумел как благородный человек постоять за себя и не вызвал обидчика на дуэль. Он не может простить трусости и готов отказаться от такого сына. Лишь когда выясняется, что Фердинанд ничем не запятнал свою честь, отец семейства выплачивает его долг и напутствует его безукоризненно выполнять свои офицерские обязанности.

Совсем обратное в русском тексте: Чадолюбов не сомневается в храбрости сына, но сердится как раз на то, что из-за пустяка он вызвал человека на дуэль. Отец возмущен подобным способом решения возникающих в жизни недоразумений: «Так, по-твоему, за все непременно должно резаться? Какой злой дух внушил вам такие правила о чести и благородстве?» По мнению Чадолюбова, свою правоту нельзя доказать у барьера, храбрость надо проявлять на войне. Подобные слова, сказанные со сцены, были явно предназначены сидевшим в театре зрителям, ибо, как известно, дуэли были тогда широко распространены в дворянском обществе.

Назвав своих героев на русский лад, Сандунов старается передать бытовавшую тогда манеру речи представителей высшего общества, и поэтому в ряде мест вставляет в текст французские слова, выражения, приветствия, которых нет в немецком оригинале.

Наконец следует обратить внимание на изменения, внесенные в сцену, где затрагиваются вопросы обучения детей. У Геммингена вернувшийся из поездки отец семейства беседует с внуком и расспрашивает свою дочь об его успехах. Мальчик бойко отвечает на вопросы по мифологии, рассказывает об Александре Македонском. Однако дед недоволен, что внук ничего не знает о своей стране и ее истории.

У Сандунова эта тема развита и направлена против увлечения французским языком и французскими гувернерами, которые не учат детей ничему полезному. Мальчик приветствует дедушку по-французски, говорит, сколько частей речи во французском языке; его голова забита разрозненными сведениями и именами отдельных исторических лиц. И дедушка гневно обращается к своей дочери: «Вот как, сударыня, воспитывают детей ваших! Набивают им голову всячиной, и когда дитя вырастает, память его походить будет на превеликий ма-

газин, наполненный без разбору всякими товарами, а по большей части дурными». Сандунов заставляет своего героя поинтересоваться гувернером, который обучает его внука и получает за это очень высокое вознаграждение. «О, отцы да матери! — восклицает он. — О чем вы думаете, воспитывая детей своих таким образом? Вместо того, чтобы вверить искусному садовнику молодые ваши деревья... вы даете жадным червям подтачивать их». Продолжая свою мысль о вреде подобного воспитания, он говорит, что его плоды уже видны в дворянском обществе, ибо во всяком его представителе «увидишь такую смесь занятых понятий, рассуждений, что скорее почтешь его обезьяною целой Европы».

Произведение написано языком своего времени, в нем встречаются слова, давно вышедшие из употребления. Например, слово «вестовщик» в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова названо «разговорным, устаревшим» и объясняется как «любитель рассказывать новости, сплетни, сплетник». В пьесе Каллистрат так называет барона Скучкина: «Не слушайте его, батюшка, он самый негодный вестовщик». Некоторые другие слова, встречающиеся в тексте, вовсе отсутствуют в современных толковых словарях русского языка. Так, «самовидец» вместо слова «свидетель» употреблено в реплике Скучкина, который, рассказав очередную сплетню, восклицает: «Я был самовидец».

«Отец семейства» — интересный образец русской переводной литературы того времени. Передав полностью всю линию развития действия, Сандунов сумел приблизить пьесу к интересам русского зрителя. Во многом это и объясняет судьбу перевода. После постановки в 1794 году на московской сцене она была представлена в Петербурге и продержалась в репертуаре столичных театров до конца 20-х годов XIX века.

К своему переводу Сандунов предпослал эпиграф: «На что и искусство, коли оно бесполезно?». Соответственно этому при переводе он старался подчеркнуть те вопросы, из которых зритель мог сделать полезные для себя заключения. Внесенные в русский текст пьесы дополнения раскрывают взгляды самого Сандунова как выросшего на просветительских идеях передового человека своего времени.

Тамаз НАТРОШВИЛИ

ЛЕТОПИСЕЦ

Есть в сокровищнице грузинской духовной культуры книга, которую мы читаем и исследуем, но не знаем ни имени ее автора, ни фамилии. Нам ничего не известно о нем — когда он родился или когда умер. Условно мы называем его Летописец. А его книгу — также условно — «Столетняя летопись». По всей видимости, Летописец создал ее в первой половине XIV века. Предполагается, что был он духовным лицом, по происхождению — месх. Этим исчерпываются наши знания о нем. Реваз Кикнадзе, издавший критически установленный текст «Столетней летописи», отмечает: «Предположение исследователей по поводу того, что автор «Столетней летописи» «был из рода Абусеридзе, Джакели или Торели, что его звали Саргис, Бека или Мосэ, с научной точки зрения бездоказательно и неприемлемо». Словом, у нас в руках лишь итог большого труда неизвестного лица, и нам остается лишь повторить в его адрес древнюю мудрость: и слово твое скажет о тебе...

«Столетняя летопись» — великолепная панорама Грузии XIII века, созданная рукой глубоко образованного и опытного Мастера. Она является отражением одного отрезка истории Грузии, но в ней мы находим и своеобразные отголоски ранней или последующей поры — иные, уже имевшие место явления, в той или иной мере повторялись в XIII веке, а другие только зарождались в то время. Если бы из всех грузинских исторических источников до нас дошла лишь «Столетняя летопись», мы и тогда бы сумели, хотя бы частично, воссоздать картину многовековой истории Грузии и уверенно

рассуждать обо всех характерных чертах национального характера, которые без масок и прикрас проявлялись обычно в наиболее роковые моменты истории страны. Это произведение пронизано грузинским духом, интеллектом, являет собой привлекательный автопортрет грузинского писателя XIV века.

Тяжелая миссия легла на плечи Летописца — заполнить наиболее трагические, пожалуй, и мрачные страницы истории Грузии. Находившаяся тогда благодаря усилиям Давида Строителя и царицы Тамар на подъеме страна после «высочайшего могущества» неожиданно превратностью судьбы была низвергнута в постыдную пропасть — долговременный мрак поглотил свет «золотой эпохи», серия поражений поколебала веру грузина и ввергла его в отчаяние.

Так что Летописца никак не отнесешь к числу сладкоречивых авторов, и его произведение, разумеется, никак не назовешь приятным и отрадным чтивом.

Летописец должен был описать страшные события, выпавшие на долю родной страны, и расследовать причины столь неожиданного поворота судьбы, в результате которого цветущее, передовое государство превратилось в униженную и подневольную провинцию полудиких орд.

Разумеется, Грузия не была исключением. Не менее сильные и известные государства постигла та же участь. Монголы завоевали и разорили Китай, Хорезм, Иран, Россию... Они дошли до берегов Адриатики, тем самым ввергнув в панику всю Европу. Как свидетельствуют западные источники тех времен, «великий страх перед варварами объял дальние страны — не только Францию, но и Бургундию, и Испанию, где и не слыхали еще о татарах». А в Германии в то время распространилась молитва: «Господи, спаси нас от ярости татар!».

С господством монголов в покоренных странах установился режим, говоря словами Карла Маркса, «систематического террора». Их правление было не чем иным, как триумфом порока, когда достоинство и благородство подвергались унижению, а безнравственность и низость обогащались и пользовались неслыханными почестями и властью.

Тяжелое монгольское ярмо истязало народы и калечило людские души.

Армянский поэт XIII века причитал: «Нет больше ни родника, ни рек, не наполненных нашими слезами; нет больше ни гор, ни полей, не затоптанных татарами; лишь дышим едва-едва, а ум и чувства в нас мертвы».

Монголы, признанные наиболее жестокими завоевателями в истории человечества, принесли неисчислимые бедствия и разрушения покоренным огнем и мечом народам, и в том числе Грузии (по словам Летописца, монгольские пурпурные знамена предвещали реки крови).

Автор «Столетней летописи» пытается объяснить непонятные, на первый взгляд, причины катастрофы и донести до нас ее страшные последствия. Он прямо говорит о своей задаче — беспристрастно поведать историю страны, упоминая как о добре, так и о зле. Именно его перу принадлежит известное изречение, лейтмотивом пронизывающее «Столетнюю летопись» и завещанием переданное будущим поколениям: «Летописание — это речь истины, а не лесть». Лицемерие, фарисейство чужды Летописцу. Иванэ Джавахишвили отмечал: по мысли Летописца, история должна включать в себя деяния как «благодетелей», так и «злодеев».

Говоря о причинах падения сильного Грузинского царства, Летописец исходит из распространенной в средние века теологической концепции, согласно которой любое несчастье в жизни того или иного народа представляет собой установленное Богом наказание за его неверие и безнравственность. В наказание за грехи наши Господь явил нам монголов, читаем мы в армянских источниках; а в сочинении персидского историка Рашид ад-дина сам Чингиз-хан так обращается к населению покоренного города: «Я — Божья кара. Не имей вы великих грехов, не было бы и наказания вам!».

Господство монголов, невиданное разорение страны представляется Летописцу гневом Провидения, обрушившимся на Грузию за то, что «стали ненасытными, погрязли в наслаждениях все от мала до велика и все повернулись ко злу». Никто не помнил ни Бога, ни веры, ни добра, ни милосердия.

Основной причиной поражения родной страны Летописец считает отнюдь не несравненную мощь монголов. Внимательно наблюдая жизнь Грузии, он выносит ей суровый приговор. По его утверждению, Грузия пришла в упадок прежде всего из-за того, что ее правителей заботило лишь собственное благополучие, они были беззаботны и безнравственны, между вельможами царили зависть и соперничество (вспомним непонятное по своей нерешительности поведение амирспасалара Мхарпрдзели в Гарнисской битве, фактически равное измене: «И не пожелал помочь Иванэ-атабаг и не из страха, а из зависти»).

«Жестокие испытания пришли в пределы Грузии за не-

добрые дела ее жителей, ибо все от мала до велика, и царь, и князь, и знатный и простолюдин погрязли во зле, ибо отвернулись от правды и истины, поелику даже священнослужители грешили, поелику весь народ творил гнусность», — вот какой безжалостный диагноз поставил Летописец приходящей в упадок стране.

Как тут не возмутиться — разве можно охаивать весь народ?! Но ничего не поделаешь! Критическое отношение Летописца к родной стране неразрывно связано с болью за нее, и каждое его слово звучит искренне. Как известно, запрет на критическое мышление приводит к одному-единственному результату (безразлично — в прошлом ли, настоящем) — к умственной деградации и нравственному падению общества. Этот «запретный плод» наиболее ярко проявился именно в произведении Летописца, взявшегося за описание наиболее мрачных страниц истории Грузии. Пройдет пять веков, и Илья Чавчавадзе почти повторит слова Летописца: «Ни стар, ни мал не ведают сегодня, о чем скорбит родная сторона. Забыли мы, что милостью Господней нам, как святыня, родина дана».

Естественно, нельзя считать любое соображение или суждение Летописца истиной в последней инстанции. Говоривший правду автор не смог не выйти за рамки бесспорных истин. Поэтому было бы неоправданно слепо разделять характеристики, данные им отдельным личностям (например, Лаша-Георгию). Долг исследователя определить достоинства и недостатки информации Летописца и найти подтверждение ей в иностранных источниках. Главное, что покоряет нас в «Столетней летописи» — это действительность, увиденная строгим проницательным глазом.

Как видно, не так уж легко Летописцу беспристрастно судить о «сильных мира сего», но он бесстрашно преодолевает благоговение простого смертного перед благословенными Богом венценосцами и единственным властелином своей гражданской совести признает Истину: «И снова предпочел бы молчать, поелику собираюсь поведать ужасную историю, пусть и не подобающую царям, ибо, как говорит Моисей, видевший Бога: «и начальника в народе твоём не поноси». И поскольку «летописание — это речь истины, а не лесть», он откровенно повествует, как царица Русудан пыталась уничтожить своего племянника, чтобы никто не оспаривал царский престол у ее сына. Летописцу трудно чинно и спокойно говорить о подобных делах, в его рассказ врывается патетика, и он почти на

весь мир вопит о коварном замысле разума, «более жестокого, чем звериный». Далее он подробно рассказывает о неслыханных бедах Давида, сына Лаши и чудесном его спасении и под конец с упреком обращается к автору «злейшего» замысла: «Мудрая, дочь добрых и благородных корней, царица цариц Русудан! Что выиграла ты в результате? Смотри, ибо пять лет пребывал он в темнице вместе со змеями, испытывая горе и невзгоды...», но провидение все же спасло его.

Так же патетически, в мельчайших деталях описывает он разорение Тбилиси Джалал-ад-дином. Но гораздо более сдержан, повествуя об эпизодах, составляющих гордость жителя Грузии, как бы избегая выражать вслух восторг перед теми проявлениями благородства и самоотверженности, которые все-таки имели место во мраке монгольского господства.

Может быть, он и прав. Разве требует комментария, скажем, тот фрагмент «Столетней летописи», где описывается убийство Чагатая-нойона, совершенное рукой Мульхида? Монголы в ярости, они подозревают грузин и готовы уничтожить их отряд, принимающий участие в Аламутском походе. И вот, что говорит Григол Сурамели, эристави Картли: «Не время нынче сопротивляться, ибо малы мы числом». Не к трусости призывает грузинский вельможа, а к самоотверженности: ежели мы вступим в схватку, нас уничтожат всех до одного, ежели откажемся, покарают только нас, знатных; лучше погибнуть нам, чем всему войску. Так полководцы жертвуют собой ради рядовых воинов.

Или вспомним поездку Авага Мхаргрдзели ко двору хана Батыя. Перед отъездом придворный Авага Давид советует ему: мы не знаем, что ждет нас в чужой стороне, сделаем так, будто я твой господин, а ты — мой раб. Если хан замыслил убить тебя, он убьет меня и этим удовлетворится. На благородство подданного Авага Мхаргрдзели ответил благородством же, категорически отказываясь последовать его совету. Но «долгими мольбами и давлением» его принудили согласиться. Визит прошел благополучно и под конец они открыли хану Батыю свою хитрость. Тот был поражен, похвалил Давида и произнес: «Ежели род грузинский таков, я велю, чтобы ему был оказан больший почет и слава, чем всем другим племенам, находящимся в нашем высочайшем повиновении». (Этот эпизод интересен еще и тем, что Аваг Мхаргрдзели был сыном того самого Иванэ Мхаргрдзели, который, по словам Летописца, обрек в Гарнисской битве на смерть Иванэ Ахалцихе, отца Давида).

Именно «Столетняя летопись» сохранила для потомков имя Цотнэ Дадзани. Рассказывая о его героической самоотверженности, Летописец избегает патетики и делает единственный комментарий к этой истории — приводит цитату из Евангелия от Иоанна (в слегка измененном виде): «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Эти примеры на фоне всеобщей жестокости и пороков, которые принесли с собой поработители, действительно даруют отраду душе. Они говорят о том, что благородство и любовь к ближнему еще было живо в Грузии, что не исчез тот боевой дух, который, казалось бы, должен был быть задушен годами поражений и разорений. И вот мы читаем девиз грузинского царя Улу-Давида, против своей воли находящегося в войске монголов: «Не в наших правилах показывать спину врагу, не сразившись с ним, если даже ждет нас верная смерть». Летописец и в этом случае воздерживается от комментария, не укоряет собратьев за столь странное усердие в борьбе под монгольскими знаменами. Что это — трезвая оценка реальных обстоятельств или результат утери поработленным народом политического ориентира? А может быть автор «Столетней летописи» понимал своим проницательным умом, что главное для грузина — сохранить мужественную душу, которая должна была возродиться в последующих веках и проявить себя с еще большей силой всякий раз, когда придет время служить интересам родины?!

Однако заметна и другая тенденция. Если Летописец сурово осуждает поведение Иванэ Мхаргрдзели в Гарнисской битве, то при описании последующих событий тон его меняется, и уже совершенно бесстрастно приводит он слова Кахи Торели, сказанные бежавшему от восставших грузин монгольскому полководцу: «Мы, грузины, лучше всех знаем военные порядки наших собратьев. Мы будем воевать вместо вас». И с успехом выполнили это постыдное обещание. Или вот что говорит рачинский эристав Кахабер Абага-хану, собирающемуся сразиться с восставшим Давидом, сыном Русудан: «Ежели хан желает отомстить царю Давиду, я для того пришел сюда, мне известны все пути-дороги, и я поведу твои войска и, думаю, захвачу царя в свои руки».

Хладнокровно, тоном как бы уставшего человека, которому все надоело, Летописец повествует о подобных историях. Может быть он примирился с действительностью и его ничто не удивляет и не волнует? Или он просто объективно описы-

вает самые горестные эпизоды истории Грузии и оставляет их на наш суд?

В научной литературе отмечено, что Летописец был высокообразованным человеком, знающим греческий и восточные языки. Он изучил историю Греции и Рима, пользовался современными ему персидскими источниками. «Столетняя летопись» содержит богатейший материал о политико-экономическом положении Грузии, о государственной жизни страны и занимает почетное место среди множества произведений, созданных на разных языках и посвященных нашествию и господству монголов в покоренных ими странах.

Иванэ Джавахишвили считал сочинение Летописца историческим источником, заслуживающим доверия, хотя высказывал и критические замечания в его адрес. Часто приводят его слова о том, что Летописец был суеверным, наивным человеком, любителем «чудес». Но грузинский ученый тут же добавлял: «Подобным простодушием полны и сочинения историков других национальностей XII—XIV веков, а действительно фантастические приключения сына Лаши в пересказах армянских историков вообще даются в обрамлении сказочных сюжетов».

Летописец — правоверный христианин — действительно верил в божественные чудеса, верил, что святой образ может исцелить умирающего, верил во все невероятные для современного разума истории.

В связи с этим хочу напомнить читателю, что французский философ и писатель XVI века Мишель Монтень, рассматривая в трудах римского историка Тацита пресловутые чудеса (как, например, император Веспасиан своей слюной вернул зрение слепому, или рассказ о солдате, руки которого так заоченели, что примерзли к вязанке дров, которую он нес, да так и остались на ней и т. д.), писал: «Сообщает он и о других чудесах, но делает это по примеру и долгу всех добросовестных историков. Они ведь летописцы всех значительных событий, а ко всему происходящему в обществе относятся также толки и мнения людей. Историки должны рассказывать, чему верили окружающие их люди, но это отнюдь не означает одобрения этих верований. Оценкой занимаются по праву теологи и философы — наши духовные руководители». Далее Монтень приводит соображения не менее известных собратьев Тацита по перу Курция и Ливия о необходимости передачи невероятных историй и заключает: «Тацит творил в эпоху, когда вера в чудеса начала ослабевать, одна-

ко же он пишет, что не может не дать в своих Анналах места вещам, которые с верою принимали многие достойные люди и столь благоговейно почитали предки. Отлично сказано: «Пусть историки будут щедрее на рассказы о том, что они слышали, чем на свои собственные соображения об этом».

Летописец также был сыном своего времени, он добросовестно передает нам доходившие до него слухи и факты, приводимые в использованных им трудах. Поэтому было бы несправедливо из-за отдельных «чудес» ставить под сомнение его профессиональный престиж (между прочим, в последнее время все чаще люди стараются найти реальную почву описанных в прошлом чудес. В пример можно привести произведение польского писателя и ученого Зенона Косидовского «Библейские сказания», в котором реалистически интерпретируются библейские чудеса).

«Столетняя летопись» донесла до нас один любопытный штрих к портрету самого Летописца. Повествуя о разорении Тбилиси Джалал ад-дином, автор отмечает: «Прибегнул и к такому злу, о котором мне стыдно упоминать». Он рассказывает нам о том, как разрушали церкви, как над сокрушенным куполом Сионского собора было установлено кресло для Хорезмшаха, как оскверняли иконы Спасителя и Богоматери и т. д. О каком же таком «зле» ему «стыдно» говорить? По сведению армянского историка XIII века Киракоса Гандзакци, Джалал ад-дин, войдя в Тбилиси, приказал произвести насильственное обрезание у покоренных им христиан. Два воина-хорезмца держали мужчин за руки, а третий острым мечом выполнял соответствующую процедуру. Очевидно, именно это имел в виду автор «Столетней летописи», говоря о «зле», которое «стыдно» упоминать.

Тем более удивительно отношение Летописца к Джалал ад-дину. Он ведь был неусыпным врагом Грузии, подготовившим почву для легкой победы монголов над ослабевшей в борьбе с хорезмцами страной.

Повествуя о случайной гибели преследуемого монголами Джалал ад-дина, Летописец добавляет: «И был убит славный, доблестный государь, чья переменчивая судьба свидетельствует о тщете этой жизни, как говорит нам мудрый Екклесиаст: «Суета сует — все суета». Все оказалось тщетным — и войска, и дух непоколебимый, и непомерное богатство». (Иванэ Джавахишвили отмечал, что Летописец повествует о гибели Хорезмшаха с «большим достоинством и как будто даже с сожалением»).

Для сравнения приведем цитату из негрузинского источника, также рассказывающего о гибели Джалал ад-дина: «Так погиб этот злодей».

С одной стороны, «славный и доблестный государь», с другой, «злодей». Почему такая разница в оценках? Может быть, Хорезмшах подкупил летописца, или тот, не отличая добро от зла, награждает блестящими эпитетами разорителя и погубителя Грузии? Что же — упрекнем его за восхваление кровавого завоевателя или назовем безумцем?

Летописцу лучше нас известно, что Джалал ад-дин был злодеем. Достаточно привести один отрывок из его рассказа о разорении Тбилиси: «Здесь мне лучше промолчать, ничего утешительного я не скажу с такою болью в душе, ибо так жестоко принялись они убивать, отнимали у матерей грудных младенцев и на их же глазах разбивали им головы о камни, у кого глаза выскакивали, у кого мозги разбрызгивались, а потом и матерей убивали. Реки крови текли...»

Так что злодейство Джалал ад-дина для летописца не тайна, но он объективно оценивает жизнь и деятельность выдающегося полководца. Описывая борьбу Хорезмшаха против монголов, он характеризует его следующим образом: «Отважный и доблестный, дерзкий и бесстрашный, как если бы был бесплотным, мощью своей видный, в бою неподобный».

Проклинать умершего врага, доблестного полководца, единственного достойного противника монголов, не в правилах летописца, человека благородной рыцарской души.

Так претворяет в жизнь летописец свой девиз, согласно которому история — предмет, возвещающий истину, а не орудие для распространения конъюнктурных оценок или суждений: его перо не может смириться с ложью, которую диктует месть.

И, что главное, он никогда не пытается скрыть горькую правду, зло выдать за добро, воздать хвалу только своим землякам и охаять иноземцев. Он прекрасно знает, что возрождению страны и возвышению падшего духа может способствовать лишь признание правды, а не опьяненность самодовольством и игнорирование собственных недостатков и грехов. Божья благодать и истина освещают путь во мраке невежества и несправедливости. Лучшие сыны грузинского народа во все тяжелые для Грузии времена помнили о бессмертном девизе летописца и смело смотрели в глаза безысходной действительности, веря, что «будущее за нами, прорицатель тут не нужен».

В XIX веке Илья Чавчавадзе заявил во всеуслышание: «Пусть говорят: «Он о пружинах твердит худое. Он не таит пороки наши, в нем дышит злоба». То шум невежд! И только сердце поймет родное, что в злых словах любовь таится, любовь до гроба».

Наши предки хорошо знали, что человеку, говорящему правду, не простятся слова истины, лесть и ложь гораздо более выгодны и почетны. Но они знали и то, что скрывать зло — это наносить вред прежде всего своей стране. Знали, сколько ни старайся прятать свою боль, все равно не спрячешь, а сделаешь вид, что не замечаешь ее, другие все равно заметят, придут к тебе в качестве врачей и оскорбят твое национальное достоинство.

Мудрый девиз летописца, вероятно, и сегодня может послужить нам уроком и руководством к действию.

Лев КОПЕЛЕВ

МИЛОСЕРДНАЯ МОЩЬ

Темно-бронзовый великан прижал к груди маленького ягненка; видимо, только что поднял, — еще стоит на коленях. Великан могуч. Большие жилистые руки подхватили доверчиво прикорнувшего малыша; в каждой черте широких кистей, в каждом пальце — длинном, узловатом — напряженная сила. Мускулы плеч и предплечий туго бугрятся. Мощная голова склонилась над легкой ношей. Крутым куполом волосы нависают на прямые надбровья. Резко вырублены скулы. От большого хрящеватого носа густые косматые усы ниспадают к твердому подбородку, притиснутому к груди. Под легкими складками низко подпоясанной рубахи и просторных затрапезных штанов проступают крепкие мышцы спины, бедер, икр. Тяжелы колени, вдавленные в землю, тяжелы широченные босые ступни...

Богатырская мощь очевидна во всем. Но так же явственно — это необычная, необычайная мощь, предельно открытая, простая и сокровенно многозначная. В наклоне головы не только сила, но и бережная тревожная забота, и нежность, и печаль. А в остро приподнятых плечах не просто напряжение, но еще и та же добрая озабоченность и застенчивая грусть. В огромных угловатых узловатых твердых руках, так ласково прижимающих мягкое выпуклое тельце, и в том, как осторожно ссутулена спина, и даже в натруженных ступнях, похожих на ступни блудного сына у Рембрандта, в каждой части могучего тела и во всем целостном образе коленопреклоненного великана живет волшебное единство кроткого милосердия и богатырской мощи, земного притяжения и духовной вознесенности. Да, именно живет. Холодная плоть металла, шершавая бронза с темно-зеленой окалиной излучает живое тепло, неуловимое никакими измерительными приборами, но явственное открытому взгляду.

Это памятник великому художнику Нико Пиросманишвили, созданный ваятелем Элгуджей Амашукели. Он стоит в старом Тбилиси, в маленьком саду вблизи от берега Куры, отделенный от нее широкой улицей, по которой мчатся разнообразные легковые машины, автобусы, грузовики; улица ведет к аэропорту и на загородное шоссе — в Армению, Азербайджан... А на противоположном берегу — крутом, серо-скалистом, на гребне, отороченном зеленью, светлеют старые дома с длинными открытыми балконами-галереями, с узорчатой деревянной резьбой карнизов, тонких колонн и оград.

Нико Пиросмани — великий народный художник, **народный** в самом точном и полном смысле этого слова. Он не «вышел из народа», а до конца дней жил в народе, сам был народом, ежедневно работал для народа. Он создавал картины в силу природной необходимости, — как пчела создает мед, но в то же время и свободно, непринужденно, радостно. так же, как вдыхал весенний ветер, пил вино, глядел на свой Тбилиси, на горы вокруг...

Статуя Амашукели с первого взгляда поражает неожиданностью. Конечно, лицо похоже на портреты Пиросмани. Но никак не увидеть, что он был бездомным, полунцим гением, которого считали непутевым маляром, забавляющимся наивной живописью, что он писал картины по заказам трактирщиков (духанщиков) и иных «маленьких» людей, а ему платили кто обедом, кто кувшином вина или корзинкой овощей. Скульптор не изобразил ничего из конкретных особенностей бытия и быта Пиросмани, нет барельефов, напоминающих о предметах, героях или орудиях его искусства, нет ни надписи, ни аллегорических изображений, свидетельствующих о том, что лишь через много лет после его смерти пришла всемирная слава. Образ Нико Пиросмани складывался и, казалось бы, уже достаточно определенно сложился в разнообразных анекдотах, беллетристических и мемуарных описаниях, бытующих в самых разных слоях народа, во множестве изустных преданий, в картинах Ладо Гудиашвили и других грузинских художников, в поэтическом фильме Шенгелая, в стихах и песнях... Бронзовый великан Амашукели почти ничем не похож на этот привычный образ. И тем не менее в нем воплощен дух Пиросмани. Это не только и даже не столько скульптурный портрет, сколько торжественный гимн, реквием и хвала. Могучий титан, исполненный кроткого милосердия, евангельский добрый пастырь (который «полагает жизнь свою за овец», Иоанн, 10,

ты. Это считалось верным средством от дурного глаза. Человек, направлявшийся на охоту, встретив змею, мог надеяться на удачу.

Небезынтересен сванский эпос, в котором змея выступает ангелом-хранителем семьи.

А в горнорачинском сказании, благодаря змее, бедная деревенская женщина прослыла мудрой и всезнающей. И народ потянулся к ней за советом и разумным наставлением.

Любопытно и сказание о «Бохашвили Тази», в котором повествуется о том, как мальчик, случайно слизнув с руки змеиную кровь, стал всезнающим.

Интересно, что, как и Миндия в хевсурском сказании, Тази и мальчик выведены здесь реальными лицами. Возможно, тут имеет место явление, когда народный разум представлял их в виде языческих богов.

В грузинских народных сказаниях и преданиях особую силу приписывают языку змеи. В Горной Раче верят в то, что человек, имеющий при себе змеиный язык, становится остро словом и мудрецом. Подвергавшийся суду на процессе обязательно держал в кармане змеиный язык, который придавал ему силу, смелость и мудрость. И рачинцы были убеждены, что такой человек будет оправдан. Есть даже народное стихотворение на эту тему. И хотя оно не отличается высокими поэтическими достоинствами, для нас интересно тем, что в нем языческая вера ставится выше христианской. Выйти победителем человеку помогает змея, выступающая в роли его хранительницы и спасительницы.

Помимо многочисленных грузинских народных сказок, где упоминается змея, в разных уголках Грузии с нею связаны интересные предания и адаты.

Богатая народная сокровищница послужила источником поэмы Важа Пшавела «Змееед». Грузинская литературная критика высказала несколько мнений по этому поводу. Некоторые исследователи считают, что содержание поэмы заимствовано из иностранного источника.

Профессор А. Хаханашвили писал: «Подобная легенда известна о враче Александра Македонского (Лахмане), который стал мудрецом и познал тайны природы после того, как съел змеиное мясо»¹.

По мнению профессора С. Данелия, легенда, которую Ва-

¹ А. Хаханашвили. История грузинского народного творчества (19-с) с. 208.

жа Пшавела положил в основу «Змееда», создана под влиянием неоплатонизма¹. Важа Пшавела чувствовал, что его поэму ждала критика, и потому отмечал: «Может быть после моей смерти найдутся такие люди, которые не разгадают тайну моего произведения; считаю нужным сообщить, что материал для моей поэмы я почерпнул из народных преданий»².

Поэт с детства рос среди простого народа и с большим интересом прислушивался к народным сказаниям и преданиям. Услышанное крепко запоминал и затем обогащал своими мыслями и идеями. Не было никакой необходимости заимствовать идею из иностранного источника, так как в народе широко было распространено сказание о Хогаис Миндия, которое Важа и решил положить в основу своей поэмы. Он сам признавал: «Народное сказание для этой поэмы дало мне следующий материал: Миндия попал в плен к каджам. Пленному сварили змеиное мясо и дали съесть, чтобы отравить его, но вместо того, чтобы умереть, Миндия стал понимать язык трав и цветов, говорящих ему, какие болезни они могут излечить. В результате он познал целебное искусство и стал первым целителем».

Сегодня всем ясно, что, на первый взгляд, несложный сюжетный материал чисто фольклорного характера Важа Пшавела поднял на высокий художественный уровень. Великий поэт с большим художественным мастерством описывает, как Миндия, съев змеиное мясо, становится мудрецом.

Змея является не только символом мудрости, но и пророчества, ума, предвидит грядущее и предостерегает человека. Если он пренебрегает ею, то обязательно терпит неудачу. С этой точки зрения любопытно сказание «Змея и пастух». Был один богатый овцевод и было у него огромное стадо. Однажды, перегоняя стадо, пастух встретился со змеей, которая сказала ему: «Там, где ты пасешь стадо, из озера выйдет баран с турьими рогами и увлечет стадо в озеро. Будь осторожен». Но пастух не обратил внимания на вещие слова змеи и спокойно продолжил путь. К вечеру он подошел к озеру и пустил стадо пастись, а сам отправился в шалаш и крепко заснул. В полночь из озера вышел баран, смешался со стадом и увлек его за собой в воду. Проснувшись утром, пастух не обнаружил овец. Взглянул он в сторону озера и увидел, что вся поверхность воды покрыта овечьими шкурами. Го-

¹ С. Данелия. Важа Пшавела и грузинский народ, с. 49.

² Важа Пшавела. О моей поэме, т. 7, 1956, с. 336.

ворят, что там по сей день появляется на воде овечья шерсть...

В Грузии существует много сказаний о том, что после прикосновения человека к змеинному языку он становится мудрым. Таково и известное в Горной Раче сказание о крестьянине и змее. Крестьянин спас змею от пожара. «Коснись своим языком моего языка», — сказала она ему. Крестьянин так и сделал и сразу мир для него преобразился. Он стал понимать язык зверей, птиц, пресмыкающихся, рыб и растений. Благодаря этому смог лечить людей и вскоре прославился искусным врачеванием. С известностью к нему пришло и богатство. Так змея отблагодарила человека.

Подобное сказание есть и в Сванети. Называется оно «Охотник на Сурамском перевале». Содержание его аналогично вышеприведенному¹.

Кроме устных преданий, о преклонении перед змеей и о существовании ее культа свидетельствуют часто встречающиеся изображения змей на предметах древних времен².

Ручка посоха грузинского католикоса была увенчана изображением змей — символа мудрости.

У изголовья усопшего царя Ираклия стоял католикос Антоний, держа в руках патриарший посох, который украшали две золотые змеи³.

В Грузии змею изображали на стенах домов и над дверьми как покровительницу счастья и благополучия, верили в то, что она будет охранять очаг от злого духа и дурных чар.

И сейчас можно встретить дома с изображением змей. В селе Гергети (Казбегский район) над дверью дома Ягора Сунджашвили сохранилось изображение двух змей, как символа хранительниц очага, стены фасада старинного здания Тбилисского Госбанка и сейчас украшают две крупные фигуры в виде змей, что явно говорит о распространении ее культа в древней Грузии. Часты изображения змей на гербах и знаменах. Так, в фамильный герб именитых князей Цицишвили входит изображение змей, как знак силы и мудрости. В Грузии изображение змей можно встретить на колоннах святых мест. Этнографическо-археологическая объединенная экспеди-

¹ А. Гачечиладзе. Хогаис Миндия. Журнал «Цискари», № 3, 1959.

² И. Джавахишвили. История грузинской нации, кн. 1, 1928, с. 16.

³ Д. Касрадзе. Меч Ираклия, 1966, с. 175.

ция Грузинского Государственного музея имени С. Джанашиа обнаружила святую колонну «гиуне» на месте древнего поселения в Триалети, на левом берегу реки Кции или Храми у деревни Санамери. По свидетельству Н. Рехвиашвили, во время очистки на камне стали проступать ломаные фигуры, а потом ясно обозначилось изображение змеи. Кроме того, поперек большой змеи лежали две поменьше. Видно, большая олицетворяла мать, а поменьше — ее потомство. Культурный камень с изображением змей Н. Рехвиашвили признает предметом фаллического значения. Место с фаллическим камнем считалось культовым. Ему присваивалась сила плодородия.

В Грузии змею, как существо земли и воды, также связывают с плодородием.

Любопытно, что драконы в грузинских народных сказаниях связаны обычно с водой, где они обитают и царствуют, но их власть распространяется также и на сушу.

Космогонические мифы разных народов доказывают, что до возникновения суши, когда Вселенная была покрыта водой, в ней обитало какое-то начало жизни в виде змеи, вместе с тем змей олицетворял космический хаос, так называемое первичное начало в виде хаотического состояния до возникновения жизни.

Среди населения Грузии нередко убеждение, что змея имеет прямое отношение к засухе. Ее раннее появление весной указывает на засуху, позднее — на то, что снег запоздает, зима будет теплой.

В марте 1966 года я из Гори выехал в Цхинвали. Земля была покрыта снегом, кое-где виднелись проталины. При въезде в город я увидел многочисленное скопление людей на мосту. Взоры всех были устремлены вниз, к берегу реки Лиахви, где огромная серая змея грелась на солнце. Голова ее была высоко поднята, из широко раскрытого рта она выбрасывала язык. Здесь-то я и услышал, как многие высказали предположение, что весна будет ранней и ожидается сильная засуха. Слишком рано появилась змея. И действительно, в тот год по всей Грузии наблюдалась сильная засуха.

Еще в далекой древности змеи почитались у многих народов, занимавшихся земледелием, и были символом плодородия. Богини плодородия часто изображались со змеями¹.

Слияние двух вер — языческой и христианской с учас-

¹ Тухтина, Журнал «Работник», № 1, 1967.

тием змеи выражено в обычае, который распространен в Горной Раче до сегодняшнего дня. В ночь перед Новым годом из крутого теста пекут фигурки не только рогатых животных, но и фигурку свернувшейся змеи. Эти ритуальные фигурки с изображением змеи, несомненно, возникли на основе языческого поклонения животным. Сам же обычай является ярким примером слияния элементов христианства и язычества. Он оставил глубокий след в духовной жизни народа, сохранился в его вере.

Поклонение змее, признание ее добрым божеством относится к добиблейским временам. Этот процесс связан с древней верой, когда змею считали божеством силы земли и плодородия.

Тамар ЦИЦИШВИЛИ

Литературные взаимосвязи: формирование теоретических принципов

Многовековая история литературных взаимосвязей разных народов дает богатый материал для их научного изучения и обобщения. Без учета этих взаимосвязей сегодня уже невозможно представить исследование любой национальной литературы и, тем более, определить ее место в мировом литературном процессе.

В наших научных центрах создано немало заслуживающих внимания трудов по вопросам литературных взаимосвязей, освещающих различные их аспекты, однако единая стройная теоретическая система изучения литературных взаимосвязей находится еще в стадии формирования. С этой точки зрения большой интерес представляет труд Наны Гаприндашвили и Марики Одзели «Очерки по истории и теории литературных взаимосвязей и соотнесений», где с одной стороны, изучены, подытожены и обобщены труды советских и зарубежных литературоведов в этой области, а с другой, высказаны новые теоретические положения. Уже в предисловии разъясняется цель создания книги: «Формирование теоретических принципов литературных взаимосвязей и соотнесений способствует выявлению их основных моментов с правильных позиций и помогает ответить на ряд актуальных вопросов — какую роль играют литературные взаимосвязи в деле сближения разных народов и укреплении мира, какое место занимают литературные взаимосвязи и соотнесения в развитии конкретной национальной литературы и единой мировой литературы, какие конкретные связи имеют литературные взаимосвязи и соотношения с эпохой, какова функция форм выражения литературных взаимосвязей, как развиваются и изменяются эти формы в соответствии с эпохой и др». Назван-

ный труд заслуживает внимания постольку, поскольку в нем систематизированы и изучены важные вопросы литературных взаимосвязей и соотнесений и даны теоретические основы изучения данной проблемы.

Прежде всего привлекает внимание название исследования, точнее термин, точно выражающий суть этой области науки: «Литературные взаимосвязи и соотнесения». Авторы справедливо отмечают, что для дальнейшего совершенствования теоретических принципов этой сферы, наряду с другими проблемами, требующими своего разрешения, одним из необходимых условий является достижение согласия между исследователями в вопросе выбора единого, установленного, принятого термина.

Учитывая опыт предшественников, авторы предлагают нам термины — «литературные взаимосвязи и соотнесения». Эта формулировка масштабна, она указывает на двустороннюю связь и вместе с тем полностью охватывает ту сферу литературоведения, которая исследует как внешние, так и внутренние процессы, происходящие в различных национальных литературах. Поэтому, на мой взгляд, термин вполне приемлем.

Одна из глав труда посвящена вопросам возникновения литературных взаимосвязей, их развитию, будущему. В ней раскрывается цель исследования: выявить условия, способствующие возникновению и развитию литературных взаимосвязей.

Вполне логично поставлен вопрос о том, куда ведут нас интенсивно развивающиеся литературные контакты. Заслуживает внимания следующее положение: «Литературные взаимообогащение, взаимовлияние и взаимооближение ни в коем случае не предшествуют исчезновению национальных признаков. Каждая национальная литература вносит свой вклад в дело развития единой мировой литературы».

Авторы правильно указывают, что процесс литературного взаимооближения является «процессом вечного сближения». В книге речь идет также о том, какую большую роль могут играть случайность и необходимость и какая функция возложена на личность и общество в развитии литературных контактов. По-новому разработаны вопросы классификации литературных взаимосвязей и соотнесений. Авторы частично разделяют положение известного советского литературоведа И. Неупкоевой о двух основных типах литературных взаимосвязей: контактные и исторические сходные литературные процессы. В первом типе И. Неупкоева выделяет несколько ак-

туальных вопросов: а) литературные взаимосвязи между народами, которые развивались в сходных исторических условиях; б) литературные взаимосвязи между народами, имеющими один и тот же литературный язык; в) взаимосвязи литературных течений, сформировавшихся на основе различных исторических условий, различных национальных и художественных традиций, но близких по своим идейно-эстетическим направлениям; г) роль литературных взаимосвязей в деле формирования и развития молодых литератур.

По мнению Н. Гаприндашвили и М. Одзели, к этим вопросам необходимо добавить литературные взаимосвязи единовременных стран и стран, имеющих религиозные различия, что особенно важно при изучении литературных процессов прошедших веков.

О втором типе, выделенном И. Неупокоевой, авторы справедливо замечают, что здесь подразумеваются внутренние связи литератур, которые содержат весь комплекс сходства и различия литературных процессов. Неупокоева же заостряет внимание только на сходстве, а различия остаются вне исследования. Внутренние сходства и различия межлитературных процессов относятся к сфере типологии. Авторы расширяют рамки второго типа, выделенного Ириной Неупокоевой, и, чтобы полностью охватить всю систему литературных взаимоотношений, называют его типологическим. Так что в деление, предложенное Неупокоевой, исследователи вносят определенные коррективы и затем строят на них следующие ступени классификации. Из контактных типов они выделяют три основных подтипа — художественно-литературный, литературоведческий и научно-творческий, а из типологии — два подтипа — типологию одних и тех же литературных течений и типологию различных литературных течений. Далее авторы подробно останавливаются на многообразных формах литературных взаимосвязей и литературных взаимоотношений, объединенных в каждом подтипе, и, привлекая богатый литературный материал, обосновывают свою точку зрения. Предложенная ими классификация корректна (для большей ясности авторы предлагают нам схему), в ней соблюдено условие адекватности и размежевания, классификация такого вида дает возможность исследователям литературных взаимосвязей привести в систему различные формы взаимосвязей.

В рецензируемой книге дана попытка периодизации взаимосвязей грузинской литературы с литературами других народов. Авторы обосновывают тот факт, что периоды разви-

тия оригинальной грузинской литературы и ее взаимосвязей с литературами других народов в определенной степени совпадают, при этом исходя из принятого в литературоведении положения о том, что инонациональная тематика, отражающая жизнь других народов, является одной из форм литературных взаимосвязей, они расширяют хронологические рамки взаимосвязей грузинской литературы с другими литературами и обращаются к античному периоду.

Грузинская, в частности колхская, тематика встречается еще в античной литературе, в которую она вошла, в основном, из греческих мифов, созданных на колхскую тему; в этот период грузинской литературы еще не было и, естественно, рассуждать о двусторонних литературных взаимосвязях не представляется возможным: здесь мы имеем дело с односторонним явлением.

Итак, в указанном труде попытка периодизации контактов грузинской литературы с литературами других народов является совершенно оригинальной.

Авторы уделяют особое внимание такой важнейшей форме литературных взаимосвязей, как восприятие. Восприятие, — утверждают они, — это комплексный феномен, отличающийся от отдельных форм взаимосвязей, но восприятие одной литературы от другой не является механической суммой отдельных компонентов, т. е. различных форм литературных контактов. Оно представляется нам единой структурой явлений, и на него возложена важная функция в истории литературных взаимосвязей. Восприятие является результатом оригинального слияния многообразных форм литературных взаимосвязей. Оно обусловлено такими формами литературных контактов, как художественный перевод, критическое изучение и анализ литератур других народов, их творческое освоение и др. Наряду с этим исследователи предлагают нам также теоретическую модель полного, совершенного восприятия литератур других народов.

Сегодня, когда исследование любого аспекта взаимосвязей между разными народами несет на себе такую большую функцию, перед литературоведами еще раз со всей ясностью встает необходимость формирования теоретических принципов литературных взаимосвязей и изучения их истории. В этом отношении труд Наны Гаприндашвили и Марины Одзели интересен многосторонностью и новизной разрешения вопросов.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор К. Котомина

Корректор Е. Сопромадзе

Сдано в набор 28.06.91, г. Подписано к печати 8.11.91 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Печ. л. 7,0, Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 4.000. Заказ 1310. Цена 1 р. 30 к.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в типографию Издательства «Самшобло» по вопросам подписки и доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Типография Издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава, 14.

